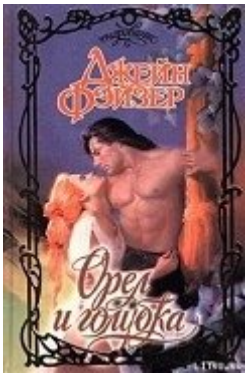

"Коршун и горлица (Орел и голубка)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джейн Фэйзер

Коршун и горлица (Орел и голубка)

Глава 1

Конец XV века

Мавританская Гранада

Был полдень. На вершинах гор лежал снег, ослепительно белый на фоне голубого летнего неба.

Солнце, висящее в небе, как огромный, медный шар, опаляло землю.

Девушка украдкой выбежала из селения; ее босые ноги неслышно касались иссушенной зноем травы, когда она пробиралась сквозь заросли оливковой рощи. Кругом царила тишина, не было слышно ни звука. Все племя в изнеможении от жары погрузилось в послеобеденный сон, даже птицы молчали. Собаки, увидев ее, не подняли головы. Но девушка перевела дух только тогда, когда оказалась по другую сторону от рощицы, на дороге, ведущей вверх, в горы Сьерра Невада и вниз, к морю. Она стояла на солнцепеке, вдыхая горячий воздух, наполненный ароматом дикого тимьяна. На тропе, из-за нагромождения скал, мелькнуло что-то красное. Это был он. Забыв о жаре, Сарита побежала вверх по холму. Подошвы ее ног огрубели и она почти не ощущала боли от камешков и шипов кустарников. Ярко-рыжие кудри, спускающиеся по спине, горели на солнце. Она подоткнула подол платья, чтобы удобнее было взбираться наверх. Ее загорелые ноги были легки и проворны.

— Сандро! Ах, ты смог-таки прийти, — смеясь, она бросилась в объятия молодого человека, который ждал ее, улыбаясь. У куста терновника терпеливо переминалась с ноги на ногу лошадка, рядом с ней находились два мула, нагруженных бочонками с вином.

— Тарик не ждет меня раньше чем через час, — сказал Сандро, — он решит, что я отдыхаю в деревне. В такую жару только сумасшедшие выходят на улицу!

— А мы и есть сумасшедшие, — сказала Сарита, беря его за руку, — подвергаем себя такой опасности, встречаясь, впрочем, кто нас здесь увидит?

Он встал возле нее на камни и взял ее лицо в руки. Она с пылкостью ответила на его поцелуй; груди ее, коснувшиеся его красной туники, напряглись. — Никто не видел, как ты уходила? — его пальцы принялись расшнуровывать лиф ее платья.

— Нет… нет, уверена, что нет. Мать спала, когда я уходила, — она рассмеялась ликующе, и все же чуть-чуть испуганно… слишком сильны были ее чувства, да и опасность их встреч, бывших под столь строгим запретом.

Сандро спустил ее лиф и наклонил голову.

Сарита тихо простонала, изгибаясь под его губами, ласкающими ее соски.

— Я хочу тебя, — прошептал он, и она почувствовала на своей коже его горячее и влажное дыхание. — О, Сарита, я так хочу тебя, что едва могу сдержаться.

Она еще теснее прижалась к нему и, приподняв тунику, скользнула под рубашку. Руки ее мяли, ласкали и щипали его плоть, неукротимое желание все больше и больше нарастало в ней.

Послышался лай собаки — резкий и отрывистый.

Едва дыша, они разняли свои объятия. Звук доносился со стороны рощицы. Вероятно, пес просто почуял какой-то незнакомый запах, но лагерь теперь насторожился, мирной сиесте придет конец.

Сарита натянула лиф, ее глаза цвета морских водорослей, казалось, уплывали от желания, а пальцы, завязывающие многочисленные тесемки, дрожали.

— Иди первым, — прошептала она, несмотря на то, что никто не мог их услышать, — докладывай подольше о том, как выполнил поручение, может быть, тогда моего отсутствия не заметят. А я зайду в лагерь с тыла — как будто выходила по нужде.

Сандро медленно встал. Он чуть не плакал от расстройства.

— Ну что нам делать? Не понимаю, почему Тарик против нашего брака.

Сарита покачала головой.

— Я тоже. Но раз он запрещает нам пожениться, ты знаешь, чем мы рискуем, встречаясь вот так.

Слово Тарика было законом в племени Рафаэля, он получил право на лидерство по наследству, а его сила и умение бороться служили залогом того, что этого права у него никто не отнимает. Брак между двумя членами племени был серьезным делом, и только Тарик мог запретить или одобрить его. Этот же союз он по каким-то причинам запретил. Сандро мог оспаривать указ, но тем самым бросил бы вызов самому Тарику. Он же понимал, что в борьбе с ним преуспеть не сможет. Физически он был не ровней вожаку, а умереть в 20 лет ему не хотелось.

Сарита подпрыгнула, — поцелуй меня в последний раз, — потребовала она, обнимая его.

— Я так люблю тебя! — простонал парень. Он слегка надкусил ее нижнюю губу и Сарита почувствовала соленый вкус собственной крови.

Это не отрезвило, а, наоборот, увеличило ее страсть, так что Сандро пришлось самому оторваться от нее.

— Хватит, о, Святая Матерь, Сарита, хватит!

С минуту они стояли, стараясь обрести контроль над собой, в отчаянии оттого, что им не удалось удовлетворить свое желание, от того, что любовь приходилось прятать. Затем Сарита облизала палец и стерла с губы след крови.

— Иди.

Сандро ушел, ничего больше не сказав, выводя мокрую от жары лошадку и нагруженных мулов на дорогу, чтобы появиться в лагере со стороны оливковой рощи, как будто бы он возвращается из Гранады, где он вел переговоры относительно покупки малаги. Сарита еще какое-то время постояла за скалой. Губа ее болела, и она боялась, что след от укуса будут заметен. От внимания матери и Тарика почти ничего не ускользало, в то же время порез на губе можно легко объяснить, подумала она про себя.

Решив, что Сандро уже в лагере, она вышла из-за скалы и начала спускаться к грязной дороге.

mir-knigi.org

Путь вниз занял у нее больше времени, чем наверх, возможно, из-за того, что она теперь не была так возбуждена и обрадована. На этот раз Сарита ощущала шипы и острые камешки под ногами. В тот момент, когда она вышла на дорогу, со стороны побережья показалась кавалькада всадников. Лошади были богато украшены, сбруя на солнце отливала золотом и серебром. Сами всадники также были одеты в богато расшитую одежду. Клан Сариты, состоящий из странствующих артистов и ремесленников, пересек границу Кастилии две недели назад. Сарита в первый раз посетила царство мавритан, хотя раньше ей часто доводилось видеть его жителей. Границы между Испанией и Гранадой были практически прозрачными и представителей мавританской расы — высоких и златокожих людей — часто можно было увидеть на улицах испанских городов.

Однако в этих людях, на взгляд Сариты, было что-то особенное, и она отошла в сторону, ожидая, что они проедут мимо нее. Она направилась в горы, в сверкающий дворец Альгамбра. Всадников было десятеро, они ехали на вороных конях, с их поясов свисали изогнутые ножи с рукоятками, разукрашенными драгоценными каменьями.

Один из всадников ехал чуть-чуть впереди. Поравнявшись с Саритой, он остановился, то же проделали и все остальные. Сарита почувствовала, что ее подвергли тщательному осмотру. Калиф Мули Абул Хассан не знал, что именно в этой девушке заставило его остановиться, но он привык следовать своему инстинкту и сейчас позволял себе удовлетворить свое любопытство. Но по мере того как он смотрел на нее, любопытство его разгоралось все больше. В девушке была какая-то хрупкость и одновременно сила Талия ее была тонюсенькой, а груди — маленькими и крепкими, как орешки. Одежда ее несла на себе отпечаток небрежности, свойственный сельским жителям, и в то же время девушка не казалась угнетенной своей бедностью, как это бывало со многими крестьянами. Она стояла, подбоченясь, со слегка приподнятым подбородком.

В ней была какая-то неукротимость, наверное, поэтому и возникало ощущение ее силы. Глаза ее, зеленые и блестящие, как темные изумруды, без боязни встретили его взгляд. Рот ее был полным, но твердым, нижняя губа слегка распухла. Прямой нос был усыпан веснушками, нежные щеки разрумянились, она отвернулась, как бы отвергая его взгляд.

Абул Хассан никогда не видел подобной женщины.

— Как тебя зовут? — спросил ее по-испански.

Сарита не ответила ему. Она была очарована внешностью и статью мужчины, его черными и острыми, как у орла, глазами, над которыми изгибались темные брови. Под аккуратно подстриженными усами прятался тонкий рот. Из-под фески струились черные кудри. Он держался как человек, которому никогда не приходилось отвечать на вопросы о том, кто он такой. Мужчина, чем-то похожий на Тарйка, и все же в чем-то совершенно другой.

Он повторил свой вопрос и она вышла из какого-то необычного транса. Резко покачав головой, она перешла дорогу и растворилась в серебряных глубинах оливковой рощи.

Калиф смотрел ей вслед.

— Попытайтесь разузнать что сможете, — сказал он на арабском и продолжил путь.

Сариту поразила эта странная, почти безмолвная встреча. Этот человек почему-то оставил Сариту небезразличной. И она была так погружена в свои мысли, что даже забыла, что собиралась войти в лагерь с тыла. В нем царил полный покой, около повозок и палаток горели костры, на траве паслись лошади и дремали волкодавы. Это ночью, на случай появления

чужака, они будут настороже, будь то зверь или человек. Женщины занимались своими домашними делами, все еще сонные после полуденного отдыха. Готовить ужин было еще рано и они наслаждались временной передышкой в работе, возясь с детьми и занимаясь рукоделием в тени оливковых деревьев. Между повозками и деревьями бегали ребятишки, на которых никто не обращал особого внимания.

Сарита неожиданно почувствовала, что оказалась в центре внимания. Мужчины собрались возле повозки Тарйка. Сандро что-то рассказывал им.

Оттуда раздавались взрывы смеха, как будто он поведал им весьма занимательную историю. Наверно, так оно и было. Он был хорошим рассказчиком, и качество это весьма ценилось в их обществе. Сандро изо всех сил старался удержать внимание мужчин до тех пор пока она не вольется в племя, но при ее приближении Тарик обернулся, как будто спиной почувствовав ее появление.

Он подошел к ней, кругом воцарилось полное ожидание, молчание. Все мужчины в племени Рафаэля были высокими и широкоплечими, но даже по сравнению с ними Тарик казался гигантом.

Его и без того смуглая кожа была черной от средиземноморского солнца, ярко-синие глаза блестели, а роскошная рыже-золотая борода являла собой контраст по сравнению с тонким ртом. Он был опасным человеком, но отлично справлялся со своей высокопоставленной должностью и потому был достойным и уважаемым лидером своего племени.

— Где ты была? — спросил он, стоя перед ней, широко расставив ноги.

Отчаяние, разочарование, шок от встречи на дороге — все это сказалось на Сарите и она ответила, смело встретив взгляд его синих глаз:

— Я уже давно взрослая, Тарик, и уж, конечно же, могу гулять там, где мне заблагорассудится.

Год назад за такие слова она получила бы затрещину, только с помощью нее и можно было поставить молодежь на место, но за последние несколько месяцев все переменилось. Теперь Тарик редко обижался на нее, хотя она и сознавала, что он обращал на нее больше внимания, чем на других представительниц ее племени.

Последнее она относила на счет того, что ее мать недавно овдовела. По традиции вожак племени уделял больше внимания вдовам и их детям. Терпимость же его она объясняла своим взрослением, что, однако, противоречило ее наблюдениям, которые показывали, что ничто — ни зрелость, ни замужество, ни даже материнство не защищают женщину от мужского кулака, замахивающегося на нее в приступе гнева.

Теперь же Тарик молча обдумывал ее ответ. Он должен был разозлить его, но не разозлил, а только еще больше насторожил. Сарита, с трепетом ожидавшая его ответа, осознала, что за ними наблюдает весь лагерь. Не то чтобы около них находилось много людей — нет, но возникало такое чувство, что все ожидают, что произойдет что-то необыкновенное. Как будто все вокруг знали что-то, чего не знала она. Удивительно, но Тарик только коснулся ее губы невероятно мягким кончиком пальца.

— Откуда это у тебя? — Сарита задрожала, но ответила так же дерзко:

— Споткнулась о камень и прикусила во время падения.

Тарик нахмурился, а потом резко сказал:

— Иди к матери, она ищет тебя, хочет что-то сказать.

Он повернулся на каблуках и отошел от нее.

Лагерь как будто вздохнул с облегчением.

Сарита постаралась стряхнуть с себя нехорошее предчувствие.

Она посмотрела на Сандро — тот стоял к ней спиной, и она поняла, что он умышленно встал так, чтобы не выдать своих чувств взглядом. Она пошла к повозке, внутренне готовясь к битве. Тарик дал ей понять, что мать рассердилась на ее исчезновение. Обычно тихая, в гневе Лючия была страшна.

Повозка была небольшой, но ее обладатели считали, что им повезло гораздо больше, чем тем людям, в распоряжении которых была одна только палатка. В повозке можно было спать не на земле, а на дереве. Деревянные стены сравнительно неплохо защищали от жары, а крыша из мешковины не пропускала капли дождя. Там было место для жаровни на случай холодных зимних ночей, и полки с крючьями для того, чтобы можно было разместить свой скудный гардероб. Отец Сариты, Эстабан, гордился тем, что семья его размещается в таких удобных апартаментах не меньше, чем своим искусством плотника. Он считал себя выше тех, кто зарабатывал себе на жизнь случайным ремеслом или публичными выступлениями — акробатов и им подобных. Где бы они не останавливались, он всегда мог установить свою будку неподалеку от ближайшего рынка и получить деньги неважно от кого — что от бедных, что от богатых.

При его жизни внутреннее пространство повозки перегораживалось занавеской, отделяя Сариту от родителей. Конечно, при этом достигалась только внешняя уединенность, так что Сарита, как и все ее сверстники, рано познала истинные отношения между мужчиной и женщиной. С тех пор как Эстабан умер, они с матерью спали рядом и обычно не ссорились.

Однако, забираясь в повозку в этот день, Сарита заметно нервничала.

— Мама? Тарик сказал, что ты искала меня.

— Ах, наконец-то пришла! Где ты была? — Лючия определенно была взволнована, но Сарите она вовсе не показалась сердитой, возбужденной — да.

— Я везде тебя искала. Почему ты не отдыхала?

— Живот болел, — сымпровизировала на ходу Сарита, — наверно, что-то съела. — Она не могла понять, почему мать так нервничает.

Лючия разрумянилась, волосы выбились из-под платка. Сарита просунула голову в повозку.

— Что это за ткань? — Она узнала ее. Это было свадебное платье ее матери.

Лючия внезапно обняла дочь.

— О, я так ошарашена, Сарита, такие новости.

Твой отец был бы так горд.

— Из-за чего, мама? — предчувствие Сариты, по-видимому, оправдывалось.

— И ты не догадываешься, — Лючия схватила ее за руки, — дорогое мое дитя, это Тарик. Он зашел ко мне в конце сиесты. Конечно, ты должна была чувствовать, как он относится к тебе, хотя, надо сказать, я и сама не понимала этого, просто думала, что он заботится о нас из-за того, что мы остались без мужчины… Но нет… ты должна выйти за него замуж, Сарита, ты станешь женой вождя племени.

— Нет! — прервала ее Сарита. — Как ты можешь говорить такое? Ты ведь знаешь о том, что у нас с Сандро. Как ты можешь такое говорить.

Лючия ударила дочь по лицу.

— Не смей больше даже упоминать имя Сандро!

Ты что, сошла с ума? Тебя хочет сам Тарик. Свадьба через три дня. Об этом теперь все знают. Завтра начнутся приготовления к ней.

— Нет! — снова прервала ее Сарита, она ощущала себя героиней ночного кошмара. — Ты не можешь согласиться на это, я — тоже.

— Дура! — Лючия встряхнула дочь за плечи, — послушай, что я тебе скажу, Тарику не нужно мое согласие. Он вождь и он хочет тебя. Ты пойдешь к нему сегодня вечером, чтобы отметить помолвку.

Сарита заставила себя промолчать. Конечно, верно то, что брак невозможен без согласия обеих сторон, но трудно себе представить, что она может отказать Тарику. В этом случае она будет изгнана из племени и лишится той защиты, которую оно ей давало. Она будет бездомной, без роду и племени в прямом смысле этих слов, одна — против целого мира, который быстро разделывается с теми, кто пришел в него из ниоткуда. Стать проституткой или умереть — вот из чего придется ей выбирать.

Стоя перед таким выбором, какая девушка откажется от чести стать невестой вождя? Разделить с ним ложе, что традиционно служит символом определенных намерений обеих сторон? Сарита подумала о тех, так часто прерываемых моментах страсти, которые она делила с Сандро. Их любовь была главным в ее жизни и в жизни Сандро. Как может она притворяться в том, что этой любви не существует? Как может отрицать то всепоглощающее желание, из-за которого они посмели так много?

Она медленно покачала головой. Нет, это невозможно. Тарик — опасный человек, но не дьявол же он! В последние месяцы он был так мягок с ней, возможно, он выслушает ее. Но только теперь до нее дошло, почему он запретил им с Сандро пожениться. Он сам хотел ее, даже шесть месяцев назад, когда Сандро пришел к нему, предвкушая успех в деле, в котором затем ему было отказано без всяких объяснений.

И она должна это снести? Кротко разделить ложе с Тариком и присутствовать при том, как Сандро женится на ком-то еще? Нет, это невозможно! Она стремительно выскочила из повозки, игнорируя материнский приказ вернуться назад, и побежала туда, где Тарик и другие мужчины пробовали плоды экспедиции Сандро.

Сарита ворвалась в их круг.

— Тарик, прошу тебя, мне необходимо поговорить с тобой. Ты не можешь этого сделать.

— Не могу? — спросил он. — О чем ты, Сарита?

— Ты не можешь жениться на мне. Прошу тебя, пойми, Тарик, я люблю Сандро и не могу выйти за тебя замуж.

Голубые глаза Тарика потемнели, как океан в непогоду.

— Прекрати сейчас же эти глупости, — сказал он, — и сделаем вид, что я ничего не слышал. — Он указал на людей, окружающих их, и Сарита, несмотря на свое горе, поняла, что он проявил великодушие, не обратив внимания на то, что она унизила его перед другими мужчинами, да и перед всем лагерем. Сандро был бледен, как привидение.

До этого момента он ничего не знал о помолвке и теперь стоял молча, не в силах вымолвить ни слова, Сарита же продолжала идти по пути, уничтожающему их обоих.

— Это не глупости, — сказала она, — дай мне объяснить, Тарик.

— Тут нечего объяснять, — прервал он ее со злостью, — ты сказала все, — он обернулся к Сандро. — Ты был с этой женщиной, — в его голосе не слышалось вопроса и видно было, что он едва сдерживается.

Сандро обрел голос.

— Я люблю ее, — сказал он, — мы уедем отсюда, примем изгнание из племени.

— Нет, не уедете, — Тарик отступил назад, лицо его теперь ничего не выражало, — ты бросил мне вызов, Александре. Когда ты пренебрег моим приказом, ты бросил вызов вождю племени Рафаэля, так что женщина и племя принадлежат победителю.

— Нет, — воскликнула Сарита в ужасе, — ты убьешь его.

Тарик обернулся к ней, лицо его по-прежнему было, как застывшая маска.

— Или он убьет меня.

Сарита постаралась овладеть собой, сбросить с себя непокидающее чувство кошмара. Она взглянула на Сандро — несмотря на бледность, вид у него был решительный и спокойный. У него не было выбора — честь требовала участия в сражении. Он предложил для них обоих изгнание, но его предложение было отвергнуто. Теперь ему не остается ничего другого, как умереть с честью. Да, умереть. Она понимала, что это неизбежно, и будучи до мозга костей человеком, принадлежащим племени, приняла это как должное. Мужчины окружили Тарика и Сандро. Тарик сбросил с себя тунику и закатал рукава рубашки. Мышцы на его руках была подобны холмам.

Сандро приготовился к схватке подобным образом. Он был на десять лет моложе Тарика и тоже силен, но мускулы его еще не приобрели той твердости, которая достигается трудом и участием в многочисленных сражениях.

Сарита ушла в себя — ничто не могло проникнуть туда, и, стоя среди соплеменников в этот жаркий день, ее как бы не было с ними. Она дрейфовала на облаке, прохладном, и ничего того, что происходило сейчас, на нем не происходило.

Она видела сверкнувшие на солнце кожи, наблюдала за их смертельным танцем, но как бы

издалека.

Все кончилось так быстро, что было даже трудно поверить в то, что это случилось. Тарик отомстил и подтвердил свое лидерство. Он сделал это быстро, так как не был заинтересован в продлении того, что было неизбежным. Когда все было кончено, он отступил назад и произнес:

— Он погиб с честью. Сегодня вечером мы похороним его.

Все расступились и он пошел туда, где с закрытыми от ужаса глазами стояла Сарита. Но когда он дотронулся до нее, глаза ее открылись — они были холодны как айсберг.

— Я никогда не выйду за тебя, — сказала она, отчетливо произнося каждое слово. — Никогда, Тарик! Ты напрасно обагрил свои руки кровью Сандро.

Сказав это, она повернулась и ушла. Никто не сделал попытки задержать ее, и она шла гордая и непреклонная, отстраняясь как бы от всего мира.

Тарик знал, что ему следует сейчас пойти за ней и утвердить свое превосходство над ней также публично, как он сделал это с ее любовником, но понял, что не сможет этого сделать. Конечно, она выйдет за него, конечно, разделит с ним сегодня ложе, если он требует этого. Но все это теперь потускнело для него, а этого не должно было случиться; ведь он только что продемонстрировал свою незыблемую власть и лидерство. Тарик качнулся в сторону всхлипывающей Лючии.

— Пошлешь сегодня вечером дочь ко мне.

И он зашагал к своей повозке.

Человек, прячущийся в тени оливковой рощи, ничего не пропустил. Он почти ничего не слышал, но понял все по жестам. Вряд ли он мог бы получить еще какую-нибудь информацию, если бы остался здесь дольше. Поэтому он тихо выскользнул из рощи и вернулся на дорогу, где его поджидала лошадь. Он поскакал вверх по дороге, туда где высился розовый замок Альгамбра, сверкающий среди заснеженных гор в лучах заходящего солнца.

Глава 2

— Хотите чаю, моя госпожа? — женщина с некоторым сомнением приблизилась к жене султана Айке. Она уже несколько дней, с тех пор как калиф Абул Хассан уехал в Альмерию, была не в настроении, и реакции ее были непредсказуемы.

Айка ответила не сразу. Она склонилась» над массивным фонтаном, сунув руки в воду, она была прохладной и чистой, и ее журчание наполняло дворик, в жаркий день являвший собой оазис.

— Где мой сын? — спросила она наконец, кладя влажную руку на голову льва, украшающего бассейн.

— С учителем, моя госпожа, — женщина не сказала, что уроки должны продолжаться до захода солнца. Айка все это отлично знала, так же как и то, что муж пытается уменьшить ее материнское влияние на растущего мальчика — своего наследника.

Она беспокойно пошла по одной из тропинок, идущих от фонтана. Вода от него бежала по тонкой трубе, проложенной вдоль дорожки. Воздух был наполнен ароматом олеандров, кругом

слышалось жужжанье снующих между цветами пчел.

Спикировавшая во двор ласточка взмыла в небеса, в яркую голубизну, омывающую крыши дворца.

Но Айка ничего этого не видела, будучи погруженной в свои собственные мысли.

Скоро Абул должен вернуться, может быть, это произойдет даже сегодня. Позовет ли он ее к себе ночью? Прошло уже много времени с тех пор, как он в последний раз звал ее. Он ни разу не делал этого после того, как она отказала ему в ту ночь, когда он сообщил ей, что отбирает из-под ее опеки сына — она разгневалась, а потом расплакалась и разразилась мольбами, пытаясь доказать ему, что мальчик еще очень мал и нуждается в матери.

Абул в конце концов холодно объяснил ей, что не одобряет ее заботы, что она портит и чересчур оберегает ребенка, тем самым оказывая мальчику плохую услугу. Тогда она в гневе ушла. Абул был не из тех мужчин, которые настаивают, не обращая внимания на нежелание женщины, и она надеялась, что своим поведением заставит его переменить решение. Но произошло совершенно противоположное. Получив однажды отказ, он больше не звал ее.

Однако он звал других, и Айке приходилось разыгрывать безразличие, наблюдая, как жене предпочитают ту или иную наложницу.

— Вы будете пить чай, моя госпожа? — женщина рискнула спросить снова.

— На закате, — фыркнула Айка, — с Бобдилом, когда тот освободится от занятий. А теперь оставь меня.

Женщина немедленно ушла, бесшумно ступая по богато украшенному полу дворца.

Айка зашла за колоннаду.

Она просчиталась, воспринимая мягкость мужа как должное, и преступила границы его терпения.

Она решила, что он не похож на других мужчин, но ошиблась. Абул не из тех, кто позволит женщине взять над собой верх, несмотря на свою любезность.

Если он по возвращении не простит ее, то ей придется, забыв о гордости, молить его о прощении.

Из-за его пренебрежения она теряла свое положение, а заодно и влияние. Но что было гораздо важнее, намного важнее, оно угрожало ее будущему: тому будущему, которое она так тщательно распланировала — будущему, которое достанется ей благодаря Бобдилу.

Она прошла через арку в прохладный холл, где был еще один фонтан. Там было много женщин, их шелковые платья порхали как бабочки. Они болтали, играли в кости, потягивали щербет, пощипывали пирожные и покрывали богатые ткани изящными стежками. Из верхней галереи раздавались звуки нежной музыки.

По мере того как Айка шла между ними, они склоняли головы и прекращали разговоры. Для них она все еще оставалась женой калифа. В своих покоях она нашла ту тишину и уединение, которые были ей необходимы для того, чтобы все обдумать.

mir-knigi.org

Она поднялась по узкой лестнице и ей открылся вид на сад и далекие горы. Покои наполнял сладкий горный воздух, льющийся из открытых окон.

Облокотившись на оттоманку, стоящую около окна, она позволила себе насладиться этим божественным видом и представить себя орлом, скользящим над белыми вершинами. Легкий ветерок приподнял ее юбку и Айку окатила волна надежды.

Они с Абулом займутся любовью, когда он вернется, горный ветерок будет шевелить их волосы, а красота открывающегося из окна вида придаст их любви изысканность.

Внезапно безмятежность ее мыслей прервал звон колокольчика. Он со сторожевых башен возвещал о чьем-то прибытии. Айка быстро встала. Ее окна не выходили на ворота, но по звону колокола она поняла, что возвращается калиф. Сердце ее учащенно забилось. Как ей встретить его? Со старшими членами семьи в зале? Или приветствовать его во дворе, когда он въедет? Или, может быть, остаться здесь в надежде на то, что он придет к ней, как делал раньше? Нет, бездействием ничего не добьешься. Ей показалось, что будет лучше, если она пойдет в залу. В этом случае она просто выкажет свое уважение к нему. Айка позвонила в колокольчик, но одна из женщин была уже в дверях — она несла кувшин с горячей душистой водой. Айка умыла лицо и руки, а женщина тем временем расчесала ей волосы. Она закрыла шарфом нижнюю часть лица и поспешила в официальные апартаменты калифа.

Мули Абдул Хассан соскочил с лошади.

Белые мраморные камни отражали солнечный свет и он по привычке отвел глаза к бассейну, находящемуся в центре двора. Вид воды радовал его взгляд. В ней неподвижно лежала гигантская золотая рыбка — она будто бы тоже страдала от жары, и Абул остановился, чтобы вдохнуть воздух, наполненный ароматом роз, в изобилии усыпающих кусты, обрамляющие бассейн. Слуги Абула привыкли к тому, что он снова и снова наслаждается своим домом после более чем дневного отсутствия, сознавая, однако, что сегодня он как-то странно озабочен.

Это заметили и те, кто ожидал его в салоне. Те, кто ждал его с докладом, решили не беспокоить его и обошлись пока ритуальными реверансами. Калиф приветствовал их несколько рассеянно, взгляд его упал на жену, скромно стоящую в стороне. Она наклонила голову, встретившись с ним взглядом.

Как это непохоже на Айку — появиться перед ним публично, — подумал Абул и слегка склонил голову. Во время своего отсутствия он почти не думал о ней, но теперь понял, что досада его со временем не уменьшилась. Она была очень красивой женщиной, но при этом настоящей стервой, и это начинало его беспокоить. У Айки был настоящий талант к плетению интриг, но он не обращал на это внимания до тех пор, пока его кади прозрачно не намекнул ему, что его жена может быть причастна к дискредитированию одного из его советников.

Абул сделал вид, что проигнорировал намеки магистрата, но сам провел осторожное расследование и прощупал Айку столь тонко, что та не поняла, в чем дело. В результате ему удалось прийти к определенному выводу. Его жена поссорилась с женой дискредитированного советника и задумала отомстить ей.

Абул же не подозревал об интриге и принял представленью ему доводы за чистую монету. Этот инцидент заставил Абула по-другому взглянуть на жену, особенно в связи с тем, что она очень ревностно опекала их сына. Увидев ее, он понял, что ничего не изменилось и он по-прежнему питает отвращение к ней, несмотря на ее очевидные попытки пойти с ним на мировую.

Однако он не мог позволить себе выказать свое отношение публично и потому вежливо

приветствовал ее.

— Поужинаете со мной и с сыном? — спросила Айка, улыбаясь подведенными глазами. Она не знала, стоит ли ей упоминать Бобдила, но потом решила, что будет проще, если они поведут себя так, как будто бы вовсе ничего не произошло.

Абул нахмурился. От его взгляда не ускользнули тщательно подведенные глаза жены. Он вспомнил о том, как прекрасно ее тело, несмотря на приверженность Айки к сладкому.

В его воображении возникли зеленые, живые глаза, тонкое и гибкое тело, одетое в старенькое оранжевое платье, голые ступни ног, коричневых от солнца. На самом деле они стояли у Абула перед глазами с тех самых пор, как девушка убежала от него днем в оливковую рощу. Он нисколько не хотел есть с женой и сыном. Он хотел узнать, что удалось Юсуфу о ней разведать. Продается ли она?

Ни о чем другом Абул и думать сейчас не мог.

— Нет, — ответил он, — не сегодня. У меня есть неотложные дела, но с репетитором нашего сына я поговорю.

Он еще раз склонил перед ней голову и отвернулся.

Руки Айки охолодели и она почувствовала, что испытывает настоящий страх. Итак, она по-прежнему в опале. Калиф не обязан держать жену, которая больше не пользовалась его милостью. Но Абул не отвергнет ее. Он не может этого сделать из-за такого пустяка. И если он не пошлет ни за кем, она сама проявит инициативу.

Она знает много способов возбудить мужской интерес, а уже если он возбудится, сумеет его удержать. И она вернулась в свои покои, где стала составлять план соблазнения своего мужа.

Абул завершил необходимый ритуал и направился в бани. На банщиков можно было положиться — они не станут беспокоить его праздной болтовней. Он принимал ванну не только с целью помыться — Абулу нужны были время и соответствующая атмосфера для медитирования.

Он долго лежал в горячей воде с благовониями и вспоминал: когда-то, давным-давно, он влюбился в женщину, одну из наложниц своего отца, — тогда он был совсем мальчиком, и когда отец обнаружил его тайну, то, смеясь, предоставил девушку в распоряжение сына.

Его любовное наваждение длилось только три ночи. С тех пор Абул почти никогда не чувствовал ничего, кроме легкой тяги к женщинам.

С Айкой все было несколько по-другому — она была его женой, красивой и искусной в любви.

Между ними были дружеские отношения и он считал, что ему повезло, что она умеет угодить ему разными способами… до тех пор, пока не понял, что мужчине необходимы не только плотские отношения с женщиной. Теперь же, когда он узнал о ее грязных интригах, как женщину, он больше ее не желал.

Он выскочил из горячей воды и нырнул в мраморную ванну с холодной. От холода у него перехватило дух, но он почувствовал, что голова становится ясной, а кожу пощипывает. Неужели это возможно влюбиться после одной случайной встречи, во время которой не было произнесено ни слова? Был ли в этом смысл?!

Банщик растер его и он вытянулся на скамье, все еще жмурясь. Пусть это бессмысленно, но ведь тем не менее это произошло! Он хочет ее, и заплатит сколько угодно, только бы получить!

Абул вошел в парную, где вытянулся на мраморной скамье. Пар ворвался ему в легкие, выгоняя из кожи пот. Он прикрыл глаза, чувствуя, что из его тела выходят все нечистоты. Может быть, ее нельзя купить. Нет, все на свете имеет свою цену… необязательно в деньгах, но все равно имеет. А если он не сможет купить ее, то… то существуют и другие пути.

Абул перешел в помещение для отдыха и предоставил свое тело в распоряжение тамошнего служащего. Девушка, видимо, была испанкой, хотя она и не ответила ему, когда он спросил на этом языке, как ее зовут, но ему показалось, что она не ответила ему вовсе не потому, что не поняла. Она отпрянула от него, как потревоженный лесной зверек. Абул прикрыл глаза.

— Мой господин… мой господин Абул.

Голос вывел Абула из транса. Перед ним стоял мужчина, которого он послал вслед за девушкой.

— И что же ты обнаружил? — Абул снова обрел легкость ума и тела.

Человек рассказал ему о том, что увидел и какие выводы сделал.

— Один убил из-за нее другого? — медленно произнес Абул, изо всех сил стараясь осознать сказанное. Впрочем, конечно, разные народы имеют разные обычаи, и не его дело подвергать сомнению традиции других. И, возможно, из-за этой женщины мужчина действительно может убить. Эта мысль почему-то не показалась ему такой уж дикой.

Но мужчина, совершающий убийство, не всегда получает свою награду. И что тогда?

Он поднялся с кушетки.

— Сделаем вылазку, Юсуф. Я хочу посмотреть на этот лагерь и на людей, населяющих его, своими глазами. Поедем только вдвоем. Нет никакой необходимости брать с собой военный отряд, я хочу сделать все тихо.

Служитель принес ему одежду, и внезапно Абул почувствовал себя голодным. Баня сделала с ним это и, несмотря на свое желание поскорее уехать, он неторопливо поел, отказавшись от каких-либо развлечений, кроме музыки арфы.

Те, кто прислуживал калифу, не догадывались о том, что в его крови играл огонь нетерпения.

Он чувствовал себя так, будто ему предстояло сражение и, несмотря на уверенность в успехе, внезапно познал сомнение. Свое тело он тоже приготовил должным образом, постаравшись полностью расслабиться, чтобы очистить и успокоить мозг.

Юсуф ждал его во дворике, сидя на быстром арабском скакуне. Конюх держал вторую лошадь под уздцы, она была под стать первой, Абул одобрительно кивнул. Эти лошади были выращены для быстрого и полного достоинства бега, а не для войны, где требовалась грубая сила.

У обоих мужчин с собой были только ножи, и ничего другого. Им предстоял недолгий путь — ночь была ясной, повсюду струился лунный свет, а перед ними извивалась темная дорога.

В своих покоях Айка готовила себя к визиту к мужу.

mir-knigi.org

— Нафисса, ты уверена, что калиф сегодня ни за кем не послал?

— Совершенно уверена, моя госпожа, — она вплела пахучую мимозу в волосы хозяйки. Бледно-желтые цветы являли собой контраст иссиня-черным прядям.

Рука Айки застыла в воздухе над украшенными каменьями сосудами с духами: она никак не могла решить, какие больше будут созвучны ее настроению и цели. Мускус или гардения, пожалуй, несколько тяжеловаты. Если бы Абул сам горел желанием, тогда подобные ароматы подошли бы его страсти, но если она сама должна соблазнить его и наполнить желанием, то потребуется нечто более тонкое и менее очевидное. Что-то такое, что дополнило бы мимозу. Когда она подняла крышку, воздух наполнился ароматом лилий. Она нанесла пахучее масло на виски, за уши, пониже глаз и в пульсирующие точки на шее и кистях. Потом спустила платье и прежде чем затемнить красным соски, тоже смазала их маслом. Нафисса принесла ей ночную сорочку из белого газа и тяжелое парчовое одеяние, чтобы она могла закутаться в него во время путешествия в апартаменты калифа.

— Пойди, выясни, пошел ли мой господин в свои покои? Может быть, он еще ужинает.

Оставшись одна, Айка, как и днем, легла на оттоманку. Ночной ветерок приносил из сада ароматы, которые смешивались с запахами ее тела. Она посмотрела в окно на темную громаду гор, белоснежные пики которых мерцали в лунном свете. Эта ночь была создана для любви, для любви во имя успеха.

Через несколько минут Нафисса вернулась. По ее лицу Айка сразу поняла, что что-то не так.

— Моя госпожа, калиф покинул дворец, — сказала служанка, заметно нервничая. По опыту она знала, что тот, кто приносит султанше дурные вести, может здорово пострадать от ее руки.

— Покинул? — Айка поднялась, проявляя явное нетерпение. — Что ты хочешь этим сказать? А куда он уехал?

— Не знаю, моя госпожа, — Нафисса ломала себе руки. — Они с Юсуфом, моя госпожа, взяли Лошадей и уехали десять минут назад.

— Только вдвоем? — Айка зашагала по комнате, ее удовольствие от красоты этой ночи было испорчено. Абул только что вернулся из долгого и трудного путешествия. Что же заставило его уехать снова?

— Кажется да, моя госпожа.

— Так, значит, он скоро вернется, — Айка все еще хмурилась. Она пойдет в его покои и подождет его там. Но Абул очень ревностно относился к своему уединению. Ему вполне может не понравиться то, что она находится в его покоях в его отсутствие.

Нет, она просто обождет его возвращения.

— Оставь меня, — Айка знаком показала Нафиссе на дверь и снова легла на оттоманку. Пальцы ее заскользили по телу, она позволила магии ночи околдовать себя.

— Ты ведь знаешь, что должна пойти к Тарику.

Лючия встала на колени перед скамьей, на которой неподвижно лежала Сарита, лежала с тех

самых пор, как умер Сандро, — если ты не придешь сама, за тобой придут другие мужчины.

Лючия коснулась плеча дочери. Это молчание сильно тревожило ее, оно было так несвойственно Сарите. Лючия ожидала злости, слез, горя, но не сознавала, как далеко продвинулись отношения между Саритой и Сандро — в этом, конечно же, надо было винить только себя. Тарик спросит с нее за это. Если бы он подозревал об их отношениях, то прекратил бы их, и они не принесли бы столько вреда. Не кто иной как Лючия, должна была знать, как обстоят дела между Саритой и Сандро. Если нужно, именно она должна была доложить Тарику об их отношениях. Теперь она боялась за себя, сознавая, что, если не позаботится о том, чтобы ее дочь повиновалась сегодня вечером вождю, ее обвинят вдвойне. Она также понимала, что Сариту невозможно будет уговорить, если она сама не захочет этого сделать.

— Выпей немного вот этого, — она поднесла Сарите чашу с вином, — это успокоит тебя и придаст сил.

Внезапно Сарита отпихнула чашу. Красное вино расплескалось, а оловянная чаша подпрыгнула. Лючия вышла из себя.

— Ты неблагодарная, глупая обманщица! У тебя нет другого выбора, как только пойти вечером к Тарику. Ну, если ты выбираешь страдания, — воля твоя. Я скажу ему, что ты не желаешь, и что я ничего не могу с тобой поделать.

Сарита, побледнев, села.

— Да, если я останусь в племени, у меня нет выбора, — спокойно сказала она. — Помоги мне уйти отсюда, мама.

Лючия уставилась на нее непонимающим взглядом. Существовать вне клана невозможно.

— Это сумасшествие, Сарита. Куда ты пойдешь?

Как будешь жить?

— Я попробую, — упрямо ответила Сарита. — Все что угодно, но не Тарик.

— Один мужчина, определенно лучше, чем сотни, — с горечью сказала мать. — Ты ведь знаешь, что только такая жизнь тебе уготована.

— Лучше пусть у меня будут сотни мужчин, чем один, у которого руки запачканы в крови Сандро, — сказала Сарита. — Помоги мне, прошу тебя.

— Ты отойдешь, забудешь о Сандро, — неуверенно сказала Лючия, — первая любовь, дитя мое. Все забывают о ней.

Сарита покачала головой.

— Даже если и так, не об этом речь. Ты хочешь, чтобы я спала с мужчиной, убившим человека, которого я любила. Я скорее убью себя.

Лючия услышала твердую убежденность в голосе дочери.

— Но ведь ты должна была предвидеть это, — сказала она, — ты же знала, что случится, и все-таки ослушалась Тарика. Даже если бы он не хотел тебя, узнав правду, воспринял бы

mir-knigi.org

неповиновение Сандро как вызов. — Сарита кивнула:

— Да, я знаю.

Господи, как можно объяснить слепую любовь, одержимые которой, подвергали себя такому риску? Как объяснить то, что они и жили-то только этими украденными моментами — моментами разделенной страсти?

— Помоги мне уйти отсюда, — повторила она.

Ее зеленые, как море, глаза наполнились мольбой.

— Пойди к нему и скажи, что я приду, но только тогда, когда погаснут костры. Скажи ему, что я вне себя от горя, и что я не могу показаться на улице, когда лагерь еще не спит.

— А когда он поймет, что я обманула его…

Фраза повисла в воздухе.

— Ты должна сказать ему, что я просила тебя оставить меня одну. Что я просила тебя прийти и приготовить меня через два часа. Будь с другими женщинами, дай им понять, что злишься на меня, но нисколько не сомневаешься в моем повиновении. Да и в самом деле, как может быть иначе?

Когда ты придешь сюда через два часа, то обнаружишь, что я сбежала. Все поверят, что ты ничего не знала.

Сарита понимала, что несмотря на этот план, она подвергает мать большому риску. Она знала также, что именно ее обвинит Тарик во всем случившемся.

Лючия была в замешательстве. Законы племени сидели в ней так крепко, что она не могла понять, как можно предпочесть короткое и дикое будущее судьбе, уготованной кланом. Но в Сарите всегда было нечто странное, нечто такое, что наводило на мысль, что она держится несколько отстраненно от племени. Теперь же она была взрослой женщиной. Лючия была убеждена, что если откажется помочь дочери, то Сарита все равно попытается покинуть лагерь до того, как Тарик пошлет за ней. Но без ее помощи не сможет выиграть время и исчезнуть до того, как на нее начнется охота. Если сейчас Лючия не поможет ей, то потом будет мучиться оттого, что предала дочь.

— Я помогу тебе, — сказала она наконец, — помогу, потому что не хочу, чтобы ты потом мучилась оттого, что твой план сорвался, а вовсе не потому, что думаю, что ты права.

Сарита встала и обняла мать.

— Я всегда любила тебя, — сказала Сарита.

Лючия улыбнулась и потрепала ее по плечу.

— Теперь я останусь совсем одна — и без мужа, и без ребенка. Я не узнаю внуков. Не могу понять, почему, но знаю, что ты не можешь остаться здесь.

Поэтому иди — я благословляю тебя. Возьми все деньги, что у нас есть, — она оторвалась от дочери и ушла.

Сарита постояла с минуту, осознавая степень самоотречения матери. Живя в племени, она будет стариться совсем одна, без родни, без близких, которые бы лелеяли и поддерживали ее. Конечно, о ней позаботятся, но она все равно будет чувствовать себя изгоем — женщиной без семьи.

И если Тарик захочет испортить ей жизнь, то вполне сможет это сделать.

Если он решит прийти сразу после ее побега, у нее не будет времени для того, чтобы скрыться.

Эта мысль не давала ей покоя. Чем скорее она уйдет, тем больше времени у нее будет. Она пойдет в Гранаду. Город достаточно большой для того, чтобы поглотить женщину, пока не утихнет погоня.

Сарита лихорадочно-быстро завернула в платок те небольшие пожитки, которые у нее были. Их скромные сбережения хранились под лавкой. Кража была неслыханным в племени делом, но все предпринимали предосторожности от чужих. Сарита вынула содержимое кошелька. Там было два золотых экю. Она не возьмет их. Это было маленькое наследство, которое оставил Эстабан матери.

Но там было еще двенадцать серебряных пенни, венецианский дукат и два флорина. Она взяла только пенни, потому что у нее возникло чувство, что иметь слишком много денег будет еще хуже, чем слишком мало. С грабителями ей сталкиваться не хотелось бы. Лучше всего для нее будет, если она смешается с толпой в самых бедных кварталах города и будет выглядеть, как их обитательница.

Если она привлечет к себе внимание, то очень скоро окажется на рынке рабов.

Люди были повсюду, поэтому она не может рисковать, выходя из фургона с переднего входа.

Полуденная драма и сознание того, что она должна продолжиться, породили атмосферу какого-то тайного волнения. Все бодрствовали, обычное спокойствие вечера было нарушено. Поэтому Сарита подошла к задней части фургона и осторожно отодвинула одну из досок. Когда-то, будучи ребенком, она таким образом избегала соглядатаев, желая на рассвете уйти с мальчишками на охоту. С тех пор она ни разу не делала этого. Доска легко поддалась; она бросила свой узел на землю и он с глухим стуком упал. Сарита прислушалась, поблизости, казалось, никого не было. Луна была яркой, а между фургоном и оливковой рощей был короткий пустой участок.

У Сариты засосало под ложечкой, когда она подошла к дырке. Она сделает это. Выбираясь из фургона, она порвала платье и расцарапала себе бедро, но через секунду уже была в роще. Лунный свет сработал и против и за нее, по крайней мере, она видела, что берег пуст. Не дыша, она прислонилась к дереву, ей едва верилось в то, что ее побег удался. Но кругом была тишина: слышался только шелест цикад и пение дрозда. Отдышавшись, Сарита прошла через рощу, огибая лагерь. Из лагеря доносились звуки музыки, смех и запахи съестного.

Все, такое знакомое, оставалось позади. На мгновение ее охватила паника. Через секунду она позволила себе увидеть Сандро таким, каким он был, стоя за скалами и таким, каким стал — недвижимым — в смерти.

Сарита бросилась на дорогу. Внизу лежал город, она повернулась к нему. Ей захотелось побежать, но она понимала, что, пока ее не преследуют, силы ей тратить не стоит.

Абул Хассан сперва не мог поверить такому совпадению. Они с Юсуфом были неподалеку от

входа в оливковую рощу, когда на дорогу, освещенную луной, скользнула легкая фигурка в том самом ярко-оранжевом платье.

Юсуф молча указал на нее и Абул кивнул.

Затем он пустил, лошадь галопом, следуя порыву.

Сарита услышала стук копыт сзади. Первой ее мыслью было то, что это Тарик каким-то образом обнаружил ее побег… не поверил ее матери… не захотел ждать еще два часа. Она побежала. Побежала, не оглядываясь. Потом она внезапно остановилась. Будь что будет, она все равно не сможет обогнать его. Сарита повернулась, окаменев, как кролик перед удавом.

Лошадь не принадлежала Тарику. Пока животное не остановилось рядом с ней, она думала только об этом. Ее схватили под руки. Узелок упал, вещи рассыпались на дороге, серебряные монеты заблестели в лунном свете. В следующее мгновение она уже сидела перед похитителем, крик застрял у нее в горле.

Абул крепко держал ее — одной рукой за плечи, а другой — за талию. Ощущение ее тела сводило его с ума. Он посмотрел ей в лицо. Глаза были полны гнева. Они были такими же, как днем, цвета влажного изумруда, и в них не было страха.

Рот ее был приоткрыт и, повинуясь инстинкту, он положил на него ладонь, предупреждая ее крик.

Ее зубы впились в его руку. Он почувствовал острую боль, но не отнял руку.

— Если ты пообещаешь не кричать, я отниму руку, — тихо сказал он по-испански.

Мысли путались в голове у Сариты. Если она закричит, в лагере ее услышат. Хочет ли она, чтобы ее спасли и тем самым подвергли тому, чего она хотела избежать? Что бы это ни было, это было не тем, что она покинула. Она помнила его, этого человека с блестящими черными глазами, улыбку на его губах и руку, которая сейчас закрывала ее рот.

Что ему от нее нужно? Она чувствовала соленость его кожи. Так и не придя ни к какому выводу, Сарита разжала зубы.

Абул с облегчением помахал рукой. Он ослабил хватку, и Сарита мгновенно воспользовалась преимуществом и попыталась соскользнуть с лошади, все еще стоящей на дороге.

Абул стянул с себя плащ и обернул ее в него, так что, в конце концов, она оказалась запеленутой в него, как дитя.

— Спокойней, милая, — мягко сказал он, слегка ударив ее по щеке, — ты сделаешь себе больно, а я не хочу, чтобы это случилось. — Он все еще улыбался ей, позабавленный ее борьбой, но в улыбке его не было насмешливости. — Я приехал, чтобы купить тебя, — сказал он, — но только дурак платит за голубку, что летит ему прямо в руки.

Он тихонько засмеялся и развернул лошадь.

Сарита не двигалась. В складках его плаща она почувствовала себя против ожидания удобно, а то, что она не могла сопротивляться, странно успокоило ее. Она ничего не может сделать, но цель ее достигнута. Она совсем не была испугана. Может быть, она и сердится из-за того, что ее похитили, но в данный момент все это как нельзя лучше соответствует ее планам. Никто не

будет искать ее там, куда ее отвезут.

Юсуф подобрал ее вещи и поехал вслед за калифом и его гостьей.

Сарита въехала во дворец Альгамбра. Глаза ее расширились, когда они проехали мимо вытянутой руки Ворот правосудия, пять пальцев которой олицетворяли пять заповедей Корана. Она так ничего и не сказала. А что ей было говорить?

Глава 3

— Моя госпожа, Юсуф и господин Абул вернулись.

Айка вышла из транса, в котором находилась с тех пор как уехал Абул. Она повернулась к Нафиссе, стоящей в дверях.

— Отлично. Помоги мне уложить волосы, — она поднялась с оттоманки.

— Господин Абул уже пошел в свои покои?

— Не думаю, моя госпожа.

Айка задержалась на нижней ступеньке.

— Что ты хочешь сказать этим «не думаю»?

Нафисса вздохнула.

— Я слышала, что он пошел в одну из боковых башен, моя госпожа. Юсуф сразу же направился к визирю, чтобы о чем-то поговорить. Я не знаю о чем, но это уже длится четверть часа.

Нахмурившись, Айка присела на низкий пуфик, стоящий около хрустального зеркала.

— Вставь свежую мимозу в мои волосы. Зачем моему господину понадобилось идти в башню?

Нафисса вынула из волос султанши поникшие цветы.

— Говорят, он вернулся не один, кто-то лежал впереди него на лошади.

Айка промолчала. Она представления не имела о том, где служанка брала информацию, но она всегда была в курсе того, что происходило во дворце, и это делало ее незаменимой.

— Этот человек, — наконец сказала Айка, — мужчина или женщина? — Быстрые пальцы Нафиссы вплетали в волосы султанши цветок…

— Ну так? — требовательно спросила она, так как девушка молчала.

— Не знаю наверное, моя госпожа, но те, кто видел, сказали, что человек был завернут в плащ султана и что он с легкостью внес его в башню.

— Так это женщина или ребенок? — Айка прикусила губу. Может быть, это член какой-нибудь почтенной семьи, взятый им для выкупа: возможно, в качестве заложника, или отданный ему в качестве подарка, или в уплату за что-нибудь? Подобные вещи не были чем-то необычным в мире, где насилие и угроза были первостепенными орудиями дипломатии и переговоров. Мули Абул Хассан был вообще-то милосердным человеком, и, одержав победу, проявлял

mir-knigi.org

великодушие, но действовал все же по обычаям своего времени и не стал бы упускать возможность захватить в рабство из мести или в качестве дани высокорожденное дитя или женщину.

Айка резко переменила свое решение соблазнить мужа сегодня. Если Абул озабочен политикой, он не возжелает ее, а она будет выглядеть дурой, и только еще больше оттолкнет его от себя.

А если это женщина, которую он захватил, то он, очевидно, будет заниматься ею. Она капризно вырвала из прически мимозу, и бросила ее на пол, где цветок сразу же потерял свежесть, поблекнув на полу, богато выложенном мозаикой.

— Помоги мне лечь в постель, а потом выясни, что сможешь, о пленнике. Когда разбудишь меня утром, представишь полный отчет, — она отбросила тяжелое парчовое одеяние на пол и оно упало рядом с отвергнутой мимозой. Нафисса откинула шелковое покрывало с постели, но когда нагнулась, чтобы поднять накидку и цветы, ее госпожа грубо вытолкала ее из комнаты.

Айка осталась наедине со своими грустными мыслями. Ее тело, так тщательно возбужденное ею в те часы, когда она готовила себя к ночи с Абулом, теперь не получит удовлетворения. Но физическое разочарование — было ничто по сравнению с провалом ее плана и ощущением почти что страха оттого, что она теряет свое влияние на мужа. Завтра она должна будет завладеть его вниманием; она сделает это, но только после того, как узнает, кто тот пленник в башне. Она сможет влиять на события, происходящие во дворце только в том случае, если будет в курсе того, что в нем происходит.

Абул и его пленница остановились в первом дворике; после обмена несколькими фразами со своим господином, Юсуф исчез в одном из строений. К ним присоединился человек в чалме, и они снова тронулись.

Повсюду слышался плеск воды в фонтанах и журчание ручейков, бегущих по мраморным каналам.

Воздух был напоен ароматами олеандра, мирты, мимозы и роз, а апельсиновый цвет был столь роскошным, что Сарита не смогла выявить отдельные компоненты запаха во всеобщем благоухании. Горящие факелы отбрасывали целые каскады света, освещая здания и сады, и этот свет контрастировал с бриллиантовой чистотой звезд, мерцающих в бархатном небе. У Сариты возникло странное ощущение того, что она перенеслась в какой-то заколдованный мир. Огни их лагеря и родной фургон померкли в ее памяти, а ужасные события дня потеряли свою важность. Казалось, что они совсем никак не связаны с тем, что ее захватил в плен незнакомец, обитающий в сказочной стране, и, что, если эта страна реальна, то, возможно, те, другие события произошли только в ее воображении. Конечно, она понимала, что подобные мысли — чистая фантазия, боль от смерти Сандро обжигала ее, как кипяток кожу, но на мгновение ей захотелось окунуться в это зачарованное море и предоставить событиям идти своим чередом. Безусловно, бегство от Тарика ей удалось.

Они повернули на дорогу, обсаженную кипарисами, оставив позади себя основное здание дворца. Путь их был опять-таки освещен факелами и Сарита увидела, что впереди них маячит дворцовая стена. Человек в чалме открыл маленькую калитку, ведущую в садик, в конце которого находилась башня, встроенная во внешнюю стену дворцовой крепости. Было похоже на то, что путешествие их подошло к концу. Может быть, в башне находится тюрьма? Но их обычно не окружают садики, а они располагаются в отталкивающих зданиях. В этой же башне не было ничего отвратительно. Не успела она принять решение о том, как себя вести, как

похититель соскочил на землю, так же крепко держа ее на руках. Сарита знала, что почти ничего не весит, но в той легкости, с которой ее держали, было что-то угнетающее. Эта легкость не давала никакой надежды на возможность обретения свободы — свободы, которой так хотелось Сарите.

Человек в чалме открыл дверь и ее внесли в башню, где осторожно поставили на ноги.

Это определенно не было тюрьмой. Сарита оказалась в маленькой зале, скорее напоминающей внутренний дворик, чем комнату. Стены ее были украшены ляпис-лазурью, фонтан окружен цветами и пахучими кустами. Тонкие столбы образовывали колоннаду. Плащ соскользнул с плеч Сариты, и она с восхищением огляделась — в жизни не видела ничего столь же прекрасного. Красоты природы — восхитительные виды, буйство красок цветов и деревьев, « — все это было знакомо и раньше и воспринималось ею как должное, но с внутренним убранством такой красоты она не сталкивалась никогда. Ей доводилось останавливаться в трактирах, заходить в магазины и церкви, последние часто бывали богато украшены, но подобного великолепия она еще не видела.

Здешнее убранство было красивее убранства любой церкви и даже сейчас, будучи в ослеплении, она почувствовала, что не одобряет высокомерия того, кто украсил свой дом так, как будто это была обитель Божия. Но в следующий момент она вспомнила, что имеет дело с не правоверными. Она открыла было рот, чтобы спросить, что это за место, но, вспомнив о своем решении не разговаривать, промолчала.

Абул внимательно наблюдал за ней. Он прочитал по ее лицу, что ей понравилось здесь и ждал, когда она заговорит. Она же решительно закрыла рот, не произнеся того, что собиралась, он вздрогнул, успокоив себя, однако, что, слава Аллаху, она, очевидно, не немая.

— Здесь ты будешь жить, — сказал он, — пойдем наверх. — И он указал на лестницу.

Сарита взглянула наверх и увидела верхнюю галерею, огибающую внутренний дворик. Сводчатая крыша, очевидно, поднималась до самого верха башни, яркий лунный свет проникал сюда сквозь окна, расположенные на галерее. Он сказал, что она будет здесь жить. Сарита была так поражена услышанным, что какое-то время не могла двинуться с места. Инстинкт подсказывал ей не шевелиться и не общаться с похитителем, только так она могла, как ей казалось, продемонстрировать свой отказ подчиняться ему. Но он и не думал ждать, чтобы посмотреть, будет ли она ему повиноваться. Вместо этого он уже поднимался по лестнице. Кроме того, не будет никакого вреда, если она посмотрит, что там — наверху. Любопытство победило сомнения и, последовав за ним, она оказалась на галерее.

Стены ее были украшены дамасским шелком, между двумя окнами стоял мягчайший диван, а на низком мраморном столике — хрустальное зеркало.

Сарита никогда раньше не видела зеркала — свое отражение ей удавалось лицезреть только на поверхности начищенного котла. Рука Сариты коснулась шелковой обивки дивана. Она подумала о соломенном тюфяке, который служил ей постелью в фургоне, о грубых простынях и тонком одеяле, которые использовала зимой.

— Как тебя зовут? — в третий раз за этот день спросил ее Абул. Сарита не ответила. Вместо этого она подошла к окну. Внизу было ущелье, по бокам которого виднелись крыши зданий, за которыми поднимались горы. Ей захотелось спросить его об этих домах, но снова упрямство взяло верх и она промолчала.

Меня зовут Мули Абул Хассан, — продолжал как ни в чем не бывало Абул, — я калиф Гранады,

а это — мой дворец. Но ты, наверное, это знаешь?

Ответом ему опять было молчание. У него не было даже чувства, что она хоть немного напугана тем, что ее похитили. Ее молчание таило в себе какой-то вызов, и он снова осознал, что, несмотря на хрупкость и тонкость, в ней есть что-то от дикого зверька. Он вспомнил, что она убежала. Не очень-то осторожный поступок. Скоро к ней, безусловно, пристали бы, и весьма вероятно, что исход событий был бы для нее куда менее благоприятным. Даже если бы ей удалось добраться до города, одинокой и беззащитной женщине находиться там было вовсе небезопасно. Да, неосторожный поступок. Может быть, она совершила его от отчаяния?

Подойдя сзади, он поймал ее за плечо и потребовал тем самым повернуться к себе. Глаза цвета водорослей с досадой посмотрели на него. Он коснулся губы девушки кончиком пальца (Абул еще раньше заметил легкую ее припухлость), потом отвернул губу, отчего обнажился порез.

Итак, один человек убил сегодня другого из-за этой женщины. Укус страсти? — догадался он, наблюдая за ней. На ее щеках появился румянец гнева, сменившийся горестной бледностью.

— Ах, — тихо протянул он, — я начинаю понимать. — Насильственная смерть любовника могла послужить веской причиной отчаянного побега!

Прекрасные глаза девушки зажглись таким возмущением, что он понял, что ей было трудно сдержаться и не высказать то, что она о нем подумала. Неожиданно Абул понял, что безумно хочет услышать ее голос, пусть даже и звенящий от злости. Но усилием воли она загнала свой гнев внутрь.

Повинуясь внутреннему порыву, Абул нагнулся и накрыл ее уста своими, касаясь ранки кончиком языка.

Сарита внутренне содрогнулась от этого поцелуя. Но кроме возмущения она почувствовала кое-что еще; этот мужчина почему-то притягивал ее к себе. Подавив вздох, Сарита отпрянула от Абула и прислонилась к стене, закрывая рот, тем самым как бы охраняя его от дальнейших посягательств.

Внизу кто-то тихонько открыл и закрыл дверь. Она посмотрела туда. Во дворик вошли две женщины, одетые в простые темные платья, с платками на головах. Они взглянули наверх и, увидев ее и калифа, поспешили подняться по лестнице. Женщины поклонились Абулу, при этом открыв свое лицо.

Он небрежно ответил на их приветствия. Сарита с любопытством осматривала вновь пришедших.

Они были молодыми, как ей показалось, не старше ее самой. Одна из них имела довольно заурядную внешность, лицо ее было изрыто оспой, но ее простоту целиком искупало приветливое выражение лица и мягкие темные глаза. Глаза другой, веселые и умные, встретили внимательный взгляд Сариты с неприкрытым интересом. Сарите она очень понравилась, и ее неожиданно потянуло к ней, как бывает иногда, когда в незнакомце распознаешь человека, с которым возможны глубокие и длительные дружеские отношения.

— Как вас зовут? — спросил их Абул по-испански.

— Зулема, мой господин, — ответила простушка.

— Кадига, господин Абул, — произнесла другая, косясь на Сариту.

mir-knigi.org

— Вы знаете испанский?

— Немного, — ответили они скромно.

Абул кивнул. Он поручил Юсуфу, проконсультировавшись с визирем, выбрать двух, свободно говорящих на испанском, молодых служащих. Похоже было на то, что визирь и Юсуф поработали на славу. Эти девушки были молоды, и если и не очень свободно говорили по-испански, то, несомненно, могли найти способы общения с испанской девушкой.

— Приготовьте ванну, — приказал он, повернувшись к все еще молчащей Сарите. Он улыбнулся и коснулся ее щеки там, где на нее налипла грязь.

— Ты очень нуждаешься в ванне, милая. Завтра я расскажу тебе все о них, но сегодня тебе помогут эти женщины.

Не успела Сарита осознать значение его слов, как он исчез из ее поля зрения. Она перегнулась через перила — внизу стояла круглая ванна, из которой поднимался пар.

Вокруг нее суетились обе женщины: они прыскали чем-то в воду и раскладывали плотные полотенца. Увидев своего господина, они застыли в благоговейном молчании. Он заговорил с ними по-арабски.

— Юсуф придет за ней через час.

К счастью для Сариты она не могла понять сказанное им.

— Госпожа, не соизволите ли вы спуститься? — позвала Кадига Сариту, все еще стоящую на галерее. — Ваша ванна готова.

— Но я не хочу мыться в ванне, — заявила Сарита, спустившись во дворик, — а если б даже хотела, то и сама могла бы в ней помыться.

— О, но вам понравится, моя госпожа, — увещевала ее Зулема. — Вы, должно быть, долго были в пути и поэтому запачкались.

Сарита посмотрела на свои босые ноги. Они были ужасно грязными, под ногтями тоже был чернозем, вероятно, она так запачкалась, когда вынимала ту доску в фургоне… неужели это было сегодня? Неожиданно Сарита почувствовала, как на нее навалилась чудовищная усталость, она редко ощущала подобное. Вероятно, она чувствовала себя такой измотанной из-за огромного эмоционального напряжения, выпавшего сегодня на ее долю. Пар, поднимавшийся из ванны, приятно щекотал ноздри Сарите, и перспектива оказаться в ней неожиданно показалась ей заманчивой.

Она стала было расстегивать лиф, но Кадига оказалась проворнее, и, не успела Сарита и глазом моргнуть, как женщины сняли с нее платье и нательную рубаху. Больше на ней, как и всегда в летнюю пору, ничего не было.

— Нет, оставьте мне мою одежду, — запротестовала Сарита, так как они, похоже, собирались выбросить те единственные вещи, которые связывали ее с прошлым.

Кадига с сомнением подняла ее платье и рубаху.

— Но их надо выстирать, госпожа, и зашить.

И она показала на большую дырку, зиявшую на спине. Должно быть, я порвала платье, когда выбиралась из повозки, — подумала Сарита, выхватывая одежду из рук девушки.

— Так я и постираю. И не зовите меня госпожой.

Меня зовут Сарита, — она бережно положила одежду на стол.

— Но мы ведь ваши служанки, — тихо сказала Зулема, — пожалуйста, примите ванну.

— Но только недолго, — твердо заявила Сарита, ступая в воду, — а если вы собираетесь прислуживать мне, пока я буду здесь, то настаиваю на том, чтоб вы звали меня по имени.

Она окунулась в воду и тихонько застонала от удовольствия.

Зулема склонилась над Саритой, выливая ей на голову воду. Сарита прикрыла глаза от удовольствия — никогда раньше ей вот так не мыли волосы. В жизни она мылась обычно в ручьях и реках, используя грубое мыло, которое мать делала из топленого животного жира. Зимой же она мылась редко, подогревая для этого воду на огне. Роскошная ванна еще больше усилила в ней ощущение нереальности происходящего и она подумала о том, что еще неизвестно, где бы она оказалась сейчас, если бы ее не нашел Мули Абул Хассан… вероятно, в каких-нибудь грязных кварталах Гранады…

— Почему вы говорите, что пробудете здесь недолго? — спросила Кадига. Она подняла ступню Сариты и в ужасе воскликнула:

— Аллах! Посмотрите только на свои бедные ножки!

— А что с ними? — Сарита в тревоге уставилась на свои ноги. По ее мнению, все с ними было в порядке.

— Но они такие жесткие, — сказала Кадига, — только потрогай, Зулема. Они как гладильные доски.

— С ними все в порядке! — Сарита с негодованием сунула ноги обратно в воду.

— Мы должны потереть кожу маслом и пемзой, — сказала Зулема, — понадобится не один день, чтобы вернуть им мягкость.

— Но я не собираюсь пробыть здесь несколько дней, — прервала их Сарита, мои ступни вполне меня устраивают и такими. Если они будут мягкими, как, интересно, я смогу ходить?

— Вы не носите туфель? — удивилась Кадига, — это не христианский обычай — носить туфли?

Сарита подумала о тех дамах, с которыми ей приходилось иногда сталкиваться; ведь племя их вело кочевой образ жизни. Она пожала плечами.

— Некоторые носят, если они живут в домах и в городах. Но мы, живущие у дороги, нуждаемся в них только зимой, когда земля замерзает или покрывается снегом. Тогда я надеваю деревянные башмаки.

Служанки смотрели на нее так, словно она была каким-то заморским варваром. Осматривая убранство дворика, Сарита подумала, что, возможно, тоже так подумала бы, будь она на их месте. Но как объяснить им, птичкам, живущим в золотой клетке, романтику кочевой жизни? Она решила, что не будет даже пытаться этого делать. Все равно она пробудет здесь недолго и

mir-knigi.org

не успеет наладить дружеские отношения с этими женщинами, так что к чему беспокоиться?

Зулема покончила с мытьем ее волос и теперь намыливала ее руки и шею, в то время как Кадига занималась ее ногами. Все это было довольно странно для Сариты, но она не знала, как остановить их и в любом случае все это не было неприятно ей. Когда Зулема попросила ее встать на колени, то она, не подумав, сделала это и тут же протестующе завизжала, отодвигая руки, проникающие в самое интимное место ее тела.

— Не трогай меня! — воскликнула она, лицо ее выражало крайнее замешательство.

— Но почему? — спросила женщина, — мы ведь ваши слуги.

Сарита выхватила мыло из рук Зулемы и мрачно намылила себя. Молодые женщины смотрели на нее, явно ничего не понимая.

— Христиане не касаются в этих местах друг друга, — сказала Сарита, вставая, — передайте мне полотенце.

— Даже мужчины у женщины? — удивилась Кадига. — Ну и странная же у вас раса. — Она проказливо рассмеялась, Зулема тоже издала смешок.

Сарита вспыхнула.

— Между мужчиной и женщиной все совсем по-другому.

— Ну, конечно же! — воскликнула Кадига и обе мавританки покатились со смеху.

Сарита почувствовала, что внутри нее также закипает смех. То, как они смеялись, было так похоже на то, как она смеялась со своими подружками в племени! Через мгновение они смеялись уже втроем и она перестала замечать, как тщательно вытирают они ее кожу для того, чтобы смазать ее благовонным маслом.

После всех этих омовений и помазаний ее поношенная одежда показалась Сарите совершенно неуместной и она ничуть не удивилась, когда Кадига достала изумрудное шелковое платье, богато расшитое цветами и павлинами. Оно застегивалось на пуговицы, раскрашенные под жемчуг. Через секунду Сарита поняла, что то были настоящие жемчужины и ее снова затопило чувство нереальности происходящего. Что она здесь, в конце-то концов, делает? После комментариев относительно ее ступней она не стала возражать против шлепанцев, хотя их острые носы выглядели чересчур большими, и Сарита не могла себе представить, как будет в них ходить. Но ведь, в конце концов, ей придется дойти всего лишь до постели. А утром, выйдя из транса, она сможет решить, что ей делать дальше.

— Вы желаете поесть, прежде чем пойдете к господину Абулу?

Вопрос Кадиги вернул ее к реальности.

— Пойду куда?

— К господину Абулу. Через полчаса за вами придет Юсуф. Мы должны расчесать вам волосы, но, если вы хотите сначала поесть, то вот фрукты и пирожки, — Зулема подошла к столику, на котором стояло блюдо с пирожками. — Тут есть медовый шербет, или апельсиновая вода — что хотите.

mir-knigi.org

Внезапно Сарита почувствовала, что ей дурно, весь сон сняло с нее, как рукой. Но, впрочем, чему удивляться? Для чего еще ее могли привезти сюда?

Его поцелуй сказал об этом яснее ясного, но в своей дремоте она утратила всякое чувство реальности.

Ее просто готовили к постели господина Абула, причем столь же тщательно, как делала бы это мать, готовя ее к постели Тарика, в той, другой жизни. Но с этими женщинами она явно не могла об этом говорить, обсудить это Сарита могла только с мужчиной, который являлся их хозяином.

— Да, я голодна, — сказала она удивительно спокойным голосом, поняв, что действительно очень хочет есть, так как с полудня у нее не было во рту и маковой росинки.

А силы ей понадобятся, это Сарита понимала, силы для того, чтобы справиться с тем, что ожидает ее в покоях калифа Альгамбры.

Глава 4

Женщины вытерли и расчесали Сарите волосы, пока она ела: вкуснейшие пирожки были начинены мясом, рисом и фешками. Она запила бы их красным вином, как делала это всегда, но похоже было на то, что ей придется довольствоваться странным, хотя и довольно вкусным, шербетом.

Волосы ее горели огнем в свете масляных фонарей.

У нее было такое чувство, что ее готовят для того, чтобы принести на алтарь в качестве жертвы. Становиться жертвой ей не очень-то хотелось.

Но мысль эта была чересчур смелой — ведь она не имела ни малейшего представления о том, был ли у нее хоть какой-нибудь выбор. Сегодня она уже избежала одного жертвоприношения. Избежать второго она не сможет, по крайней мере, сегодня.

Ей придется изыскать более утонченный способ для того, чтобы отсрочить его. Она коснулась пальцем губы и снова почувствовала, что воздух вокруг нее как бы насыщен желанием. Этого человека она не должна бояться. Но тут на Сариту накатила волна воспоминания — воспоминания об этом позоре; дикой страсти, которую они с Сандро испытывали, об отчаянии, которое всегда сопровождало их любовь и об отчаянности, которая привела в конечном счете к смерти Сандро. Может быть, ей и не стоит бояться Абула Хассана, но не исключено, что ей придется бороться с ним до смерти за то, чтобы не дать ему получить то, что по праву принадлежало только ее любовнику. Она с негодованием откинула голову.

Кадига перестала расчесывать ей волосы, озадаченно спросив, — хватит? Но они еще недостаточно сухие.

— Хватит ли? — Сарита в своей задумчивости совсем забыла о своих служанках. В свете ее мыслей эти приготовления были совершенно бессмысленными. — Да, достаточно.

— Тогда, если вы уже покончили с едой, я приготовлю ваше лицо, — Зулема подошла к ней, и Сарита увидела в ее руках поднос с различными баночками и кисточками.

— Нет! — крикнула она, в ужасе осознав, что собирается делать эта женщина. Она отскочила к оттоманке, — я не допущу, чтобы меня раскрашивали… как шлюху!

— Но, госпожа, этого ведь требует обычай, — в голосе Зулемы опять появился признак замешательства. — Вы должны зачернить глаза, чтобы больше понравиться.

— Я не шлюха, — прошипела Сарита. — Мне нет нужды совращать мужчин.

Во дворике установилось молчание — женщины были ошеломлены. Слышался только плеск фонтана и шипение лампы, возникшее от порыва ветра, донесшегося из окна.

— Вас отдали господину Абулу против вашей воли? — наконец рискнула спросить Кадига.

— Нет, нет, не отдали, — начала Сарита.

— Значит, продали? — вмешалась Зулема.

Сарита покачала головой, — нет не продали и не отдали. Я никому не принадлежу, — они явно ничего не поняли и она продолжала, — я покинула свое племя потому что… о, мне пришлось, а ваш господин Абул, видевший меня в этот день раньше, решил… — Она замолкла. Они все еще смотрели на нее, изо всех сила стараясь понять. — Ваш господин Абул решил, что я нужна ему, — смело произнесла Сарита, — и поэтому взял меня. — Интересно, — подумала она, — всегда ли он просто берет то, что хочет? Определенно у него был вид человека, которому никто никогда не прекословил. Она сразу заметила в нем это.

Женщины с облегчением закивали — наконец, им все стало ясно, — так вы пленница калифа. Вы теперь — его.

— Нет, — воскликнула Сарита, — это не совсем так. Я, может быть, и пленница, но при этом вовсе не его. Я принадлежу только самой себе.

Сарита увидела, что они снова не понимают ее, но не успела начать свои объяснения, как в дверь решительно постучали.

— Это Юсуф, — сказала Кадига, — он пришел за тобой. Она натянула на лицо шарф. Перед тем как открыть дверь, Зулема сделала то же самое. Во дворик вошел человек, сопровождавший сегодня калифа. Он положил узелок на скамью, стоящую около двери.

Сарита признала в нем свои пожитки. Она помнила, что, когда калиф схватил ее, узелок упал, и она уже решила, что навсегда потеряла его.

Теперь она кинулась к нему с радостным восклицанием.

Все было на месте: деревянные расчески для волос, серебряный браслет, подаренный отцом на ее 12-летие, кружевная мантилья, принадлежащая ее бабушке, чистая сорочка, деревянные башмаки на зиму и, что лучше всего, 12 серебряных монеток.

Все то, что возвращало ее в привычный мир, было там. Сказочный мир, окружающий ее теперь, отступил, и Сарита почувствовала, что вновь обрела себя.

Человек по имени Юсуф сказал ей что-то по-арабски. Она покачала головой, показывая тем самым свое непонимание, и увидела, что лицо его потемнело. Он заговорил снова, на этот раз грубо, и она догадалась, что он решил, что она отказывается сделать то, что он хочет.

Кадига быстро заговорила на арабском, объясняя Юсуфу, что Сарита не понимает их языка. Лицо мужчины прояснилось.

mir-knigi.org

— Вы должны пойти с ним, — сказала Кадига по-испански, — но ему не нравится то, что вы не закрыли свое лицо. Это не скромно и не богобоязненно для женщины показывать лицо мужчине, который не является членом ее семьи… конечно, это не относится к господину Абулу, — добавила она, — это совсем другое. Он наш верховный господин, и мы все принадлежим его семье.

Отвечая, Сарита посмотрела прямо в глаза Юсуфу.

— Я готова пойти с вами, но я не принадлежу к вашему народу и не прячу свое лицо.

Кадига быстро перевела ее слова и Юсуф пожал плечами, как будто это больше не интересовало его.

Он повернулся к двери, жестом предложив Сарите следовать за собой. Мальчик, стоящий у двери, держал в руках фонарь. Сарите показалось, что дополнительное освещение совсем не необходимо, так как аллея, обсаженная кипарисами, ярко освещалась факелами. Альгамбра была освещена так же ярко, как рыночная площадь во время гуляний, там и сям люди спешили по своим делам так, как будто сейчас была не ночь, а самый разгар дня.

Юсуф свернул в аркаду, окружающую двор, посреди которого находился прямоугольник бассейна. На поверхности воды плавали лилии, из дверей, мимо которых они проходили, доносились звуки музыки. Сарита остановилась было, чтобы заглянуть в один из сводчатых проходов, но ее провожатый сердито что-то ей сказал, значения чего она не поняла, но по тому догадалась. Из принципа она замешкалась еще на несколько секунд, и увидела там мужчин, лежащих на оттоманках, некоторые из которых были погружены в беседу, а некоторые — заняты игрой в шахматы. Слух их услаждала мягкая музыка. Женщин видно не было. Но подобное сборище в их племени они тоже не допускались бы. Правда, в их племени мужчины сидели бы вокруг костров, а не в окружении шелков, фресок и фонтанов. Кто-то играл бы на гитаре, кто-то бы пел, так что по сути своей эта сцена была Сарите очень знакома.

Юсуф схватил ее за руку. Она сбросила ее и отвернулась, жестом показав, что они могут продолжить путь. Выражение лица Юсуфа было устрашающим, и она на секунду затаила дыхание, надеясь на то, что интерес со стороны Абула Хассана обеспечит ей некий защитный покров.

Очевидно, она не напрасно надеялась на это, потому что Юсуф резко повернулся и зашагал дальше.

В конце концов они пришли в тихий, освещенный фонарями, холл, где по обеим сторонам двери стояли стражники. То, что это были именно они, Сарита заключила по их внешнему виду и военным причиндалам. Похоже было на то, что они вошли в святая святых — дворцовые звуки угасли и остались позади.

Подойдя к двери, Юсуф тихонько постучал, подождал, а затем открыл дверь и помахал Сарите, чтобы она вошла к калифу.

Абул считал полигамность добродетелью, и, хотя ради спокойствия домашнего мира ясно давал понять всем, что жена является его фавориткой, регулярно звал и других женщин из своего гарема.

Все его четыре наложницы были свободными женщинами, красивейшими дочерьми из знатных семей, подаренными ему для того, чтобы скрепить альянс или купить его дружбу. Они не представляли собой угрозы для Айки и, казалось, были довольны тем, что живут в

альгамбрском гареме, с удовольствием приходя к своему господину и соревнуясь за то, чтобы больше ему понравиться. Он знал об этом соревновании и забавлялся им, позволяя себе иногда замутить воду, приглашая одну и ту же женщину несколько ночей подряд. Но по правде говоря, относился он к ним одинаково. Все они родили ему детей, обретя тем самым постоянный статус. Материнство давало женщине определенные права, хотя и на некоторое время отделяло ее от ее господина, который на время ее беременности целиком препоручал ее заботам других женщин, а если она рожала здорового ребенка, дарил ей много одежды и драгоценностей. Эти подарки также служили причиной конкуренции между ними.

Кроме этих второстепенных жен, Абул иногда покупал себе женщину-рабыню, почему-либо пленившую его фантазию, или брал в плен женщину как награду за успешное сражение. У этих женщин не было законного статуса наложниц и, если они больше ему не нравились, то становились обычными членами дворцовой челяди. Они могли рассчитывать на защиту калифа на протяжении всей своей жизни, но сверх того он мало беспокоился о них. У женщин таким образом было только две задачи — понравиться господину и подарить ему потомство, если он этого желал. Он не обременял своих рабынь детьми, и они могли выходить замуж, будучи отлученными от постели господина.

Абул считал себя хорошим хозяином.

Теперь, ожидая, когда Юсуф приведет ему девушку, он чувствовал необычное волнение. Ему нравилось заниматься любовью, нравились женщины, делившие с ним ложе, но он не мог вспомнить, когда в последний раз был столь взволнован из-за них и когда в последний раз ощущал желание определенного тела. Но он возжелал ее, когда увидел стоящей у дороги, босую, с дикими зелеными глазами, с облаком огненных волос, окружающих маленькое личико. Он не спрашивал себя о причине своего желания, и постольку поскольку привык добиваться желаемого, устроил все так, чтобы заполучить девушку. Она не была ни наложницей, ни рабыней, ни пленницей в прямом смысле этого слова. Он выхватил ее из ее мира, чтобы осуществить свое навязчивое желание, поразившее его, как гром с ясного неба… но еще не победил ее.

Нет, не победил. И, вероятно, в этом была причина его волнения. Судя по тому, что он видел до сих пор, она не достанется ему легко.

Женщина, которая отказывалась говорить даже тогда, когда слова возмущения так и срывались с ее губ, безусловно, не достанется ему так просто.

Абул находился под впечатлением того, что его новое приобретение было женщиной с характером.

Только такая променяет жизнь в племени, лишившись тем самым защиты, на полную опасностей жизнь на чужой земле, обитатели которой с предубеждением относятся к представителям ее расы и определенно склонны посчитать одинокую женщину легкой добычей.

И она была женщиной, имевшей любовника, в этом он был убежден. Была не робкой девушкой, а женщиной, знакомой с взлетами и падениями страсти, женщиной, из-за которой мужчины вступили в смертельную схватку. Он не знал в точности, что произошло в тот день в лагере, но догадывался о том, что ее любовник был убит, и что она убежала, несмотря на последствия, которые неминуемо должны были последовать за этим побегом. Как глубоки ее чувства к этому мужчине? Он уже видел горе в ее глазах. Если она будет верна его памяти, значит, перед ним появится еще одно препятствие.

Ведь она принадлежит народу, ведущему моногамный образ жизни, прямолинейно рассматривающему отношения между мужчиной и женщиной.

Или, может быть, усложняющему эти отношения?

В любом случае этот тезис мог представлять для Абула потенциальную помеху.

До этого у Абула никогда не было никаких осложнений с женщинами. Они приходили, когда бы он не послал за ними, говорили ему только нежные слова, всячески выражали свою покорность, и делали все, что могли, чтобы угодить ему.

Когда она вошла в комнату, он сразу увидел, что в своих ожиданиях оказался прав.

В ней не было никакой покорности. Она стояла в дверном проеме с высоко поднятой головой, глядя ему прямо в глаза, одетая в одежду, традиционную для его народа. Такой наряд не носили девушки с огненно-рыжими волосами, распущенными по плечам, девушки с зелеными глазами, глядящие на мужчину сверху вниз, гордо поднимая при этом подбородок. Босоногая беспризорница исчезла, перед ним стояла женщина, которая вызвала бурление в его крови, подобное тому, которое он испытывал только в юности.

— Как тебя зовут? — спросил он ее уже в четвертый раз.

Сарита снова не ответила, но подбородок ее поднялся чуть выше и Абул подошел к ней, вытянув руку в приглашающем жесте.

— Если ты не хочешь сказать мне свое имя, тогда я должен буду сам как-нибудь назвать тебя, — он улыбнулся, дотронувшись до нее.

Сарита обнаружила, что не может вздохнуть.

Он был уже не в вышитой тунике, а в простом темном бурнусе, голова его была непокрыта, и над его глазами нависали роскошные черные волосы.

Белоснежные зубы сверкали, он широко улыбался.

Никогда раньше она не видела столь чудесный образец мужской власти. О ней она никогда не думала, будучи с Сандро. Они были абсолютно равны в своей любви и страсти, и оба были совершенно бессильны в своем желании утолить ее. У Тарика была сила и власть, и Сарита часто находила этому подтверждения, но то была власть вождя, а не власть мужчины. А сегодня у нее была возможность увидеть в Тарике мужчину, и то, что он продемонстрировал ей, было совершенно иным, нежели то, что она видела сейчас в этом человеке. Это она знала точно. Она знала, что Тарик использовал бы ее тело, как мстя за то унижение, которое испытал из-за нее так и за то, что свою девственность она отдала не ему. Сила же Абула Хассана исходила вовсе не от его выигрышного положения. Но если не от него… то откуда? Из какого такого внутреннего колодца? Она медленно вздохнула, все еще глядя на него с молчаливым вызовом. Руки его взяли ее лицо.

Зорайа, — сказал он, — это имя означает Утренняя звезда. Ты будешь моей Утренней звездой до тех пор, пока не захочешь открыть свое имя. — Он отпустил ее лицо и отступил на шаг назад, — ты снимешь платье, Зорайа?

Этот вопрос вывел ее из равновесия. Но все произошло так быстро, без каких-либо предварительных разговоров, как будто его желания были — ее, и никаких других мнений на

этот счет быть не могло. Она покачала головой, жалея о том, что не прошла в комнату подальше. Спина Сариты упиралась в дверь, калиф находился прямо перед ней и у нее не было никакого пространства для маневра.

Он снова приблизился к ней и спокойно расстегнул первую жемчужину на воротнике ее платья. Она попыталась оттолкнуть его, но он перешел к другой, не обращая на это внимания.

— Что вы делаете? — в первый раз заговорила она, и собственный голос показался ей чужим, таким низким и хриплым от долгого молчания он стал.

Абул скрыл радость оттого, что она заговорила и просто поднял бровь.

— Расстегиваю пуговицы, — с этими словами он освободил от петли третью пуговицу.

— И вы возьмете меня силой? — она постаралась расслабиться, сознавая, что не сможет остановить его, если он принял такое решение.

Она видела, что по какой-то причине ее вопрос удивил его; в его черных глазах появилась тень недовольства.

— Нет. Разве тогда кто-нибудь из нас сможет получить удовольствие? Кроме того, — добавил он, — в этом не будет необходимости.

На своей груди, теперь почти обнаженной, Сарита ощущала теплый ночной воздух. Почему в том не будет необходимости? Что он хотел этим сказать?

Но в глубине души она все-таки знала, что он хотел этим сказать и это знание заставило ее ощущать холод внизу живота. Сарита снова попыталась оттолкнуть его руки, она могла избавиться от подозрения, что ее тело способно на предательство.

— Если вы не собираетесь принуждать меня, то зачем же делаете это?

— Потому что хочу посмотреть на твое тело, — он сказал это так спокойно, как будто говорил совершенно очевидную вещь. И она поняла, что для него это и было очевидным, также как и то, что он считал себя вправе делать это. Он хотел ее, поэтому собирался взять, и это было для него совершенно естественно — он ведь всегда делал то, что хотел.

Во дворце Альгамбры не было никого, кто посмел бы противоречить калифу Гранады.

Может быть, только испанская девушка-странница могла это сделать?!

Эта мысль придала ей сил; он стащил с ее плеч расстегнутое платье и она постаралась перенестись мысленно из залитой светом комнаты в лагерь, где под ногами была грубая трава, в лицо светило яркое солнце, а ароматы майорана и дикого тимьяна смешивались с густым запахом мяса, жарящегося над походными кострами. Никогда раньше она не стояла перед мужчиной обнаженной. С Сандро у них не было ни места, ни времени для такой роскоши; они познали тела друг друга с помощью рук, а не глаз. Она прикрыла глаза, уязвленная тем, что ей приходится позволять мужчине видеть то, что он не должен был видеть. Он может смотреть на ее тело, но в душу свою она не позволит ему заглянуть.

— Откуда у тебя эта царапина? — спросил Абул, его шепот прошелестел в тихой комнате, как осенний листок на ветру.

Он дотронулся до красной отметины на ее правой груди. На ее левом бедре была точно такая же.

Сарита вспомнила, что расцарапала себя, пролезая через отверстие в фургоне. От его прикосновений ноги у нее подкосились, а в животе запенилась знакомая теплота.

— Ты должна быть осторожнее, — сказал он так, как будто она ответила на его вопрос, — у тебя слишком нежная кожа, чтобы обращаться с ней подобным образом.

— Я живу не в золоченой клетке, — сказала она, обретя одновременно и голос и твердость, — женщинам моего племени приходится выносить не только царапины, когда они работают.

— Ну, теперь уж с тобой такое не случится, — сказал Абул, — а эти царапины заживут скоро. — Он взял ее за руки и втянул вглубь комнаты, — нет никакой необходимости стоять всю ночь у двери. Садись, — он показал на оттоманку и слегка нажал на ее плечо, — тебе хочется выпить бокал вина, — с его стороны это был не вопрос, а утверждение.

Сарита пила вино и иногда пиво с 12-летнего возраста. Как правило, альтернативы этому и не было — вода часто вызывала боль в желудке, а молоко предназначалось, как правило, маленьким детям. Она приняла бокал малаги с заметным облегчением и на минуту забыла о своей наготе, почувствовав почву под ногами и обретя спокойствие, благодаря волшебному напитку. Абул тоже сделал глоток вина из своего бокала и вытянулся на диване напротив Сариты.

— Так я должен звать тебя Зорайой или ты откроешь мне свое имя… теперь, когда ты вновь обрела дар речи.

Мягкая обивка дивана заставила девушку снова затрепетать от своей наготы. Легкий ветерок приподнял оконную занавеску и она коснулась ее грудей. Соски Сариты напряглись и она поняла, что не только от ветра. Она все больше возбуждалась от сознания своей наготы перед этим мужчиной.

— Я хочу одеть свое платье, — сказала Сарита, вставая.

— В этом нет никакой нужды. Если тебе холодно, я закрою окно.

— Нет, я хочу одеться, — упрямо возразила она, — почему я должна быть обнаженной в то время, как вы — нет?

Она сразу поняла свою ошибку. Мули Абул Хассан встал и стащил с себя бурнус. Под ним у него, также как и у нее, ничего не было. Она захотела отвести от него глаза, но обнаружила, что не может. У него было гибкое, смуглое тело, налитое мускулами, без единого грамма жира. Сарита подумала о Тарике, мускулы которого казались холмами. Подобное сравнение не приходило в голову при взгляде на мускулы Абула, но у Сариты создалось впечатление, что его тело было крепким, как скала и не менее сильным, чем тело Тарика. Глаза ее сами собой скользнули вниз и она почувствовала, как щеки ей заливает румянец. Калиф был крайне возбужден. Она снова резко села.

— Иди же, моя Утренняя звезда, — сказал он, без труда заметив ее румянец и находя его очень забавным, — а чего же ты ожидала? Ты должна знать, какое действие на мужчину оказывает такая красота.

— Меня зовут Сарита, — сказала она, стараясь вжаться в подушки и прикрывая грудь руками.

То, что она сказала ему свое имя было поступком, посредством которого она пыталась утвердить себя, а вовсе не капитуляцией, но Сарита была чересчур смущена, чтобы заботиться о том, как он истолковал ее поведение.

— Сарита, — медленно произнес он, как бы пробуя звуки ее имени на вкус, — похоже, мы несколько продвинулись, Сарита.

— К чему, мой господин? — она обрадовалась тому, что вопрос прозвучал несколько Иронично, несмотря на то, что она находилась не в очень-то выигрышном положении.

— Я сказал тебе свое имя. Может быть, ты будешь называть им?

Она прищурилась:

— Имя слишком длинное, мой господин калиф.

Он рассмеялся и подошел к ней поближе, в результате чего она изо всех сил вжалась в подушки.

— Абул — это не длинно, так меня зовут.

— Я хочу надеть платье и вернуться в башню, — она отвернулась от него, чтобы не видеть его возбуждения: доказательство его состояния находилось теперь на уровне ее глаз.

— А завтра я уйду отсюда.

— Мы обсудим завтра тогда, когда оно наступит, — сказал он и в голосе его появилась новая для нее стальная нотка, однако же нисколько ее не удивившая. Она весьма подходила ему, столь естественному в своем высокомерии.

— Давай устроимся поудобнее, — он взял ее за руки и поднял на ноги. Сарита, казалось, утратила всякую способность к сопротивлению. Он провел ее через занавешенную дверь в спальню, где в нише стоял широкий диван. Он жестом показал, чтобы она легла на него.

— Я не буду ложиться в вашу постель, — услышала Сарита свой, слегка дрожащий голос. — Вы ведь сказали, что не будете принуждать меня.

— Я и не собираюсь это делать, — спокойно сказал он, — но нам будет удобнее спать на кровати, чем где-нибудь еще.

— Но я хочу пойти в свою собственную постель, в башню, — голос ее зазвучал жалобно, как голос ребенка, умоляющего о прощении.

— Мы будем спать в этой постели, — сказал он твердо и откинул покрывало, — тебе нечего бояться.

У Сариты не было иного выбора, кроме как поверить ему. Даже если ее вера была напрасной, у нее все равно не было выбора. Она сбросила туфли и залезла под покрывало, натянув его до подбородка. Она смотрела, как он ходит по комнате, гася лампы — все, кроме той, что он принес к дивану и поставил на низкий столик, так что теперь вся постель купалась в мягком потоке света.

— Я не могу спать со светом, — сказала Сарита, стараясь, чтобы голос ее звучал определенно, как будто она всю жизнь только и делала, что спала рядом с мужчиной на шелковой перине, а

mir-knigi.org

вокруг нее при этом витал аромат благовоний и апельсинового цвета.

— А мы пока и не собираемся спать, — Абул осторожно взял ее пальцы, — я хочу выяснить, что доставляет тебе удовольствие. — Он опустился на постель рядом с ней и Сарита вся задрожала. Но боялась она вовсе не Мули Абула Хассана; она боялась, что ее тело предаст память Сандро.

Он протянул руку, погладил ее с ног до головы, и места, которых касалась его ладонь, казалось, излучали лучезарную теплоту. Глаза его смотрели на нее так, как будто он захотел запечатлеть в своем мозгу каждый изгиб ее тела, и его сосредоточенность нервировала Сариту больше, чем что-либо иное. Он накрыл ее грудь рукой; его рука показалась ей очень большой, так как вся грудь исчезла под его ладонью. Почувствовав движение ее груди под своей рукой, он посмотрел ей в глаза.

— Тебе нечего бояться, — он увидел панику в ее изумрудных глазах, — это же такое наслаждение, — он склонил голову ко второй груди, языком приподняв сосок, отчего она задрожала в немом протесте.

Абул отодвинулся от нее. Он понял, что она откликнулась на его ласку, хотя и не хочет признать это, но вспомнил о своем обещании не принуждать ее.

— Возможно, мы слишком спешим, — сказал он.

— Нет, не надо так делать, — он остановил ее руки, желающие прикрыть грудь, — они такие красивые.

Такой прекрасной формы: округлые и тугие. — И он снова погладил ее, на этот раз от бедра до лодыжки, — такие красивые ножки, — он поднял одну ступню и охнул от удивления, — что ты с ними сделала?

— Я не ношу обуви, — сказала Сарита, раз от нее потребовали объяснения, — и не понимаю, какое вам до этого дело. Абул рассмеялся:

— Какая глупость — вот так портить такое совершенство. Утром, в ванне, мы начнем над ними трудиться.

Сарита одернула ноги.

— Утром я покину это место.

Абул ничего не ответил. Вместо этого он двинул палец от ее коленки к тому укромному местечку, где бедра переходили в ягодицы. Сарита слишком поздно поняла, что защищая ноги, обнажила все остальное.

— У меня такое чувство, что тебе понравится небольшая битва с партнером, — сказал Абул, — должно быть, это очень возбудит тебя.

Сарита уставилась на него. Неужели это так? С Сандро у них никогда не было времени на любовные игры: в акте, запрещенном самом по себе, было и так достаточно опасности. Но слова Абула отозвались в ней толчком, от которого по членам растеклась теплота.

— Ну, — холодно продолжал он, — скоро мы узнаем, так это или не так. Возможно, не сегодня.

— Прошу вас, — сказала она, — пожалуйста, не надо больше. Позвольте мне пойти в башню.

mir-knigi.org

Вместо ответа он сунул палец в раковину ее пупка и поднес свой рот к ее рту.

Поцелуй его был исполнен неги, кончик его языка прошелся по губам Сариты, как бы пробуя на вкус каждый уголок ее рта. Она обнаружила, что затаила дыхание, так как ощущение его поцелуя было приятнейшим. Рот ее открылся, языки их соединились, а затем его — отпрянул, заставив ее попытаться снова поймать его и засосать глубоко внутрь.

Оторвавшись от ее рта, Абул приложил губы к местечку на ее шее, где ощущалось биение пульса.

Сарита чувствовала себя так, как будто парит где-то в небесах, мысли ее спутались, и душа как бы отлетела, глядя со стороны на ее белое тело, распростертое на белых простынях возле смуглого, мускулистого мужчины. Она почувствовала, как под его руками раздвигаются ее бедра, но в следующее мгновение разум вернулся к ней. Перед ее внутренним взором возник Сандро, лежащий на земле после смертельной схватки… и она поборола те ощущения, которые возникли в ней; поборола их в зародыше. Она сжалась» как пружина, руки напряглись, кулаки сжались, глаза закрылись. По щеке поползла соленая слеза.

Абул знал, что, если продолжит, то выиграет, но знал также, что это будет нерадостная победа. Он не мог смотреть на ее слезы и на то, как отчаянно борется она со своим телом. Он сел.

— Хорошо, милая. Больше не будем.

Он вытер с ее щек слезы, чувствуя, как ее напряжение сменяется дрожью. Она подняла веки.

— Вот видишь, я сдержал свое обещание, — сказал он, не сумев скрыть своего разочарования, — и очень зол на себя за то, что сделал это, и еще более сердился бы на себя, если бы не сделал. Но в конце концов, Сарита, ты поддашься мне, и получишь огромное удовольствие.

Сарита чувствовала себя совершенно опустошенной, поэтому не имела сил на то, чтобы опротестовать это утверждение; более того, она едва поняла, что сегодняшние события будут иметь продолжение. Она попыталась сесть.

— Я хочу вернуться в свою постель, мне необходимо поспать.

— Ты и будешь спать, но сейчас уже слишком поздно, чтобы идти обратно в башню, — он накрыл ее покрывалом, — хоть я и очень зол, но хочу лежать возле тебя, так что потерплю до конца ночи.

Она взглянула на него удивленная:

— Вы страдаете?

Абул усмехнулся:

— А ты как думаешь? Конечно, да. Я мог бы; отослать тебя обратно в башню и вызвать какую-нибудь другую женщину, но настолько расстроен, что хочу провести ночь рядом с тобой. Постарайся не касаться меня. — Он потушил лампу и лег.

Сарита неподвижно лежала, всматриваясь в темноту. Она делила кровать с матерью, но с муж-. чиной — никогда, никогда такая огромная, теплая глыба не лежала вот так рядом с ней. Ее тело болело и она тоже сознавала, что внутри нее существует пустота, которую необходимо

mir-knigi.org

заполнить. Но если даже ее тело откликнулось на резкий обрыв болью, то что же происходило сейчас с Абулом?

;

Жертва, которую он принес, странным образом подействовала на нее. Она успокоила, смягчила ее ум, и, вздохнув, она повернулась на бок и заснула.

Глава 5

Абул проснулся еще до первых петухов и какой-то момент был удивлен присутствием в своей постели другого человека. Иногда Айка проводила с ним всю ночь, но это была привилегия, редко простиравшаяся на какую-либо другую женщину.

Он сонно повернулся на подушке, нос его защекотали рыжие волосы. К нему вернулась память о прошедшей ночи. Абул приподнялся на локте, чтобы получше рассмотреть лицо женщины, спящей рядом.

Было немного странно, что такое хрупкое, почти бестелесное создание причинило ему столько горя. Но чего же другого можно было ожидать, глядя на этот рот, даже во сне сохранивший решительное выражение, и на подбородок, хотя и не квадратный, но достаточно твердый. Он сморщил нос и едва удержался от того, чтобы не поцеловать ее. Сарита отвернулась от него, выставив округлое плечо.

Он осторожно снял с нее покрывало и теперь с мечтательным видом любовался тем, что предстало перед его взором. Ее колени были слегка согнуты, а изгиб ягодиц заставлял в восторге затаить дыхание. Абул понял, «что на этот раз должен что-нибудь с собой сделать, если не хочет провести день в ужасных мучениях.

Он коснулся ее плеча.

— Проснись, Сарита.

Когда она не ответила, он шлепнул ее по ягодицам.

— Проснись, Утренняя звезда. Пора тебе перейти в собственную постель.

Она перевернулась на спину, от удивления широко открыв глаза, хотя было ясно, что она все еще наполовину спит. Потом ее взгляд сфокусировался на его лице и на нее нахлынули воспоминания.

— Вставай, — приказал он, поднимаясь с постели, — один из стражников проводит тебя обратно в башню.

Сарита села; настойчивость была чем-то для нее новым.

Прошлой ночью она буквально молила его о том, чтобы он разрешил ей вернуться в башню, а он настаивал на том, чтобы она осталась, так почему же теперь он едва ли не вышвыривает ее из комнаты? Он поднял платье, и ее глаза против воли уткнулись в его тело. Она покраснела и схватила платье, пока она лихорадочно боролась с застежками, пальцы ее дрожали.

— Готова? — она кивнула, подойдя к двери. — Надень шлепанцы, — напомнил он ей, — мы в Альгамбре не ходим босиком.

Сарита на кокой-то миг ощутила внутреннюю потребность к неповиновению, но овладела собой и сунула ноги в шлепанцы. Она не собиралась оставаться в Альгамбре дольше, чем до вечера, поэтому не видела смысла в провоцировании стычек.

Абул открыл дверь и что-то быстро сказал по-арабски мужчинам, стоящим с наружной стороны двери. Один из них немедленно ушел, вероятно, по какому-то поручению, а другой приказал ей жестом следовать за собой. Она взглянула на Абула, который будучи обнаженным, невозмутимо стоял в дверях. Она чувствовала необходимость в каком-то прощании, в чем-то, что объяснило бы и как-то компенсировало бы то, что ее вот так вышвыривают из его покоев, но он резко повернулся и ушел в глубь комнаты.

Страж остановился и сказал ей что-то, что она опять же не поняла, не восприняла как его недовольство тем, что замешкалась. Что, интересно, он должен о ней думать? Глупый вопрос. Что должны думать о женщине, которая всю ночь провела в постели мужчины? Сарита не могла понять того, что стражник вовсе ничего о ней не думал. Для него она была просто женщиной, принадлежащей калифу. Ни больше ни меньше.

Путешествие, которое она совершала теперь, в серый предрассветный час, сильно отличалось от того, которое она проделала в свете звезд и факелов. Теперь Альгамбра вовсе не казалась ей каким-то зачарованным миром — это было место сугубо реальное, состоящее из кирпичей и камней, скрепленных известкой, место требующее постоянной заботы для поддержания кажущейся сказочности.

Вокруг было немного людей, в основном слуги, подметающие выложенные мрамором дворы и галереи, и ухаживающие за цветочными клумбами.

Но ароматы, которыми был напоен воздух, были столь же опьяняющими, а плеск воды — столь же успокаивающим, сколь и ночью.

Ласточки то опускались, то взмывали под красные своды башен, поблескивающие в лучах восходящего солнца.

Сарита бросила взгляд в сторону Сьерры-Невады — от великолепия природы захватывало дух.

Она задрожала от благоговейного восхищения этой красотой, увидев, как запылал первый восточный пик. По сравнению с красотой природы это место, хоть и великолепное, и в самом деле было золоченой клеткой. Истинная красота была там — за стенами, и она дышала свободой и давала ощущение земли под ногами.

Кадига и Зулема находились во дворике и радостно приветствовали ее. Все следы ужина и ванны исчезли, комната выглядела чистой и свежей.

— Вы что, были здесь всю ночь? — спросила Сарита, удивляясь, где же они спали.

— О нет, — улыбнулась Зулема, — мы только что пришли, чтобы прислуживать вам. — Она пристально рассматривала Сариту:

— Вы не хотите прилечь ненадолго?

Сарита открыла было рот, чтобы выразить свое удивление этим вопросом, но потом все поняла.

Скулы ее порозовели. Они, вероятно, решили, что она провела в постели калифа бессонную ночь.

Вряд ли они поверили бы ей, если б она рассказала им, что всю ночь крепко спала.

— Нет, — сказала она, — я хочу погулять.

— Погулять? — Кадига, казалось, очень удивилась. — Так рано? Хотя… и вот еще, возьмите, — она протянула Сарите маленькую чашку, и Сарита, понюхав ее содержимое, сморщилась.

— Что это?

— Это для того, чтобы в твоем чреве не мог завязаться плод, — просто сказала Кадига, — если только ты сама, конечно, этого не захочешь.

Она пожала плечами, как будто бы вопрос этот был совершенно неважным и отвернулась к столу, на котором стояли блюда с различной снедью. Кадига сняла салфетку с корзины с хлебом, и комнату наполнил аромат свежей выпечки.

Сарита растерялась. Конечно, она едва ли может сказать им, что подобные предосторожности совсем необязательны. Они не поверят ей. Она уставилась в чашку и знала о существовании подобных снадобий, слышала как ее мать и другие женщины обсуждали их после смерти одной из соплеменниц, умершей в родах. Женщины были единодушны в осуждении подобных вещей. Дети или приходят, или нет; с собой они приносят счастье или печаль, жизнь или смерть. Такова участь женщины и ей не пристало менять ее.

— И это вправду помогает?

— О да, — ответила Кадига, удивленная невинностью вопроса, — все женщины во дворце пользуются им, если не хотят понести.

— Говорят, даже госпожа Айка пьет его, — вмешалась Зулема, — пожалуйста, выберите себе платье, которое наденете сегодня. — Она указала на оттоманку, на которую были навалены горы шелка.

— А кто это госпожа Айка? — Сарита повернулась спиной к женщинам и вылила содержимое чашки в почву, из которой рос душистый куст. Она надеялась, что снадобье не убьет его.

— Султанша, конечно, — сказала Зулема, — жена господина Абула.

Жена. Конечно, она у него должна быть. Почему она так этому поразилась? Сарита кое-что знала об обычаях его народа — большей частью они были странными и варварскими. Но, несмотря на знание этого, ее охватил гнев.

— Почему его жена, не желает зачать ребенка?

— она поставила пустую чашку на стол и отошла к оттоманке, где, стараясь не выдать своего разочарования, стала перебирать шелка.

— О, говорят, она не хочет соперника для Бобдила, — сказала Кадига. Зулема издала протестующий звук, и Кадига пожала плечами. — О, нас же никто не слышит, Зулема, мы ведь здесь только втроем.

— Если бы госпожа Айка могла слышать тебя сейчас, она бы тебя высекла.

Кадига снова пожала плечами.

mir-knigi.org

— Но ты знаешь точно так же как и я, что Бобдил — все для нее. Она никогда не согласится иметь еще одного ребенка, потому что тогда ее сыну достанется меньше, чем сейчас.

— Так ребенок — сын калифа? Сколько ему лет?

— Десять, — Кадига передала ей корзину с хлебом. Он был теплый и смазанный маслом и Сарита бессознательно взяла кусочек.

— О нет, — рассмеялась Зулема, — вторые жены тоже одарили калифа детьми. У него три сына и две дочери.

Сарита поднесла хлеб ко рту. Капля масла упала на ее кисть и она рассеянно облизала ее.

— И сколько же у него других жен?

— Четыре.

Мули Абул Хассан уже имел пять жен и пятеро детей и желал прибавить Сариту к их числу. Нет, не к женам. Об этом он ничего не говорил, речь шла только об удовольствиях. Она вспомнила, что он говорил о своем желании купить ее и что только дурак платит за голубку, которая летит ему в руки.

Ее снова окатила волна гнева.

— Я иду на прогулку, — она встала и направилась к двери.

— О, но вам надо переодеться и покончить с едой. Выпейте жасминового чаю? Есть еще йогурт и мед…

— Я хочу остаться одна, — Сарита вышла в сад.

Кадига и Зулема пошли сзади.

— Одна! — повторила она.

В нетерпении она сбросила с себя шлепанцы и бросила их на землю.

— Я иду гулять одна.

— Очень хорошо, — сказала Кадига, кладя руку на плечо Зулеме. Они смотрели ей вслед, пока Сарита не прошла через сад и не свернула на тропинку, идущую вдоль стены от дворца.

Тогда они пошли за ней, соблюдая приличное расстояние.

Сарита шла быстрым шагом, ощущение земли под ногами придало ей уверенности, а прохладный утренний воздух охладил ее разгоряченную голову.

Она позволила, чтобы ее привезли сюда, чтобы убежать от Тарика… из соображений целесообразности, не более того. Теперь похоже было на то, что она вызвалась занять место в гареме калифа. Она не подумала сразу о последствиях своей уступчивости из-за того, что после их первой встречи у нее возникло чувство, что ей не стоит бояться Мули Абула Хассана. Но она думала в тот момент только об опасности, непосредственно угрожающей ее жизни. В этом смысле она не беспокоилась. А что касается ее целомудрия, то тут опасность была целиком в ней, и, хотя с его стороны, безусловно, были поползновения нарушить его, но делать

mir-knigi.org

это насильно он не собирался. Он не может держать ее здесь против ее воли. Но, как только Сарита сказала это себе, она поняла, что это не соответствует действительности. Он, безусловно, может. Весь вопрос в том — станет ли?

Тропинка начала круто взбираться вверх и Сарита замедлила шаг. Остановившись, она обернулась назад. В сотне ярдов от нее стояли Зулема и Кадига, смущенные, скорее всего оттого, что не привыкли к подобным утренним прогулкам. Так им дан приказ следовать за ней повсюду? Сарите показалось, что настало, наконец, время для того, чтобы это выяснить.

Она вернулась назад — туда, где ее ждали женщины.

— Если желаете, то мы вернемся.

— Это если вы желаете, — сладким голосом пропела Зулема, — но вы, должно быть, захотите переодеться и выпить жасминового чаю. Он так освежает.

Сарита улыбнулась тому, с каким облегчением восприняли женщины то, что все наконец-то стало на свои места. Не сказав ни слова, она пошла вперед — мимо садов и башен.

Айка облизала мед с пальцев и потянулась за следующим пирожным. Она обожала мед и миндальные сласти.

— Ты точно знаешь, что господин Абул держал эту христианку в своей постели всю ночь?

— Да, госпожа, — Нафисса налила воды в хрустальный кувшин и приблизилась к постели. — Страж вернул ее в башню на рассвете. Ей прислуживали Зулема и Кадига, — она поставила кувшин и протянула своей госпоже полотенце.

— А откуда она? — Айка рассеянно окунула пальцы в кувшин — в нем на поверхности воды плавали розовые лепестки.

— Неизвестно, моя госпожа, — нехотя призналась Нафисса в своем неведении. — С господином был только Юсуф, а Юсуф…

— Держит рот на замке, — нетерпеливо бросила Айка. Она отбросила покрывало, не обращая внимания на то, что вода из кувшина хлынула на диван, — я оденусь и пошлю за этими женщинами.

Может, она разговаривала с ними.

— Насколько я знаю, господин Абул послал за Фатимой, той, которую купил на базаре в Марракеше, — в глазах Нафиссы появилось лукавое выражение.

Айка оторвалась от зеркала:

— Когда?

— После того, как от него ушла женщина-христианка.

— Фатима провела у него час. Двадцать минут назад она покинула его покои.

Айка подошла к окну.

— Если он был недоволен той женщиной, то почему держал ее у себя до рассвета?

Это был вопрос, на который Нафисса не была уполномочена отвечать, и, взяв пустое блюдо, она сказала:

— Принести вам еще фиников, моя госпожа?

— Нет, — Айка махнула рукой, — я выпью жасминовой настойки. А потом пошли за Зулемой и Калигой… впрочем, нет, не стоит.

Она отвернулась от служанки, ее темные глаза заблестели.

— Я сама нанесу визит мужу. А ты поговори с теми женщинами. Мне не следует показывать, что я заинтересована вновь прибывшей. Выясни, что случилось с господином Абулом. Ведь они прислуживали ей и, следовательно, должны знать, разделила ли она с моим мужем удовольствие прошлой ночью… О, и еще поговори с Фатимой. Узнай, что моему мужу было от нее нужно… степень его нужды, — добавила она, — а теперь принеси мне воды умыться. Я надену наряд из золотой ткани с поясом и янтарными запонками.

Пока Нафисса помогала ей одеваться, она молчала.

Абул имеет привычку не выходить из своих покоев до тех пор, пока солнце не займет на небе высокого положения. Он в одиночестве завтракал и готовился к новому дню, обсуждая со своим визирем и кади дела, требующие его вмешательства.

Когда Айка заходила к нему в этот час, чтобы поделиться какой-нибудь домашней новостью, то всегда находила в нем отклик. Сегодня у нее будет безупречное оправдание для своего визита. И хотя для нее эта аудиенция не будет очень приятной, мудрая женщина всегда знает, когда наступает момент приклонить голову. Она затемнила глаза и коснулась румянами губ и скул. Но сегодня для нее было важно явиться перед ним скромной и полной собственного достоинства. И если все пойдет хорошо, то ей, может быть, удастся затронуть тему о вновь прибывшей.

Айка вышла из своих покоев и пошла через внутренние залы во владении калифа. На пороге приемной она поколебалась — там ожидали аудиенции несколько членов личной свиты Абула.

Айка подошла к стражнику, стоящему у двери.

— Узнай, сможет ли господин Абул уделить своей жене несколько минут? — сказала она тихим, но уверенным тоном. Если стражник откажет ей, то для этого, несомненно, должна будет найтись очень веская причина.

Абул оторвался от пергамента, который читал.

— Проведи госпожу Айку внутрь, — сказал он, скатывая пергамент в трубочку. После общения с Фатимой он был в хорошем настроении и теперь мог с чистым сердцем предвкушать свою следующую атаку на цитадель Сариты. Однако настроение его при виде жены несколько ухудшилось.

Она открыла лицо и с улыбкой поклонилась.

— Добрый день, Абул.

Он одарил ее ответной улыбкой.

mir-knigi.org

— Добрый день, Айка, — она прекрасно выглядит, — отметил он про себя.

Но за ее красотой что-то крылось, что-то, к чему он не привык. Абул получше рассмотрел ее и решил, что она нервничает. Руки ее теребили складки платья, а глаза избегали смотреть на него.

— Давненько мы уже не разговаривали наедине, — сказал она с принужденной улыбкой. — Боюсь, что я оскорбила тебя.

Абул встал:

— Ты знаешь, что это так.

— Я была дурой, — поспешно сказала Айка. — Я не имела права подвергать сомнению твои суждения касательно нашего сына. Ты не можешь простить меня?

Все внутри нее сопротивлялось, когда она это сказала. Никто, только она, мать Бобдила, имеет право решать, как ему жить, но в интересах высшего порядка она должна сделать вид, что повинуется приказам мужа.

— Я простил тебя, — сказал он. Это было правдой. Ее капризный отказ даровать ему свое тело не причинил ему боли, а вызвал только легкую досаду. Он уже наказал ее за это, но теперешнее отсутствие желания с его стороны обусловлено совсем другими причинами, которые было невозможно искоренить, поскольку они, как он теперь понял, были свойствами ее натуры.

Айка подошла к нему ближе и положила руку ему на плечо.

— Я скучала по тебе, муж мой. Уж и не знала, как просить у тебя прощения, — она опустила глаза, чтобы не выдать своего возмущения тем, что ей приходится так униженно молить его о прощении. Но Абула было не так-то легко провести. Он слишком хорошо знал свою жену, чтобы поверить в то, что не отчаяние заставило ее прибегнуть к этому маневру.

— Давай не будем больше об этом говорить. У тебя есть ко мне еще какое-нибудь дело?

Айка заскрежетала зубами. Она понимала, что не достигла ничего, кроме поверхностного улучшения их отношений, но если он простил ее, то что же является причиной его теперешнего недовольства.

— Нет, — тихо сказала она, — я пришла только, чтобы уладить наши отношения. Благодарю тебя, муж мой, за твое великодушие и всепрощение. Не буду больше задерживать тебя. — И она скользнула к двери, затем остановилась. — Ты не хочешь, чтобы я как-нибудь позаботилась о женщине, которую ты привез во дворец вчера вечером? Она будет размещена в гареме?

Абул позволил себе слегка улыбнуться. Так вот зачем она все это затеяла. Ну что ж, это неудивительно. Айка держала себя в курсе дел Альгамбры и, вероятно в данном случае, просто умирала от любопытства.

— Ты такая заботливая и предусмотрительная, Айка, — сказал он серьезно, — но тебе нет никакой нужды тревожиться об этой женщине. Она испанка и в женских покоях ей будет не по себе.

Айка подождала еще немного, надеясь на то, что он скажет что-то еще, но так как он молчал,

ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы скрыть разочарование.

— Как пожелаешь, господин мой. Если понадобится, только скажи, и я устрою все наилучшим образом.

— Да, конечно, — торжественно ответил он, сознавая, что она раздосадована донельзя. — Благодарю тебя.

Айка удалилась, предварительно закрыв лицо.

По ее поведению нельзя было определить, какой сумбур был у нее в голове. Она не добилась ровным счетом ничего, только напрасно унизилась. У нее было такое чувство, что она так и не сумела снова впасть в милость к мужу, и не получила никаких сведений о загадочной гостье. Кругом были одни загадки — зачем вообще понадобилось Абулу посылать за Фатимой после ночи, проведенной с новой женщиной? Но, может быть, теперь Нафиссе уже удалось добыть кое-какие сведения. По крайней мере, от Фатимы она может узнать степень нужды Абула.

Абул вышел на галерею. В клетке, свисающей с колоннады, заливалась трелями парочка певчих птичек. Он просвистел им что-то и они уставились на него бусинками своих глаз. Улыбка играла на губах Абула. Айка была видна ему насквозь. Интересно, знает ли она о визите Фатимы? Вероятно, знает. Теперь, наверное, весь гарем уже бурлит.

Улыбка его потухла. Ему придется сделать что-то, чтобы показать, что его жена по-прежнему у него в милости — даже если для этого придется разок-другой позвать ее к себе в постель в ближайшие дни. Это он должен позаботиться о том, чтобы во дворце царили мир и гармония, а подрыв авторитета Айки среди женщин не будет этому способствовать. Охваченный внезапным нетерпением, он вернулся в свои покои. Чем скорее он покончит с делами, тем скорее сможет перейти к осаде непреклонной крепости, предоставив тем самым своим женам думать, что им заблагорассудится. Несомненно, все это несколько оживит пресноватую жизнь гарема. И он позвонил в колокольчик, призывая своего визиря.

Утро было уже в разгаре, когда Юсуф постучал в дверь башни Сариты. Кадига открыла ее.

— Я пришел, чтобы проводить женщину в бани, — заявил он, — она должна прийти туда немедля.

Вернувшись с прогулки, Сарита занималась изучением своего нового гардероба. Зулема и Кадига сказали ей, что калиф лично приказал, чтобы ее снабдили дорогой парчовой одеждой, и с энтузиазмом принялись за ее осмотр. Для Сариты же все это было просто игрой. У нее были простые рабочие платья, в которых можно было лазать по скалам и ходить по проселочным дорогам. Одежда же, которую прислал калиф, насколько Сарита могла заметить, практически не имела ценности: она была из тончайшего шелка, богато расшита, а от мерцания драгоценных каменьев, щедро разбросанных по ее поверхности, у нее захватило бы дух, если бы она всерьез восприняла эту одежду.

Конечно, она была создана для томных блужданий по стране грез. Но этим нарядам было свойственно еще одно, беспокоившее Сариту качество — примеряя их, она увидела, как тесно облегает ткань ее налитую грудь и округлые бедра, как материал, хотя и далеко не прозрачный, оставляет впечатление наличия под собой голой плоти. Сарита решила, что в этих одеждах было нечто более чем нескромное; до нее дошло, что они были задуманы исключительно для того, чтобы доставить мужчине удовольствие.

Она все же настояла на том, чтобы ее оранжевое платье было выстирано, так что теперь оно

сушилось около окна. Когда оно высохнет, Сарита сможет покинуть это место.

Сначала она не обратила внимания на приход Юсуфа, так как все равно не могла понять ни слова, однако проигнорировать перевод Кадиги она, увы, не могла.

— Он пришел, чтобы отвести вас в бани к господину Абулу.

Сарита выбрала абрикос и лениво надкусила его.

— Я останусь здесь, Кадига. Скажи Юсуфу, чтобы он передал калифу, что я не имею никакого желания прислуживать ему ни в банях, ни где-либо еще.

Зулема охнула, а Кадига медленно подошла к ней. Черты ее лица заострились.

— Вы сами не знаете, что говорите, Сарита.

— О, я знаю, — Сарита выплюнула в ладонь абрикосовую косточку и бросила ее на пол. — Если я нужна господину Абулу, пусть он сам за мной придет.

— Но мы не можем сказать это Юсуфу.

Юсуф повернулся, что-то резко проговорив, видимо, он ожидал, что Сарита, как послушный щенок, последует за ним. Она взяла другой абрикос. Кадига быстро что-то сказала. Сарита понятия не имела о том, что она сказала ему, но речь ее произвела на Юсуфа ошеломляющий эффект. Лицо его потемнело и он отступил во дворик, грубо прервав Кадигу.

— Он говорит, что вы должны пойти с ним, сказала Кадига, беспомощно пожав плечами. — Я объяснила ему, что вы плохо себя чувствуете, но он настаивает.

— Тогда скажи ему правду, — сказала Сарита, — скажи ему, что я не желаю идти с ним.

— Вы с ума сошли, — прошептала Кадига, но в глазах ее появился оттенок восхищения. — Почему вы не желаете идти с ним?

— Потому что я не собственность вашего господина Абула и не обязана ему повиноваться.

Я пленница, которую держат здесь против ее воли.

Зулема подошла к Юсуфу, пряча лицо. Она поспешно заговорила с ним, голос ее был сладким и умоляющим. Юсуф уставился на испанку, спокойно поглощающую абрикосы с открытым лицом, как если б его здесь не было. Он был в растерянности. Господин Абул велел ему привести женщину в бани, а не принести ее силой. Если бы калиф велел ему это, Юсуф, не колеблясь, подхватил бы и понес эту упирающуюся особу. Но такого приказа ему не отдавали, а он знал, что женщина эта оказала на его господина магическое действие. Он и сам не знал, почему. С точки зрения Юсуфа она была слишком хрупкой и непокорной, для того чтобы быть привлекательной, несмотря на рыжие кудри и подвижные зеленые глаза. Но в его обязанности не входило подвергать сомнению фантазии и желания калифа.

Зулема предположила, что испанка не хочет выходить из башни при свете дня, потому что напугана и чувствует себя в чужом месте неудобно.

Юсуф изучающе посмотрел на эту любительницу абрикосов.

С его точки зрения, она совсем не выглядела напуганной, но объяснения Зулемы давали ему

возможность избежать конфронтации. Он вернется, когда получит от калифа более подробные указания.

Дверь за ним захлопнулась, и Кадига залилась смехом.

— Никогда раньше я не видела Юсуфа в такой растерянности, — сказала она, беря абрикос, — но ты была просто восхитительна, Зулема. — И она снова разразилась смехом.

Улыбка Зулемы была более сдержанной, но у Сариты создалось впечатление, что настроение ее было не менее шутливым.

— Не думаю, что он поверил мне, — сказала Зулема и тоже рассмеялась.

— Но что ты ему сказала? — спросила Сарита, тоже смеясь, даже не зная почему, — уж очень заразительным был их смех.

Зулема рассказала ей.

— Это прозвучало бы более убедительно, если бы ты при этом бросалась косточками с таким видом, словно тебе наплевать на все на свете, — сказала она, а потом вдруг резко посерьезнела, — но что теперь будет?

Сарита пожала плечами.

— Подождем — увидим. Но я думаю, что просто ваш господин Абул придет сюда, как я просила.

Кадига ухмыльнулась, — было в высшей степени странно слышать такую просьбу. Но почему ты отказалась пойти к калифу? Ты ведь провела с ним ночь.

«Да, — подумала Сарита, — но не такую, какую вы можете себе представить». Она поняла, что не сможет ничего объяснить им, и, покачав головой, сказала:

— Я здесь не по своей воле и хочу уйти отсюда, и господин Абул должен позволить мне это.

Абул ждал в Кипарисном дворике около бань.

Завершив, наконец, свои административные дела, он расслаблялся на солнце, внимая плеску фонтанов и предвкушая то, как будет посвящать свою замечательную гостью в банный обряд, удовольствие от которого, как он надеялся, позволит ему сломить ее сопротивление. Он без труда распознал правду в дипломатичном объяснении Юсуфа по поводу того, почему он вернулся с пустыми руками.

Абул нахмурился: если по каждому пустяку она будет устраивать такой шум, это может стать утомительным.

— Желаете ли вы, мой господин, чтобы я принес ее? — Юсуф, похоже, очень хотел, чтобы ему это приказали.

Абул покачал головой. Победа, добытая насильственным путем, не принесет ему удовлетворения. Нет, он примет ее условия.

— Я приду к ней сам.

Он неспеша пошел через дворцовые дворики, отвечая на поклоны придворных. Тут царила вечная суета, вечное движение. В Гранаде было много враждующих мавро-испанских кланов и дороги были наводнены бандитами. Испанцы все больше прижимались к границам Кастилии, а глаза их были устремлены на последнее мавро-испанское королевство в Испании. Абул знал, что для Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской земли теперь объединены в результате их брака, и объединение Испании после почти 800 лет господства мавритан имело первостепенное значение. Он знал, что для того, чтобы удержать свое королевство, ему надо постоянно драться с завоевателями, и не всегда посредством честного боя; внутренне он всегда должен быть готов к альянсу между соперничающими кланами. Он понимал, что его могут свергнуть только в результате такого союза, который может возникнуть из-за вероломства своих, а не из-за вооруженного столкновения с чужими.

Совершая путешествия по городам и весям, Абул воспринимал опасности как должное, извлекая для себя удовольствие из сражений. На них он воспитывался, к ним привык. Но в стенах дворца Альгамбры, в стенах своего дома, он желал спокойствия и гармонии, красоты и симметрии. И для того, чтобы добиться этого, он боролся столь же усердно, сколь и для того, чтобы защитить свое королевство, только методы его борьбы были иными. Мягкость, вежливость, внимательность — таковы были орудия Абула Хассана, орудия, с помощью которых он создавал гармонию внутри стен своего дома. Внезапно до него дошло, что, привезя Сариту сюда, он собственноручно нарушил безмятежность дворцовой жизни. Ее отказ вносил дисгармонию в окружающий его мир. Но, как ни парадоксально, он с радостью воспринял брошенный ею вызов, и решил использовать только чувственные способы для того, чтобы добиться от нее желания окунуться в жизнь Альгамбры и принять все, что у них принято.

Он вошел в башню без стука и тем самым смутил трех, охваченных неудержимым хохотом женщин.

При его появлении Кадига и Зулема вскочили, мгновенно посерьезнев, хотя веселье все еще играло в их глазах.

У Абула возникло безошибочное ощущение, что он помешал им — это не было для него необычным.

Когда он приходил в гарем, то всегда чувствовал, что нарушил какой-то очень частный мирок, но это не волновало его. Эти женщины, привыкшие к господству мужчин, не имели ничего — это было написано у них на роду.

Сарита же так и осталась сидеть на оттоманке, как будто бы вовсе не обратила внимания на его появление. Она взяла еще один абрикос из вазы и медленно надкусила его.

Он восхитился дерзкой чувственности этого жеста.

— Уйдите, — приказал он служанкам. Он тихо закрыл за ними дверь.

— Похоже, ты не рискуешь выйти за пределы этой башни при свете дня, — заметил он, подойдя к ней.

Он прищурился, глядя на пол, усыпанный абрикосовыми косточками.

— Ты, вероятно, очень любишь абрикосы, не так ли?

Сарита уже не была так в этом уверена. Она поглотила огромное их количество и теперь держала в руках абрикос только для эффекта.

— Я хочу сейчас же покинуть это место, — ей казалось, что будет лучше всего, если она сразу перейдет к делу.

Абул поджал губы:

— Тебе идет этот цвет.

Сарита посмотрела на свое платье, сшитое из шелка яблочно-зеленого цвета. Цвет действительно шел ей — зеркало сказало ей об этом столь же красноречиво, как Кадига и Зулема. Он оттенял ее волосы и очень шел к ее глазам. Что бы она не думала о покрое своего наряда, он не мог не льстить ей.

Однако она не собиралась показывать этого.

— Наряд очень смешной, — заявила она.

— Да? В каком смысле? — он выглядел вежливо-заинтересованным.

— Ну, в нем ничего невозможно делать — только лежать, да поплевывать абрикосовыми косточками, — сказала Сарита.

— А зачем тебе делать что-нибудь еще?

Сарита возмущенно подпрыгнула.

— Я не люблю валяться, — она была уже по горло сыта этим. — Возможно, вы не слышали меня, но я сказала, что желаю покинуть это место.

— Отлично, — невозмутимо ответил Абул, — я верну тебя под защиту твоего народа. Они все еще в оливковой роще. Через час ты будешь с ними.

Он, прищурившись, наблюдал за ней. Конечно, говоря так, Абул рисковал, но он рассчитывал на отчаяние, вследствие которого она решилась на то, чтобы убежать из лагеря.

Кровь отлила от ее щек.

— Нет, я не могу. Вы не понимаете.

— Я понимаю, что ты сбежала вчера из своего племени. Но если ты не хочешь остаться здесь, значит, я делаю вывод, что ты хочешь вернуться в него.

— Нет, я этого не хочу.

Он слышал дрожь в ее голосе.

— Но тебе больше ничего не остается, Сарита.

Я знаю, какие опасности могут подстерегать тебя на моей земле. Первая же попавшаяся банда разбойников, схватит тебя и продаст в рабство… конечно, после того, как досыта насладится тобой, — добавил он.

— Я попытаю счастья, — решительно сказала она. — Вчера я знала, на что шла. С тех пор ничего не изменилось.

mir-knigi.org

Он покачал головой.

— Именно, что изменилось. Ты теперь под моей защитой — нет, дай мне кончить, — сказал он, увидев, что она открыла в негодовании рот, чтобы возразить ему, — я калиф этой земли. Все, кто путешествуют по ней, делают это с моего благословения. Только так я могу сохранить порядок. Если я отпущу тебя одну путешествовать по моим дорогам, а потом тебя кто-то обидит, то, поскольку ты находишься под моей защитой, обида будет нанесена и лично мне. И мне придется наказать преступника. Вот в этом и состоит трудность.

В его рассуждениях явно присутствовала определенная логика, но Сарита не имела желания ее замечать.

— Ваши доводы — не что иное как благовидный предлог задержать меня, — заявила Сарита, — мне уже была нанесена обида… вами.

— Как же я обидел тебя?

— Вы похитили меня. Этого вы не можете отрицать.

Он покачал головой, — я увез тебя… одинокую и беззащитную женщину, от опасностей большой дороги.

Сарита почувствовала себя пробирающейся сквозь зыбучие пески. Основания для жалоб ускользали от нее, как почва из-под ног, хотя она и понимала их справедливость.

— Вы держите меня здесь против моей воли, — наконец сказала она.

По крайней мере, это он не мог оспорить.

Но Абул снова покачал головой.

— Нет, я готов вернуть тебя твоему народу. Я просто сказал, что не позволю тебе уйти отсюда без защиты.

Сарита отвернулась от него. Положив локти на мраморную раковину фонтана, она уставилась на прохладную и чистую поверхность воды, покрытую рябью от брызг падающей струи. Она вспомнила женщину из их племени, которая сбежала от своего мужа с мужчиной из другого клана. Муж поймал ее и убил любовника, как Тарик убил Сандро. Крики женщины и треск его плети часами доносились из леса, окружающего их лагерь. Сарита вспомнила, как ужасно себя чувствовала, слыша все это, вспомнила, что лагерь пребывал в полнейшем молчании, как будто все его обитатели участвовали в этом акте мести. Потом он привязал щиколотку женщины к колесу фургона так, чтобы она могла выполнять свои домашние обязанности. Сарита как сейчас помнила ее, мечущуюся между фургоном и очагом, и поднимающую веревку, чтобы она не очень натирала ей кожу, когда ей нужно было отойти дальше. И никто не проявлял никакого сочувствия к ней. Таков был суд племени. Прошло много недель, прежде чему муж отпустил ее, но к тому времени она уже совершенно сломалась, все время молчала, ходила с опущенными плечами и то и дело вздрагивала.

— Я не могу вернуться, — сказала Сарита.

Абул встал и положил ей на спину между лопаток руку.

— Ты убежала от человека, убившего твоего любовника?

Она удивленно повернулась к нему.

— Откуда вы это знаете?

— Юсуф видел убийство, — сказал он. — Я послал его, чтобы он узнал, что может, после того, как увидел тебя в тот день на дороге.

— Тарик запретил нам пожениться. И мы не знали почему.

Сарита чувствовала, как близко к ней он стоит, чувствовала теплоту его тела и внезапно ей захотелось, чтобы он схватил ее, но она заставила себя продолжать говорить так, как будто этого желания не существовало.

— Это было связано с тем, — что он сам пожелал жениться на мне. Когда я отказала ему…

Она замолчала — остальное он знал.

Абул обнял ее и прижал к груди.

— Ты глубоко любила этого человека? — ее слезы намочили ему тунику. Он погладил ее по волосам. Находясь в плену представлений и моральных норм ее народа, она еще не понимала многообразия типов отношений между мужчиной и женщиной, не понимала, что наслаждение, добытое вместе с одним мужчиной, необязательно является предательством по отношению к другому.

Но по тому, как Сарита плакала в его объятиях, Абул чувствовал, что она доверяет ему. До тех пор, пока это так, он сможет учить ее видеть вещи своими глазами, чтобы она поддалась искушению, владеющему ею, и они смогли бы вкусить райское наслаждение, так отчаянно отвергнутое ею прошлой ночью, но делать это ему следует постепенно и так, чтобы она не почувствовала угрозу своему достоинству, которое она обратила против себя самой. Это, безусловно, потребует от него большого самоконтроля, но это возможно, и тем слаще будет для него последующая, в конце концов, ее капитуляция.

— Больше не надо слез, — сказал он, отрываясь от нее.

Он наклонил ее голову над фонтаном, брызнув ей в лицо холодной водой.

— Я собираюсь научить тебя пользоваться банями, ты научишься расслабляться и воспринимать горе и радость, как часть себя.

Сарита вытерла ладонью мокрое лицо.

— Топить меня нет никакой нужды.

Он с удовлетворением отметил, что слезы и горе не сломили ее. Да, она еще так молода.

— Может, твои женщины принесут тебе полотенце? Ты промочила все платье.

Сарита вытерла лицо о льняное полотенце, пахнущее солнцем. Это были первые слезы, которые она пролила по Сандро. С ними к ней как бы вернулись силы. Мули Абул Хассан так легко не отпустит ее из Альгамбры. Он ясно дал ей это понять, и у нее не осталось никаких иллюзий относительно того, что она сможет повлиять на его решение. Значит, она должна сама ухитриться сбежать от него. А для этого ей необходимо убедить его в том, что примирилась с его приговором; с тем, что если она не хочет вернуться в племя, то должна

остаться здесь. Он обещал ей, что не будет принуждать ее к чему-либо, кроме своей компании, значит, она должна выжидать, пока не представится возможность бежать.

По правде говоря, она ничуть не возражала против его компании, совсем даже наоборот. Но от этого не меняется суть того, что она является его пленницей.

— Но ведь я уже мылась вчера вечером, — сказала она.

Абул рассмеялся.

— Баню посещают не только из соображений чистоты, но ты это еще поймешь. Она нужна для того, чтобы освежить дух в той же степени, что и тело. Пойдем. — Он подошел к двери, и Сарита, после секундного колебания последовала за ним. В конце концов, что она могла потерять?

Глава 6

Абул подождал Сариту у калитки, ведущей в сад.

— У тебя нет вопросов касательно Альгамбры?

— Множество, — дружелюбно сказала она, — но что это там за селение — через ущелье? — И она показала на череду крыш, расположенных на склоне лесистой горы.

— Дженералайф, — Абул сжал локоть Сариты.

— Царство садов и фонтанов, террас и галерей, истинное местечко отдохновения и красоты. Мы на днях сходим туда.

Сарита шла рядом с ним и отчего-то ей было удивительно спокойно чувствовать его рядом. Она не привыкла к тому, что мужчины могут ходить рядом с женщинами, обычно последние должны были тащиться позади и стараться не отстать от своих повелителей. Либо они шли сами по себе, погруженные в собственные беседы. Идти рядом с мужчиной было для Сариты внове, но она не знала, что для Абула — идти рука об руку с женщиной — было также очень непривычно. Но он думал, что так она скорее почувствует себя под его защитой в месте, которое, должно быть, кажется ей абсолютно чужим.

Он рассказывал ей о водопроводе, который приносил с гор воду, питавшую дворцовые ручьи, пруды и фонтаны, грандиозном сооружении, которое она видела с дороги — как оказалось, это была крепость, в которой могла разместиться армия, состоящая из 40 тысяч человек.

— И там сейчас столько воинов? — Сарите казалось нелепым говорить о солдатах и крепостях среди такой красоты, но нельзя было закрывать глаза на то, что дворец находился именно внутри крепости.

— Нет, — Абул повернул в сторону цветочных клумб. Воздух был насыщен влагой, как будто полит, и Сарита поняла, что земля под ее ногами так и сочится ею. От теплоты утреннего солнца, падающего на только что политую землю, возникало ощущение удивительной свежести.

— Нет, — повторил Абул, — сейчас нет. В этом нет необходимости в данный момент. Но я мог бы поместить их туда, если бы в этом была нужда… если, например, твои испанские монархи атакуют меня. — Он необычно серьезно посмотрел на нее, — такое вполне может случиться.

— Но зачем им это? — Сарита не разбиралась в политике, существовавшей как бы вне их клана.

Она знала только о тех, кто непосредственно мог угрожать ее жизни — о бандитах с большой дороги, торговцах рабами, инквизиции, и т.д. О мечтах и территориальных притязаниях их королевских величеств, Фердинанда и Изабеллы, ей было ничего неизвестно.

— Потому что мой народ много столетий назад завоевал эту землю, — сказал ей Абул. — Испанцы, королевство за королевством, медленно возвращают ее себе, и это продолжается уже двести лет.

Он неопределенно махнул рукой, — теперь нам принадлежит только Гранада.

— И вы хотите сохранить ее?

— Ну, конечно, я хочу сохранить ее для моего сына, также как она была сохранена для меня.

Это была еще одна тема, которую она захотела развить, раз уж Абул дал ей такую возможность.

— Вы не говорили мне о том, что у вас есть сын… и жена.

Абул повел ее к мраморной галерее.

— Мои жены и дети не должны тебя заботить, милая. Также как и ты их.

— Это не так, — запротестовала она, — и не говорите мне, что никто здесь не задается вопросом, откуда я взялась и что делаю во дворце.

Он рассмеялся.

— Они знают, что ты здесь делаешь, Сарита, или; по крайней мере, — добавил он с кривой ухмылкой, — знают, что, как я надеялся, ты будешь здесь делать.

Сарита промолчала, так как Зулема и Кадига уже дали ей это понять, не видя никакой другой возможной причины для ее пребывания во дворце калифа.

Они ступили на галерею и вошли в прохладную залу, в окна которой лился мягкий, зеленоватый свет.

— Но ваши жены и дети все-таки заботят меня, — снова атаковала его Сарита, — не понимаю, как вы можете думать…

— Таков наш обычай, — прервал он ее.

— Но не наш. Мой народ не…

Абул закрыл рукой ее рот и склонился над ней.

— Сарита, здесь не место для ссор. Здесь тело и ум должны получить отдых, здесь можно думать и говорить только о прелестном. Таков наш обычай. И, по-моему, тебе нетрудно будет с ним согласиться. Ведь так?

Сарита кивнула.

mir-knigi.org

Абул взял ее за подбородок, наклонился и накрыл ее уста своими; все было, как вчера — то же превосходнейшее ощущение и желание сделать этот случайный поцелуй более глубоким. Независимо от воли Сариты, губы ее скрылись, а язык метнулся к уголкам его губ.

Рука его упала с ее подбородка, отчего у нее возникло ощущение пустоты; к ней пришло осознание того, что он ни к чему не принуждал ее.

Ей было удобно так думать, но теперь любое ответное движение с ее стороны будет совершенно исключительно по ее воле. Она отступила от него и увидела, что глаза его зажглись сожалением.

Впрочем, она почувствовала, что ее тело также противится такому решению. Но позволить себе подчиниться его зову она не могла, поэтому отвернулась от него и огляделась по сторонам.

— Такое чувство, что мы находимся под землей.

Снаружи не доносится никаких звуков.

— Нет, просто тут все устроено так, чтобы создать такой эффект, — благодаря спокойствию, с которым Абул говорил с ней, Сарита почувствовала себя лучше. Нет, он сдержит обещание и не станет принуждать ее к близости.

— Войдем внутрь, в залу погружения.

И он пошел вперед сквозь анфиладу зал и маленьких палат, похожих на гроты, в которых играли фонтаны и цвели роскошные кустарники. Повсюду лился все тот же зеленоватый свет, а воздух был так же свеж и, казалось, напоен влагой. Возникало ощущение, что они проникали все глубже и глубже в пещеру, стены которой были покрыты красивейшими изразцами, а полы выложены великолепной мозаикой.

Не встретив никого на своем пути, они вошли в центральный зал, где среди колонн и фонтанов находились две мраморные ванны. Две женщины ждали их там. На них были надеты простые белые платья, лица их были открыты. Они поклонились калифу и Сарите.

— Лейла и Заида содержат эти бани, — сказал Абул. — Они понимают, что для истинного отдохновения необходимы тишина и спокойствие.

Сарита не знала, что ответить на это. До нее с некоторым запозданием дошло, что, в связи с тем, что люди не моются одетыми, они с Мули Абулом Хассаном опять будут пребывать обнаженными в компании друг друга.

Она помнила то непрошенное возбуждение, которое охватило ее вчера вечером, когда она разделась в его присутствии, но в этой зале была совсем другая атмосфера. Возможно, оттого, что здесь находились еще две женщины, для которых нагота была просто атрибутом рабочего дня. Заида уже как ни в чем не бывало помогала раздеться Абулу, и если Сарита сможет посмотреть на вещи с этой точки зрения, или хотя бы притвориться, что делает это, то возможно, она сумеет не поддаться непрошенным ощущениям. Наконец, она поняла, что Лейла ждет, чтобы помочь ей раздеться.

— Спасибо, я сама, — сказала она, расстегивая платье.

— Лейла не говорит по-испански, — сказал Абул, поднимая ногу, чтобы служительница могла

его разуть, — предоставь ей делать то, к чему она привыкла. Ты находишься здесь, чтобы научиться получать удовольствие от бань.

Сарита никогда не встречала людей, говорящих также, как Абул, с такой же уверенной мудростью и на столь отвлеченные темы. «Интересно, — подумала она, — какое образование он получил, какую жизнь вел, что сделало его таким человеком.

Или люди его страны все такие? Неужели у них у всех есть склонность и время для отвлеченных размышлений?»

Сарита украдкой наблюдала за тем, как женщина снимала с него тунику. У него было сложение воина. В его фигуре не было ничего такого, что наводило бы на мысль о том, что он может считать стоящими внимания только удовольствия духа и тела.

Платье скользнуло к ее ногам, но, будучи погруженной в собственные мысли, она не заметила этого. Женщина, улыбаясь, указала на огромную ванну, к которой уже подошел Абул. Похоже, они должны были находиться там вместе. Но ванна была очень большой, и Сарита снова почувствовала, что в этом нет ничего особенного из-за присутствия женщин, для которых все это было обыденно и естественно.

Сарита села на скамеечку, вделанную в мраморную стену ванны, вытянув ноги. Коснувшись Абула, она непроизвольно их отдернула. Он рассмеялся, но глаза его были закрыты, и она почувствовала его расслабленность. Сарита почувствовала, что по мере того, как погружается в воду, ее охватывает приятная истома и положила голову на край ванны. В мягком свете зала у нее было такое чувство, что она смотрит через воду и видит воображаемые волны, разбивающиеся под струящейся поверхностью. Она подумала, что, может быть, в воду было добавлено нечто, что увлекало в миры фантазий и заставляло позабыть о мире реальном.

Но это ощущение она испытывала уже не раз с тех пор, когда Абул привез ее сюда. Сарита осознала, что ее напарник встает. Она робко позволила себе осмотреть его тело. Это было с ее стороны ошибкой: соски ее набухли, и кожу заколoло от возбуждения. Она прикрыла глаза, но перед этим успела заметить, что тело Абула не выказывало никаких следов возбуждения. Было ли это связано с действием бань, или он перестал считать ее тело желанным?

Его голос ворвался в мир, который она пыталась создать в своем воображении.

— Пойдем, — сказал он, — пора переходить.

Она открыла глаза и обнаружила, что смотрит в его улыбающееся лицо.

— Переходить куда?

— В другую ванну.

— А разве одной недостаточно? — она вылезла из воды в то время, как Абул плюхнулся во вторую ванну. При этом он издал крик и, пробыв там всего секунду выскочил, стуча зубами. К нему подошла Заида и начала энергично растирать его кожу мохнатым полотенцем.

Сарита, озадаченная, сунула ногу в воду.

— Она холоднее, чем в горном озере!

— Конечно, — рассмеялся Абул, — это для того, чтобы разогнать кровь.

— Мою кровь не нужно разгонять, — твердо заявила Сарита. — Мне нравится другая ванна.

— О, ну не трусь, — Абул, все еще смеясь, подошел к Сарите. Она попятилась от него.

— Давай, — надо только окунуться в нее, зато, когда вылезешь, почувствуешь себя превосходно.

Она покачала головой.

— Нет, мне довольно и одной — о нет, Абул, не надо! — она завизжала, когда он прижал ее к своему холодному телу, — нет, нет, не надо меня туда бросать!

— Ну, конечно же, я не буду тебя бросать. — Он тем не менее не отпускал ее, подобное насилие несовместимо с гармонией этого места. Они были уже у самого края ванны. — Однако же, ты, я думаю, понимаешь, что заставляешь меня во второй раз погрузиться в нее. — И они оба плюхнулись в ледяную воду. Сарита даже не смогла завопить от холода, а только прильнула к Абулу, который выбрался из воды и стал энергично отряхиваться как мокрый пес.

Она стояла и дрожала, сгорбившись, а глаза ее от шока сверкали.

— Не напрягайся, Сарита, расслабь тело.

Но она только посмотрела на него отсутствующим взором, после чего он взял у Лейлы полотенце и начал энергично растирать Сариту. Ощущение холода сменилось для нее ощущением тепла и она почувствовала себя как бы заново рожденной.

— Вот так-то лучше, — сказал Абул, — ну что, попробуй, скажи, что это не стоило того.

— Это было жестоко, — заявила Сарита, а вовсе не гармонично.

— Это из-за того, что ты противилась своим чувствам.

— А вы и вправду серьезно воспринимаете эти купания, — удивленно сказала она.

— Ты что, только сейчас это осознала? — Абул покачал головой. — Я думал, что сразу дал тебе это понять.

— Да, но все же я не понимала. Это выше моего понимания, — она пожала плечами. — Люди из моего племени не делают ничего ради самих себя… или… или для того, чтобы создать гармонию внутри своего тела и разума.

— Наша цивилизация очень древняя, — сказал Абул, — и мы научились многому из того, что твой мир еще не знает.

— Возможно, у нас просто другие ценности, — рискнула сказать Сарита. Отчего-то ее покоробил этот безоговорочный критицизм.

Абул покачал головой, на губах появилась презрительная улыбка.

— Мы бы их так не назвали.

— Да, мы не думаем, что мужчине позволительно иметь столько жен, сколько он пожелает, — фыркнула она. — Мы считаем, что мужчина должен быть верен одной женщине и что она должна быть верна ему. Это для нас ценность.

Нисколько не смутившись, Абул расхохотался.

— Это не ценность. Это просто отрицание бесконечного разнообразия возможных между мужчиной и женщиной отношений. Разнообразие не исключает верности и обязательств.

Сарита вспыхнула:

— Ну раз мы покончили с купанием, я бы хотела вернуться в башню.

— О, но купание еще не кончено. Наоборот, мы только начали. — Он взял ее лицо в свои руки:

— Я сказал, что никакой дисгармонии не должно быть — разве ты забыла?

— Но я не критиковала ваш народ так, как вы — мой.

— Это не было критикой, я просто говорил о том, как все обстоит на самом деле.

Он взял ее за плечи. Она стояла так близко от него, что, если бы вздохнула глубже, то грудь ее коснулась бы его груди.

— Давай установим перемирие, — тихо сказал он. — Я больше не буду делать никаких сравнений.

— И бросать меня в холодную воду тоже не будешь? — голос ее был хрипловатым.

Абул покачал головой.

— Пойдем со мной.

Она пошла за ним и вскоре оказалась в маленькой комнате, где жар обжег ей легкие.

— Что это? — Заида положила на мраморные плиты свежие полотенца, а Лейла подложила дров в очаг, находящийся в углу. Потом обе женщины ушли.

— Здесь мы купаемся в паре, — сказал Абул, растянувшись на покрытой полотенцем скамье, — ляг и лежи неподвижно.

Сарита сделала, как он сказал. Ей было трудно дышать, она совсем изошла потом.

— Это должно быть приятным? — спросила она своего учителя.

— Это так и есть, если не разговариваешь и не шевелишься.

— Но я не могу нормально дышать.

Он вздохнул и поднял маленький колокольчик.

— Тогда иди с Лейлой.

— А вы не идете? — Она медленно села.

— Я привык к этой процедуре и гораздо более выносли в. Лейла приведет тебя назад, если ты захочешь, после того как охладит тебя.

Сарита и представить себе не могла, что когда-нибудь может захотеть вернуться в этот ад. Она

mir-knigi.org

пошла следом за Лейлой и когда, на этот раз служительница окатила ее ледяной водой, та показалась ей удивительно приятной. Лейла терла Сариту шершавыми варежками, а она поворачивалась под струей воды и мурлыкала от удовольствия.

За этим занятием ее и застал, вышедший из парной Абул. Она так напоминала в высшей степени довольную кошку, что он еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Со временем ты привыкнешь к жаре, — заметил он.

Сарита чуть было не сказала ему, что у нее не будет возможности привыкнуть к ней, но вовремя вспомнила, что должна производить впечатление человека, согласного с его эдиктом и более не планирующего отъезд.

Лейла, промокнувшая избыток влаги с ее кожи, приглашающе указала на дверь, ведущую в другую залу. Сарита последовала за ней, и, войдя в нее, издала крик радостного изумления.

Помещение наполнила приятная лютневая музыка, в которую вклинивался чистый голос флейты. Сначала Сарита не могла понять, откуда она исходит. В центре находилось четыре мраморных колонны, стены были выложены раскрашенными ляпис-лазурью изразцами. Лейла указала ей на мягкий диван, но Сарита заколебалась, все еще ища источник музыки.

— Что это за место? — шепотом спросила она.

— Зала отдыха, — ответил Абул. Голос его был тихим, но это был не шепот.

— Откуда льется музыка?

— С галереи. Музыканты там, наверху.

Он показал наверх, и Сарита увидела четыре галереи верхнего этажа.

Так там были люди… мужчины, а она стоит здесь совершенно голая. Она закрыла грудь руками.

— В этом нет нужды. Они слепые. Женщины из гарема часто ходят в бани, и ни один мужчина, кроме меня, не должен их видеть, но это не является причиной, по которой их надо лишать музыки.

Сарита в ужасе посмотрела на Абула.

Минуту он выглядел озадаченным, но лотом усмехнулся.

— Глупости, — сказал он, — я не говорил, что их ослепили. Они слепые, потому что уродились такими.

Сарита закусила губу, чувствуя себя виноватой.

На какое-то мгновенье она подумала, что эти люди способны на такое варварство. Она не понимала их, и в своем невежественном высокомерии пришла к этому пугающему выводу.

— Извини, — прошептала она, глядя в пол, — не знаю, почему мне вдруг такое пришло в голову.

— Ничего, ты еще научишься понимать нас.

mir-knigi.org

Конечно, мы кажемся тебе странными.

— Но я ведь не кажусь странной тебе, — она знала, что это правда, — ведь мой народ не кажется тебе странным.

— Нет, не кажется, — согласился он, — но я много путешествовал и занимался тоже многим. Я знаю много такого, чего ты не знаешь.

Он улыбнулся ей. Она выглядела такой унылой, эйфория, которая владела ею еще минуту назад, теперь улетучилась.

— Дорогая, но я совсем не хотел, чтобы ты так расстраивалась. Я чувствую, что ты звенишь, как натянутая струна. Дай Лейле расслабить тебя.

Он легонько подтолкнул ее к кушетке.

— Мы поговорим об этом в другой обстановке.

Сарита не нашла в себе сил для ответа и послушно легла. Абул лег неподалеку на такую же кушетку. Лейла подержала слегка потряхивая, маленькую кастрюльку над свечой. Воздух наполнился изысканным ароматом. Сарита расслабилась и вместе с мышечной свободой к ней пришло и забвение своего смущения. Лейла размазала содержимое кастрюльки по ладоням и начала втирать теплое и душистое масло в Саритин позвоночник. Глаза ее закрылись сами собой. Может быть, в этих банных ритуалах и есть что-то, — подумала она, — может быть, она сможет привыкнуть к ним…

— Аллах! — воскликнула Лейла в ужасе, дойдя до ступней Сариты.

Абул что-то лениво произнес по-арабски.

— Что ты говоришь? — открыла Сарита один глаз, — я не поняла.

— Сейчас поймешь, — пробормотал Абул.

И она действительно поняла, потому что минутой позже Лейла подняла ее ступню и начала чем-то скрести по ороговевшей подошве. Сарита с негодующим воплем отдернула ногу. И почему эти люди не оставят все как есть? Неужели они не могут понять, что ступни служат ей для ходьбы без обуви? Но они-таки не понимают этого, у нее было уже достаточно оснований для того, чтобы осознать это.

— Мои ноги принадлежат мне, — заявила она, и я не желаю, чтобы их трогали. Будьте любезны перевести это, господин калиф.

— Нет, — сказал Абул, — это преступление — портить красоту. Кроме того, для этого больше уже нет необходимости.

О, но она есть. Сарита прикусила язык, и снова отдернула ногу. В следующую секунду Абул уже сидел на ее ягодицах. Ощущение его тела, прижимающегося к ней в столь интимном месте заставило Сариту зарыться лицом в подушку. Она чувствовала, что Лейла снова занимается ее ногами так, как будто бы не случилось ничего, выходящего за рамки обыденного. Но, может быть, у калифа вошло в привычку сидеть голышом на женщинах, с тем чтобы заставить их не двигаться. В этом месте, когда дело касалось калифа и женщин, все казалось обыденным.

mir-knigi.org

— Такое маленькое создание ничего не стоит удержать!

— Ты дашь Лейле делать то, что она должна делать, или я должен оставаться там, где я есть?

— Я не буду двигаться, — пробормотала Сарита в подушку.

— Не понял, — вежливо сказал Абул, склоняясь к ее уху, — скажи немного громче.

— Я сказала, что буду лежать неподвижно, — выдохнула Сарита.

— Жаль, — Абул соскочил с нее, — я наслаждался своим положением.

— Вы нечестно играете.

— А я и не обещал играть честно, я говорил только, что не буду принуждать тебя, — он снова растянулся на своем диване.

— Ты отлично знаешь, что я намерен использовать каждую возможность для того, чтобы совратить тебя, — глаза его стали озорными, а это, моя упрямица, включает в себя и долгие совместные ночные часы, которые мы с тобой будем делить.

— Еще одна такая ночь? Нет, это будет непереносимо. Я откажусь прийти к вам, — заявила она с бравадой. — Вы не можете принуждать меня к тому, чтобы делить с вами ложе.

— Ты путаешь «не могу» и «не буду», — сказал он задумчиво. — В этом месте я могу все, но не вижу в этом необходимости. Я просто приду к тебе сам.

«И не найдешь меня», — подумала Сарита.

Решительность — это, видимо, все, что у нее осталось для того, чтобы бороться с собой в этой ситуации.

Лейла начала водить чем-то по ее спине.

— Что она делает? — Сарита попыталась вытянуть шею.

— Удаляет грязь с твоего тела, — сказал Абул, — она сходит вместе с маслом.

— Но не может быть, чтобы я была грязной, — после всех этих ванн, — заявила Сарита.

Абул рассмеялся.

— Обычная вода не может так очистить тело.

Пар отправляет нечистоты на поверхность, а удаляет их масло и стригиль.

Сарита удивилась, как случилось, что она столь поразительно невежественна в том, что касается такой важной вещи, как чистота? Или они просто пытаются объяснить с помощью науки то, что и без нее понятно каждому. Она представила себе, как усмехнулись бы мужчины ее племени, услышав подобные рассуждения. Они наверняка сочли бы их признаками слабости и упадка. Но в Абуле Хассане не было ничего упадочного, не было даже намека на слабость.

— Перевернись, — сказал Абул сонным голосом, — Лейле надо обработать тебя до конца.

mir-knigi.org

Глядя на своего компаньона, Сарита послушалась. В то время как Заида применяла свои очищающие средства, тело его было совершенно расслаблено, а глаза закрыты. Как он может быть столь недвижным, сознавая, что рядом, совершенно нагая, лежит она? Он все еще хочет ее, иначе не стал бы обещать ей перенести арену их сражения на другую сцену. Самое ужасное было то, что она, в отличие от него, не могла так спокойно относиться к его обнаженному телу. На самом деле ей безумно хотелось провести рукой по его золотому телу, почувствовать его мускулы, дотронуться до его живота и ниже…

Она подавила стон и прикрыла глаза, надеясь на то, что Лейла не заметила того, как набухли ее груди и напряглись соски. До нее дошло, что с ней происходит в точности то, чего хочет Абул, что все это является частью дьявольского сценария. С прошлой ночи он знал, что она далеко не безразлична к нему. А в этих чувственных, благоуханных залах, где все подчинено наслаждениям тела, где нагое тело так естественно, никто не смог бы противиться возбуждению. Тут все предназначено для искусного совращения — вдруг осознала Сарита, и оно — это совращение — не прекращалось ни на минуту. Только в бегстве лежит путь к ее спасению… Бегство от чего? Что было спасением? Она пробудилась от сна, вопросы эти роились в ее голове. Взгляд упал на пустую кушетку и она почувствовала разочарование.

— А где господин Абул? — вырвалось у Сариты; она совсем забыла о том, что здешние служительницы не знают испанского.

— Он со своим сыном. Он всегда проводит это время дня с ним.

Голос принадлежал женщине, и раньше Сарита его не слышала. Он раздавался откуда-то сзади.

Сарита села. Женщина была очень красивой — ее волосы были чернее ночи, глаза аккуратно подведены; кожа — цвета зрелых абрикосов, роскошное тело.

— Кто вы?

— Госпожа Айка, жена калифа, — женщина слегка наклонила голову. — А как зовут тебя, христианка?

— Сарита из племени Рафаэля, — почему-то Сарита полностью назвала себя, как будто подвергалась формальному допросу. Она оглянулась в поисках чего-то, чем можно было прикрыть свою наготу перед этой женщиной в богатом уборе, показывающем ее высокое положение.

— Позвони в колокольчик, и Лейла придет к тебе, — сказала женщина, — они ушли, когда ты заснула.

Сарита позвонила, неожиданно почувствовав досаду на Абула, который оставил ее здесь одну, тем самым предоставив возможность любому жителю Альгамбры найти ее здесь.

— Как случилось, что ты оказалась здесь?

Айка украдкой изучала женщину. Что нашел в ней Абул? Она была худенькой, несформировавшейся… нет, с этими грудями, похожими на маленькие лимоны и тощими бедрами, — ребенком. Но по мере того как Айка смотрела на нее, она понимала, что в ней не было ничего детского.

Тело ее было совершенно зрелым, прекрасно сформировавшимся и пропорциональным. Талия

— тонкой, а Айка уже видела складки жира на своем теле. Перед этим тонкокостным, стройным созданием она почувствовала себя тяжелой и громоздкой. Возможно, Абул тоже заметил эти следы ее излишней снисходительности к себе. «Я должна отказаться от шербетов и пирожных», — решила Айка.

— Я узница вашего мужа, — ответила Сарита, не видя смысла в том, чтобы таиться. Кроме того, она совсем не хотела, чтобы у жены калифа создалось впечатление, что она увлечена ее мужем. Сарита с облегчением увидела, что в комнату входит Лейла, неся ее платье.

— Он купил или пленил тебя? — по-видимому, султанше не показался странным ответ Сариты.

— Наверно, пленил, — она прикрылась платьем, отчего ей сразу стало легче.

— А по какой причине?

Сарита пожала плечами:

— Из прихоти.

Айка нахмурилась. Похоже, женщина возмущена своим положением. Перед калифом не могла устоять ни одна женщина, а Айка достаточно хорошо знала своего мужа (или думала, что знает) и была уверена в том, что он не станет принуждать женщину, если она станет противиться. Но Айка засомневалась в том, что Абул когда-либо встречал женщину, не пожелавшую принять его благосклонность и защиту.

Неужели он встретил подобную женщину в лице этого миниатюрного зеленоглазого создания с копной непослушных огненно-рыжих волос?

Кадига и Зулема подтвердили, что девушка вернулась в башню только на рассвете, но Фатима сказала Нафиссе, что Абул был очень распален.

Может быть, в этом и крылось объяснение происшедшему?

— Ты не желаешь быть с моим мужем?

Сарита услышала оттенок удивления в ее вопросе. Она хотела было уже утвердительно ответить на него, но слова застряли у нее в горле.

Это было совсем не так просто. Она знала, что в глубине души вовсе не желает… а совсем даже наоборот. Но, конечно, она не собиралась признаваться в этом жене Абула, даже если, как ей казалось, Айка совсем не была смущена, услышав это признание. Женщина, делившая своего мужа, по крайней мере, с четырьмя другими женами, вероятно, отнесется к еще одной сопернице безо всякого гнева, но у Сариты была причина для сопротивления Абулу.

— А кто отнесся бы к этому иначе? — сказала она, наконец, — если бы его схватили на дороге и привезли в… в… — она показала рукой на окружающее их великолепие, не находя слов для его описания, — в некое фантастическое место, как будто у этого человека нет другой, своей жизни, семьи, личных привязанностей, прошлого, будущего, а есть только то, что ему навязывают извне.

Айка медленно наклонила голову:

— Ты не принадлежишь нашему народу — это сразу видно. Наши женщины принимают все это

как должное. А женщины племени Рафаэля — нет?

Сарита задумалась. Нет, в племени Рафаэля решения принимали мужчины, редкая женщина позволила бы себе подвергнуть это решение сомнению, и редкий мужчина прислушался бы к доводам женщины, но они тем не менее были необходимы для организации тамошнего быта. У них были свои функции и ни один мужчина не стал бы вмешиваться в те сферы жизни, которыми управляли женщины. Однако у Сариты сложилось впечатление, что в этом месте все было не так и женщины здесь не имели никаких других функций, кроме как быть зависимыми от мужского каприза.

— Наши женщины все же оказывают влияние на собственную жизнь, но недостаточное, что правда, то правда.

— И ты не согласна с этим?

Сарита покачала головой. Ведь, в конце концов, именно потому она и оказалась здесь.

— Нет.

Да, на Абула все это непохоже. Он так настойчив с этой женщиной. Иначе зачем ему понадобилось приводить девушку в бани после ночи, которая, вероятно, для него была крайне неудовлетворительной? Айка почувствовала, что в душу ей заползает тревога. Имеет ли она другую, нефизическую привлекательность для Абула.

Здесь, и только здесь могла таиться угроза для нее.

— Возможно, я могу поговорить с ним, — сказала она, — я имею на него некоторое влияние и, может быть, смогу убедить его освободить тебя.

Сарита не знала, хочет ли она ее вмешательства. Но если она откажется, то это будет невежливо с ее стороны. Жена Абула мило ей улыбалась и не проявляла никакой враждебности. На секунду Сариту охватило беспокойство, но она быстро избавилась от него, женщина была сама любезность. Она знает здешние порядки, будет просто глупо, если Сарита отвергнет ее предложение.

— Благодарю вас, — сказала она. — Я буду вам весьма признательна за помощь.

— Я отведу тебя в башню. Ты должна рассказать мне о себе. Не так-то часто наше уединение нарушает пришелец из такого отличного от нас мира.

Идя рядом с ней, Сарита не видела расчетливого блеска в ее глазах.

Глава 7

— Ты никак не сосредоточишься, Бобдил, — мягко сказал Абул, пряча свое раздражение, вызванное тем, что мальчик уже в который раз сделал одну и ту же ошибку в одних и тех же вычислениях.

Репетитор мальчика нервно подергал бороду и снова попытался объяснить ему математическое правило. Бобдил угрюмо уставился на грифельную доску, стоящую перед ним. Он не понимал, что говорил ему Ахмед Эбен, и что хуже, не очень-то хотел понять. Когда-нибудь он станет калифом и все это уже не будет иметь никакого значения. Его отец не проводил дней за математическими вычислениями или за изучением Корана, поэтому Бобдил

mir-knigi.org

не видел смысла в том, чтобы утруждать себя такими вещами. Калиф ходил на войну и управлял королевством Гранады и все, включая визиря, делали то, что он хотел.

Бобдил украдкой взглянул на человека, неподвижно сидящего перед ним. Отец, как и обычно в эти дни, выглядел необычайно серьезным. Бобдил ненавидел это время дня. Для него всегда было большим облегчением, когда калиф уезжал из Альгамбры по делам и не участвовал, таким образом, в его занятиях. Бобдил плохо учился, даже, когда старался и знал, что это не нравится отцу. Вот мать, та его понимала. Она всегда говорила ему, чтобы он не волновался по поводу вещей, которые плохо ему даются, потому что, когда он станет взрослым и будет калифом, то всегда найдутся люди, которые выполнят за него то, что ему не хочется или то, что он не умеет делать. И что она всегда будет рядом и будет следить за тем, чтобы все шло так, как оно и должно идти. Когда Бобдил жил с матерью и другими детьми, все было прекрасно. Дети всегда делали то, что он им велел, потому что он был старшим сыном калифа, а учителя никогда не заставляли его заниматься тем, что ему не нравилось.

А если им хотелось вместо учебы поиграть в конюшнях или в садах, то Бобдилу было достаточно попросить об этом мать. Теперь же весь его день был расписан по минутам. Вокруг него были только мужчины и он скучал по благоуханию, мягкости гарема и по матери, которая потчевала его фаршированными финиками, миндалем и апельсинами.

К его глазам внезапно прилили слезы и он всхлипнул. Если он заплачет, то отец рассердится и скажет, что он уже не маленький. Мать — та всегда вытирала ему слезы и целовала его. Слеза поползла по носу. Бобдил поспешно вытер ее, в тревоге взглянув на отца.

Абул видел слезу, но гораздо больше его смутил встревоженный взгляд сына. Не было причин, по которым мальчик должен был бы бояться его, но, по-видимому, он все-таки его боялся. Хотя Абул и старался обуздать свое нетерпение в тех случаях, когда мальчик проявлял удивительную тупость и жаловался на то, что не все получается так, как он хочет, но не всегда преуспевал в этом. И все же он не сделал ничего такого, что могло бы вызвать у мальчика страх, за исключением того, что отобрал его у матери.

Само по себе это было совершенно нормально и не должно было бы вызвать трудности. Мальчик вырос и не мог больше жить в гареме; он должен был научиться жить жизнью мужчин. Но Абул знал о существовании особо прочных связей между Айкой и ее сыном. Это беспокоило его, но он знал, что не сделал никаких попыток ослабить эти связи, пока не стало уже слишком поздно. Поначалу он думал, что когда придет время, он сможет исправить промахи в воспитании Бобдила, но все оказалось не так-то просто. Материнское влияние на мальчика не уменьшилось, несмотря на то, что Абул ограничил время, которое они могли проводить вместе. Бобдил сумел разглядеть в этом только недоброту, в то время как ограничения эти были вызваны глубокой озабоченностью отца о том, чтобы приготовить сына к жизни в том мире, который его ожидал.

Повинуясь внутреннему порыву, Абул наклонился и вытер слезу с лица мальчика.

— Не плачь, Бобдил. День слишком хорош для математики, так что остаток его у тебя будет свободным.

Мальчик просиял, успокоив тем самым Абула, который уже начал думать, что видит в его глазах страх и враждебность. Бобдил вскочил и побежал к дверям.

Отец позвал его. — Куда ты идешь?

— К матери.

Исполненный сожаления, Абул покачал головой. — Нет, ты пойдешь к ней только вечером, Бобдил, ты ведь знаешь об этом.

Глаза мальчика погрустнели, затем в них опять появились страх и враждебность. Абул попробовал, как ни в чем не бывало, улыбнуться.

— Давай проведем день вместе. Ты не хочешь поохотиться на ястребов? Или поехать в горы?

Может быть, на рыбную ловлю?

Бобдил покачал головой и снова сел за стол.

Абул почувствовал, как в нем закипают злость и обида на мальчика. Когда его отец неожиданно предлагал ему это, он бывал на седьмом небе от счастья и теперь с радостью вспоминал каждую их совместную поездку. Неужели уже слишком поздно для того, чтобы наладить подобные взаимоотношения с Бобдилом? Но, задавая себе этот вопрос, он уже знал на него ответ.

Абул резко встал.

— Хорошо, если ты не хочешь отдыхать, то я могу порекомендовать тебе только продолжить учебу. Пожалуйста, вникни в те расчеты, которые предлагает тебе Ахмед. Я хотел бы, чтобы завтра ты уже не повторил тех же самых ошибок. — И он вышел из комнаты.

Бобдил сквозь слезы смотрел на колонку цифр, написанных на доске. Мать сказала, что отец поступил жестоко, разлучив их. Она сказала ему, что его отец — грубый человек и его нельзя злить, чтобы он не проявил еще большей жестокости. Калиф был в жизни Бобдила второстепенной фигурой до тех пор, пока его не забрали из гарема и не поместили в собственные апартаменты, Только здесь Бобдил почувствовал присутствие в его жизни отца. Все, что происходило с ним, происходило по его приказу. Он, и только он, принимал теперь решения, касающиеся его жизни, решения, делающие его жизнь невыносимой… Может быть, ею отец когда-нибудь уедет в одно из своих путешествий и не вернется.

Его укололо чувство вины за то, что эта мысль пришла ему в голову. Но если отец все же уедет, то он, Бобдил, станет калифом, и не будет никого, кто скажет ему, что он может проводить с матерью только два часа в день. Ахмед Эбен снова стал объяснять ему и Бобдил постарался сосредоточиться.

Завтра он не должен повторить своих ошибок, он и так уже рассердил отца.

Абул шествовал по дворцу. Его обычная безмятежность была нарушена из-за стычки с сыном.

Абулу было больно, но он был еще и зол, и злость его была направлена на Айку. Похоже на то, что она настраивает Бобдила против отца, каждый раз внушая ему страх и недоверие к нему. Единственный способ прекратить это — это полностью удалить мальчика от сферы влияния матери, но Абул страшился сделать такой решительный шаг.

Он вряд ли улучшит его отношения с сыном. Но почему Айка настраивает сына против отца? Ведь оба они, конечно же, должны понимать, что от подобных взаимоотношений не может выиграть никто — ни Айка, ни Бобдил, ни Абул. Или таким образом Айка добивается власти? Власти, которая в конце концов, позволит ей сделать нечто большее, нежели просто удалить неугодного советника.

Мысль эта, сама по себе неприятная, приводила Абула к еще более неприятному выводу. Если Айка — его внутренний враг, то ее следует удалить. Это не предвещало ничего хорошего, так как ее отец, всемогущий эмир, был настороже и готов был защищать интересы семьи. В то же время внутри Альгамбры также начались бы склоки и раздоры, не говоря уже о том, что потеря им равновесия не способствовала бы ясности его мыслей и, следовательно, повредила бы тем, кого он, как судья, должен был судить. Сегодня же, как на зло, был один из дней, когда он должен был надеть свою судейскую мантию. Абул вошел в небольшую мечеть, позволив душе успокоиться в этом месте.

Он должен найти путь к сердцу Бобдила и дать ему то, без чего человек не может достичь ничего — некий внутренний стержень. Он просто обязан сделать так, чтобы сын предстал перед миром не как комок нервов и эмоций, а как мужчина. Без этого он не сможет управлять не только другими, но и собой. Абул услышал шум, свидетельствующий о том, что кади, советники и защитники уже пришли на дневную сессию. Обновленный, с миром в душе, Абул Хассан вернулся к управлению королевством.

Сарита и султанша пришли, наконец, в башню.

Тревога Сариты рассеялась — так дружелюбна и открыта была с ней жена Абула. Девушка рассказала ей о жизни ее племени, умолчав все же о событиях, приведших ее в Альгамбру. Она не захотела говорить о Сандро — слишком сильно было ее горе, но в остальном поддалась очарованию султанши. Так как во дворце царила тишина, Сарита решила, что наступил час отдыха. Утренние работы по уборке были давно уже завершены, а дневные дела отложены до вечера.

— Вы не соблюдаете сиесту?

Айка улыбнулась:

— Соблюдаю, конечно. До заката, пока мой сын не возвращается ко мне.

— Откуда возвращается? — озадаченно взглянула на нее Сарита.

— От отца, конечно, — Айка небрежно пожала плечами, но Сарита почувствовала ее недовольство. — Отец забрал его от меня и теперь он может проводить со мной только два часа в день.

— Но это ужасно! — воскликнула Сарита, — почему он забрал ребенка от матери?

— Он желает, чтобы ребенок был предан только ему, — сказала Айка, — он ревнует его ко мне.

Сарита нахмурилась, почувствовав, что что-то здесь не так. Айка же улыбнулась, сказав, что мужчины всегда плохо понимают, насколько глубоки взаимоотношения матери и ребенка, что Абул видит в мальчике только своего наследника и хочет от него слишком многого в то время, как он еще так мал. Но я, должно быть, уже надоела тебе, Сарита, с моими проблемами, касающимися только меня самой и мужа.

— Да, — медленно ответила Сарита, — да, думаю, что это касается только вас двоих.

Она не могла себе представить, чтобы Абул, такой мягкий, мудрый и наделенный чувством юмора, мог не правильно обращаться с ребенком.

В то же время Сарита понимала, что он наделен огромной властью, а значит, и

ответственностью, и в отличие от Тарика, не считает необходимым постоянно демонстрировать и доказывать свою силу. Она является его неотъемлемой частью, и в этом все дело. Такой человек никогда не станет плохо относиться к ребенку. Она протянула Айке руку:

— Спасибо за компанию, госпожа.

Айка поняла, что ее речи подвергли сомнению.

Может быть, она ошиблась, решив, что из женщины, не воспринимающей с радостью власть мужа, легко может сделать союзника, имеющего доступ в мысли и планы Абула. Похоже на то, что женщина не только не хотела больше ничего слышать, но даже и не поверила в то, что ей сказала Айка. Она все еще хотела сделать из этой женщины союзницу, не зная даже почему. Если Абул желает ее, а она не отвечает ему взаимностью, она может быть очень полезной — только об этом думала Айка. Поэтому она улыбнулась.

— Спасибо, что выслушала меня. Не хочется, чтобы ты плохо думала о моем муже. Он сделал только то, что обычно делают мужчины, когда их наследник достигает определенного возраста, но…

— она приложила палец к глазам, — но он не понял глубины моей близости с Бобдилом. Видишь ли, он был болезненным мальчиком.

— Понимаю, — серьезно сказала Сарита. Она знала, что в их племени женщины были очень близки к детям, что их никогда не ограждали от материнского внимания. Просто, вырастая, сыновья больше тяготели к мужчинам.

Так что, то, что Бобдила отняли у матери, показалось Сарите странным.

— Я поговорю с господином Абулом о тебе, если ты все еще этого хочешь, — сказала Айка. — Ты желаешь вернуться в свое племя?

— Нет, — ваш муж сказал, что не будет препятствовать, если я захочу вернуться туда, но не позволит мне уйти из-под его защиты, если я не вернусь к своему народу.

Айка почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Так Абул предложил вернуть ее в племя, что очевидно, было для нее совершенно неприемлемым! Происходило что-то такое, до чего Айке просто необходимо докопаться.

— Я пойду отдыхать, — сказала Айка, — мы скоро снова встретимся.

— Да, конечно, счастливого пути, — и Сарита, перед тем, как вернуться в прохладу своей башни, проследила взглядом за ней, повернувшей на тропинку, обсаженную кипарисами.

После сна в зале отдыха у Сариты не было никакого желания погружаться в дремоту и она пошла на верхнюю галерею. С одной стороны окна галереи выходили на ущелье и на горные пики, возвышающиеся позади Дженералайфа, а с другой — на сады и парки дворца. Сарита встала у окна, выходящего в сад и, дотронувшись до своего платья, убедилась, что оно уже совершенно высохло. В Альгамбре царила сонная атмосфера, пожалуй, такая же сонная, как и в лагере накануне, когда она ускользнула из него на свидание с Сандро. К Сарите снова вернулось ощущение боли и горя, которое и не покидало ее со вчерашнего дня, но на этот раз к нему добавилось еще и чувство бесповоротности ее судьбы. Со смертью Сандро в жизни Сариты закончился целый период. Теперь она должна плыть дальше по реке жизни, плыть, обогатившись тем опытом, что дали ей ее любовь и ненависть.

И тут ей пришло в голову — а что если просто выйти отсюда в этот тихий и сонный час?

Дворцовые двери незаперты, охранников не видно, сторожевых псов тоже. Ее узелок — с ней, одежда — вот она, висит. Никто и внимания на нее не обратил, когда она ходила тут в прошлый раз, так почему она должна думать, что на этот раз все будет не так? Ведь все видели, что калиф и его жена обращались с ней не как с узницей, а как с другом.

Эта мысль была такой простой и такой великолепной в своей простоте. Сарита сбросила вычурный наряд и со вздохом облегчения надела рубаху и платье. К счастью, здешние мастерицы еще не успели нанести непоправимый вред ее ступням, и она сбросила эти ужасные шлепанцы и ступила на землю, снова почувствовав под ногами знакомую почву и обретя истинное равновесие.

Сарита распустила все еще завязанные на макушке волосы и прошлась расческой по непослушным кудрям. Волосы, как всегда, сопротивлялись попыткам укоротить их, но оттого, что она попыталась это сделать, Сарита почувствовала себя уверенней.

Бросив последний взгляд на окружающее ее великолепие золоченой клетки, она вышла навстречу знойному дню.

А где же Абул? Почему-то ей казалось, что нехорошо вот так уйти, не сказав ему ни слова прощания. Но если она пойдет к нему проститься, то он не отпустит ее. Поэтому она вышла из сада и зашагала через дворики к воротам. Сейчас, при свете дня, все выглядело не так, как вчера, когда она въехала сюда на спине лошади.

Вокруг было мало людей, а те, что были, едва смотрели на нее. Но вот Сарита вошла во двор, полный солдат в круглых шлемах, и поняла, что в крепости Альгамбры сиесту отнюдь не соблюдали.

Здесь ее заметили. Некоторые мужчины при виде ее отвели взгляды, а другие — с отвращением сплюнули. Сарите стало не по себе. Может, женщинам не разрешалось входить в эту часть дворца?

Или это оттого, что она отличалась по внешнему виду от их женщин… из-за того, что шла с непокрытым лицом?

Но что бы там ни было, она чувствовала себя все хуже и хуже, и ей пришлось побороть в себе желание без оглядки побежать к открытым подковообразным воротам. Вместо этого она пошла с опущенной головой через толпу вооруженных людей.

Это случилось в тот момент, когда она уже дошла до ворот. Внезапно ноги ее подкосились и она уткнулась в массивную грудь, одетую в кожаный камзол. Ее крики смешались с неистовой арабской речью. Сарита попыталась бороться, но почувствовала себя бабочкой в руках гиганта… он схватил ее и понес назад, мимо ухмыляющихся солдат. Он явно не сомневался в том, куда ему следует идти.

Мысли об этом успокоила Сариту, утихомирив яростное биение сердца. Ее несли не к похотливым солдатам, а во дворец. Но по мере того как утихал страх, жестокая ярость закипала в ней. Они пересекли маленький дворик, в котором находилось много мужчин. У Сариты возникло ощущение, что это была своего рода приемная. Гнев ее утих, потому что она почувствовала ужасное смущение оттого, что все они уставились на солдата и его ношу.

Он вошел в приоткрытые двери и они оказались в зале, полном народу.

mir-knigi.org

Сначала Абул не заметил их. Он был поглощен речью гражданина Гранады, защищавшегося от обвинений соседа в порче воды в цистерне. Но гул обычно молчащего зала заставил его отвлечься.

Увидев солдата и его ношу, Абул подумал, что ему, пожалуй, не стоит удивляться происшедшему.

Конечно, он не ожидал неповиновения от кого бы то ни было, поскольку раньше никто никогда не смел его ослушаться. Но из того, что он знал об этой христианке, он вполне мог бы допустить такую возможность.

Солдат скинул Сариту на землю. Она тут же вскочила на ноги и ударила его по лицу. Все присутствующие затаили дыхание. И тут солдат подскочил к ней. Голова Сариты оказалась в сгибе его локтя. Черные глаза воина блеснули, лезвие его сабли уткнулось ей в горло. Смерть смотрела ей прямо в лицо. Перед ее глазами замелькали черные точки, и она почувствовала, что задыхается.

Но тут тишину разорвал голос калифа. Солдат дернулся, но не выпустил ее шею. Тогда приказ был повторен, на этот раз чуть-чуть громче. Солдат снова дернулся, и руки его разжались, после чего она упала на пол. На этот раз Сарита не сделала попытки встать. Сердце ее стучало так сильно, что она подумала, что сейчас потеряет сознание. Она чувствовала у щеки прохладный мрамор и изо всех сил сдерживалась, чтобы не застонать.

Абул все еще говорил. Она не могла разобрать смысла его слов, но тон его был грубым. Было похоже на то, что он отдавал целый ряд приказов. Но почему при этом он ничего не говорил ей? Почему не подошел, чтобы поднять ее с пола? Чтобы дотронуться до ее щеки так, как он это любил делать.

Почему не улыбнулся ей…

Почему вообще такие мысли приходят ей в голову? Почему она лежит здесь, как сломанная тростинка? Сарита подняла голову… Солдат нагнулся, поднял ее с пола, снова взвалив на плечи и вышел из зала.

Теперь Сарита поняла, что вреда ей не причинят. Абул напомнил солдату о его обязанностях и о том, что он не может вести себя, повинуясь инстинктам, но не сделал ничего, чтобы уменьшить ее унижение, наоборот, вероятно, приказал усилить его. Тем не менее она усвоила преподанный ей урок и теперь не спрашивала ни о чем. Внеся ее в башню, солдат поставил ее на ноги, все еще обращаясь с ней как с неодушевленным предметом.

Дверь за ним захлопнулась, и она услышала звук ключа, поворачиваемого в замке. Теперь она и вправду стала узницей. Или просто ее статус узницы стал достоянием гласности? В любом случае в ее теперешнем положении для нее не было разницы между первым и вторым. Ноги ее дрожали и она села на оттоманку, стоящую возле фонтана.

Сарита чувствовала себя как побитая собака. Но на коже ее не было синяков и царапин. Удар был нанесен по ее гордости и достоинству. Она потерпела поражение.

Глава 8

До самого вечера Сарита оставалась в башне одна, вспоминая глаза солдата и ощущение лезвия сабли, щекотавшего горло. Но, в конце концов, она перестала дрожать и обрела обычное присутствие духа. Ей таки не перерезали горло — Абул предотвратил это. Но кроме

этого он не сделал ничего, чтобы улучшить ее состояние.

Сарита поднялась на галерею. За окном быстро догорал день и в небе появилась первая звезда.

Сарита почувствовала себя голодной. Она с утра ничего не ела, да и тогда удовольствовалась только кусочком хлеба с маслом и чашкой жасминового чая. Абрикосов в вазе больше не было, и вообще во всей башне она не смогла найти ничего съестного.

А где же Кадига и Зулема? Для слуг они чрезвычайно небрежны.

Становилось все темнее и темнее, Сарита знала, что в башне есть масляные лампы; еще вчера, когда она мылась, они ярко освещали залы.

Она пустилась на поиски огнива и трута, но не смогла их найти. В желудке ее бурчало. Заснеженные пики Сьерры-Невады мерцали, затмевая собой свет звезд, уже вовсю блиставших в бархатном небе.

Прохладный воздух наполнился стрекотанием цикад, до Сариты донеслись густые запахи благоухающих садов. Но голодный желудок невозможно было удовлетворить ароматами мимозы, олеандра и роз.

Высунувшись из окна, Сарита видела мерцание дворцовых огней, чувствовала запахи еды, поглощаемой в залитых светом двориках и галереях и слышала звуки музыки.

Как смешно! Она высунулась подальше, чтобы посмотреть, нельзя ли выбраться из окна по стене, но она была гладкой, как стекло. И в любом случае, чего она добьется, если вылезет? Выйти из дворца на свободу, как оказалось, было невозможно. Если она и поняла что-нибудь за сегодняшний день, так это.

Сарита подходила к другим окнам, но увидела лишь стену ущелья и черноту, уводящую в никуда.

Никогда раньше она не чувствовала себя такой голодной.

Лечь в постель — иного выходы из создавшегося положения Сарита не видела. Все-таки это лучше, чем на голодный желудок мерить шагами темные залы тюрьмы. Но она не чувствовала усталости — один лишь голод. Ей хотелось вина и сражения. Больше всего на свете Сарите хотелось битвы с Мули Абулом Хассаном.

Она прилегла на диван и вспомнила все обиды, нанесенные ей калифом. Имя им было — легион, и начались они с того, что он похитил ее, после чего стал докучать ей бесчисленными домогательствами. Похоже было на то, что теперь он сменил тактику. Заточение и пытка голодом явно не вязались с обликом мягкого ухажера. Очевидно, теперь ей открылась другая сторона калифа Гранады, та, которую он просто не показывал ей, так как не считал нужным.

Услышав, что дверь внизу открылась, она не пошевелилась. Ей показалось, что это произошло после столь долгого ожидания, что больше не имело значения. Она неподвижно лежала на диване, вслушиваясь в звуки шагов. В ее темницу пожаловал сам калиф..

— Почему у тебя тут темно? — голос его был так спокоен, словно события сегодняшнего дня не имели места.

— Тут нет трута, — Сарита так и осталась лежать на диване.

— А ты смотрела в ящиках внизу?

Сарита промолчала, тем самым давая понять, что нет, и он вышел. Послышались звуки высекания огня из огнива и на галерею проник мягкий свет.

— Спустись, Сарита, надо кое о чем поговорить.

Она не сдвинулась с места, с любопытством ожидая его дальнейших действий.

— Сарита, не заставляй меня применять силу.

Она хотела, чтобы их разговор состоялся несколько погодя, но не желала, чтобы он делал ее существование здесь еще более невыносимым.

Поэтому она спустилась вниз, в дворик. Абул стоял, прислонившись к одной из колонн, скрестив на груди руки.

— Я голодна, — объявила Сарита тоном, предполагающим обвинение, которого Абул, однако, не поддержал.

— Хорошо, — сказал он, — это входило в мои планы. На голодный желудок хорошо обдумывать совершенные глупости.

Сарита прищурилась.

— Так, по-вашему, это глупости — желать покинуть тюрьму? По-моему, это желание вполне объяснимо.

— Глупостью было то» что ты решила, что сможешь покинуть это место без моего разрешения, — ответил Абул, — однако я имел в виду не это.

— Ну а теперь выслушайте меня, мой господин калиф, — голос ее звенел от гнева. — Меня тут, как мешок с мукой, таскал какой-то дикарь. Мне горло чуть не перерезали. Я сижу часами голодная в этой темнице и моему терпению пришел конец. Я больше не желаю выслушивать ваших поучений. — И она повернулась, с намерением вернуться на галерею, чтобы в одиночестве успокоиться. Но Абул быстро схватил ее за руку.

— Нет, ты будешь меня слушать, Сарита! Для своего же блага.

— Нет! Отпустите меня! — Сарита попыталась вырваться, чувствуя свое бессилие и еще больше от этого злясь. Абул не отпускал ее и она подняла колено, намереваясь нанести ему удар в пах.

Одно из двух — либо он предвидел это, либо у него была прекрасная реакция, но он уклонился и удар пришелся ему по бедру.

— Черт! — теперь в его голосе был гнев, глаза сверкали. Так ты ничему сегодня не научилась?

— О нет, я поняла истинную суть этой сказочной земли, — и она нагнулась, чтобы растереть колено, ушибленное о его твердое бедро.

Слезы — то ли боли, то ли гнева наполнили ее глаза.

— Она прекрасна снаружи, но на самом деле пропитана злом. Вы можете сколько угодно пустословить о стремлении к истинной гармонии души и тела, о важности отдыха и о высоких

ценностях, свойственных вашей культуре, но в душе вы все остаетесь дикарями… даже если тело ваше и чисто.

Теперь Абул уже не чувствовал злости, а только какое-то нежеланное любопытство. Он потер бедро, стараясь не думать о том, каковы были бы его ощущения, если бы Сарита попала туда, куда целилась.

Ты хочешь сказать, что в твоем племени можно наброситься на мужчину, как ты сделала это сегодня, и остаться безнаказанной?

Сарита заколебалась. Гнев ее в результате этой драчки поубавился.

— Нет, не безнаказанной, — сказала она, наконец, — но горло мне бы не перерезали, — добавила Сарита. — И не стали бы таскать повсюду, как убитого оленя, это уж точно.

— Что касается здешних мужчин, Сарита, то, во-первых, ты для них женщина, а во-вторых — неверующая. Женщины здесь поступают так, как им говорят и не выходят туда, где им не положено быть, и для мужчины, верящего в единого Бога, тот факт, что ты неверующая, абсолютно обесценивает тебя в его глазах, тем более, если ты нападаешь на правоверного мужчину. Если бы ты принадлежала моему народу, то знала бы как вести себя так, чтобы не вызвать у мужчины гнев.

— Значит, я не должна обижаться на то, что меня таскали как мешок с мукой?

— Конечно, ведь ты нарушила мои предписания. А они здесь для всех являются законом, Сарита, и те, кто путешествует по этой земле или ведут здесь какие-либо дела, делают это с моего позволения. Ты должна понять это для своего же собственного блага. Может случиться так, что я не буду иметь возможности защитить тебя.

— Да уж, значит, заперев меня в темноте и не давая мне часами еды, вы полагаете, что защищаете меня? Тогда приношу извинения за то, что не выразила вам своей благодарности, видимо, это произошло из-за того, что я не сумела понять, что нуждаюсь в защите своего же похитителя.

— О, как ты красноречива, — сказал Абул, — голод, видимо, обострил как твои способности к мышлению, так и способности к выражению своих мыслей.

В ответ на эти слова Сарита бросила в Абула диванной подушкой. Он, смеясь, пригнулся. Тогда она стала бросать в него чем попало. Это продолжалось до тех пор, пока Сарите не попалось под руку нечто более серьезное, нежели мягкие подушки — маленькая коробочка из оникса. Она просвистела рядом с ухом Абула и ударилась о мраморный пол. Абул выпрямился, глаза его стали злыми.

— Все это уже перестает быть забавным, — сказал он.

— А я и не рассматривала это под таким углом зрения, — холодно ответила Сарита, хотя в душе ее появилось некоторое волнение, — веселились, впрочем, также, как и наносили мне обиды, только вы.

— Но ты ведь сама захотела остаться здесь отнюдь не против твоей воли. И вообще, не очень-то любезно с твоей стороны бросаться в хозяина дома, где ты гостишь, тяжелыми предметами.

Абул подошел к ней. Сарита не двинулась с места.

— Это нечестный аргумент, и вы это знаете. Я не хочу ни того, ни другого. Мне надо вернуться в Кастилию. По крайней мере, там со мной будут обращаться как с христианкой, а не как… , — Не как с мертвым оленем, — подсказал Абул.

— Хочешь ты этого или нет, но теперь твоя безопасность и твоя судьба стали для меня чрезвычайно важны. Я не хочу отпускать тебя не из каприза и не ради того, чтобы лишний раз продемонстрировать свое величие, а ради твоей же безопасности.

— Я сама могу позаботиться о ней, — попятилась от него Сарита.

— Я не позволю тебе это. Будешь ты, наконец, стоять спокойно, или мы так и будем продолжать ходить из угла в угол?

— Спокойно… для чего? — она подошла поближе к лестнице.

— Для того, чтобы калиф смог соответствующим образом наказать тебя за то, что ты бросалась в него тяжелыми предметами. Это подушки и другие мелочи я еще могу тебе простить, но эту коробку — ни за что.

Сарита быстро побежала по лестнице. Он догнал ее, казалось, даже не ускоряя шага, и оказался перед ней. Сарита попыталась отступить, но он легонько похлопал ее по плечу.

— Я тебя поймал, — сказал Абул. Сарита закусила нижнюю губу и нервно улыбнулась. Он смотрел на нее, как ей казалось, целую вечность. Он видел в ней то, чего не видела она: пушистые волосы, обрамляющие нежное лицо, вспыхнувшие щеки; сияние глаз, слегка раскрытые губы. Абул растерялся. Сарита олицетворяла собой объект, на который он мог направить всю свою энергию и любовь, доселе нерастраченную. Он понимал, что у нее нет к нему такого же чувства, но считал, просто убежден был в том, что он испытывает к ней, не может не стать взаимным. Кроме того, по некоторым признакам он видел, что не оставил ее равнодушной. Вот и сейчас, например, он понимал, что она крайне возбуждена и, что, конечно же, в его силах сделать так, чтобы она пожелала отдаться ему. Для него также было ясно и то, что Сарита не сделает этого до тех пор, пока не обретет внутреннего равновесия, пока не признается себе самой в своих чувствах и не разрешит себе их испытать.

— А я не ошибся, — сказал Абул, — ты действительно предпочитаешь к любви острые приправы.

Щеки Сариты вспыхнули:

— Не знаю, где вы тут увидели любовь. Лично я не испытываю ничего, кроме злости и голода.

— Голода, — задумался калиф, — а я-то совсем забыл, что привело нас сюда. Ты для меня столь желанна…

Теперь уж убегать было поздно, поэтому Сарита просто стояла, с вызовом глядя ему в глаза. Абул взял ее лицо в руки, запустив пальцы в облако пушистых кудрей. Губ его коснулась загадочная улыбка, и она поняла, что он сейчас сделает. Намерения его явно совпадали с ее желанием. «Какая у него прекрасная линия рта», — подумала Сарита за минуту до того, как он покрыл ее уста своими.

— Ну что, достаточное наказание? — губы Сариты были все еще раскрыты.

— По-моему, так нет, — сказал Абул, когда она не ответила на его озорной вопрос. — В конце

концов, ведь только то, что рука твоя не очень тверда, спасло меня от верной смерти. И он снова приник к ее губам.

Сарита чувствовала себя как лодка, покинувшая уютную гавань. Она совершенно потеряла почву под ногами. Ее рассудок, чувства и тело дрейфовали теперь в открытом и бурном море. Она же одновременно и хотела, и не хотела этого. Абул касался ее груди и Сарита могла, прижимаясь сквозь тонкую ткань своего оранжевого платья, чувствовать жар его тела и силу его желания. Он еще сильнее прижал ее к себе и последний канат, связывающий лодку с якорем, лопнул. Абул видел ее возбуждение, чувствовал, как нарастает в ней страсть. Перейти на диван сейчас было бы не трудно. Она пошла бы туда, была бы с ним, но Абул понял, что не сможет этого сделать, что ничего не получится. Нет, она будет его, иначе и быть не может, но по-настоящему она не желает его, и если он сейчас воспользуется своим преимуществом, то потом проиграет. Сарита разозлится и на себя и на него, потому что в данный момент она еще не примирилась со своими чувствами, и, в связи с этим, потом будет горько жалеть о содеянном. Он поднял голову и легонько оттолкнул ее от себя.

В ее глазах промелькнуло удивление. Почему он остановился? Ведь он не мог не знать, что против него у нее не было в тот момент защиты. Она во все глаза уставилась на Абула. Он был необычно бледен, мускул щеки подергивался, а губы были плотно сжаты. Ему не легко далось это самозапрещение.

— Все должно быть не так, я не хочу брать тебя, застигнув врасплох, — он вздохнул.

— Но почему? Ведь вы держите меня в своей тюрьме только по одной причине. Почему же удержали себя, будучи столь близко от своей цели?!

Абул покачал головой.

— Ты все прекрасно понимаешь, поэтому не надо больше этих игр. Ты со мной и так уже достаточно за этот вечер поиграла.

— Я? Интересно, а что вы думаете по поводу моих чувств?

— Ну я знаю, что ты испытываешь чувство голода, ты ведь говорила об этом, не так ли? Кадига и Зулема помогут тебе переодеться, после чего мы вместе поужинаем.

— Но почему я должна переодеваться? Почему я должна носить гаремные платья?

— Но ты же хочешь поужинать?

— А какое отношение это имеет к моей одежде?

Выражение глаз Сариты сказало Абулу, что она тоже сыта по горло сегодняшними играми. Он рассмеялся.

— Никакого, но неужели ты хочешь оставаться в той одежде, которую носила весь день? Это же рабочая одежда. Почему ты не хочешь надеть нечто более подходящее для того, чтобы можно было лежать и есть абрикосы, ужинать, слушать музыку?

— С этими словами он оставил Сариту, для того чтобы та могла принять свое собственное решение и обдумать сказанное им и то, что произошло с ними за несколько последних минут. Дверь за ним закрылась, но ключ не повернулся. Сарита сбежала по лестнице и попробовала открыть дверь — она распахнулась. Так значит, он так уверен в том, что ей некуда бежать? И

mir-knigi.org

то, что ее держали целый день взаперти, было не более чем наказанием? С пониманием того, что Абул не боялся, что она преуспеет в попытке бежать, к ней пришло желание доказать ему обратное. Ее уже не заботило ни то, куда она пойдет, ни то, как бежать, ни то, хочет ли она на самом деле покинуть Альгамбру. Саритой владело одно лишь желание самоутверждения. Если бы ей действительно было предоставлено право выбора, но это не так. А раз это не так, то продолжение этих отношений невозможно. И она должна и будет бороться с магнетизмом этого человека и с тем, что он притягивает ее, как луна прилив… Она должна отринуть то, что он нравится ей, что она доверяет ему… И сделает это, потому что Абул не делает ни малейшей попытки понять ее, встать на ее точку зрения, а только навязывает ей обычаи своего народа, так и не понимая, что не примет их. Она не желает вливаться в жизнь альгамбрского гарема, становиться зависимой от прихотей калифа и заботиться лишь о том, чтобы понравиться ему. Она вышла из трудолюбивого народа, привыкла к тяжелой работе и к тому, что женщина имеет в этом мире свое место и положение, базирующееся на выполняемых ею функциях. Конечно, мужчины в ее племени являются доминирующими существами, но в тех областях, в которых авторитет и умение женщины признаны, они уважают этот авторитет.

Здесь же, как казалось Сарите, женщины существуют в тени мужчин, и при малейшей попытке женщины выйти из нее, мужчины вольны поступить как угодно, чтобы предотвратить это.

Мули Абул Хассан считал такое положение вещей единственно верным и никакая мягкость, чувство юмора и надежность, присущие ему, не могли затмить собою эту веру.

Поэтому Сарита покинет это место. В следующий раз ее попытка сделать это обязательно увенчается успехом.

Кадига и Зулема появились как раз в тот момент, когда Сарита пришла к этому решению.

— По-моему, ты просто тронулась, Сарита, — заявила Кадига. — Все вокруг только и говорят, только о том, как ты прервала калифа и его кади во время суда.

— Как ты вообще осмелилась это сделать? — сказала Зулема.

— Мне кажется, вы что-то слегка напутали. Я помешала калифу вовсе не по своей воле. Меня бросил к его ногам какой-то дикарь в образе мужчины.

— Конечно же, тебя должны были принести к калифу, если ты совершила что-то такое, чего не должна была, — рассудительно промолвила Зулема.

— Я вовсе не делала ничего предосудительного, — но Сарита не была уверена в том, что ей следует объяснять свое мнение женщинам. Они явно не поняли бы ее.

Кадига принялась поднимать разбросанные по полу подушки.

— А как это они оказались на полу?

— Это я их туда бросила, — Сарита встала с дивана, — в вашего калифа, если вы уж так хотите знать.

Последовало молчание. Потом Кадига издала какой-то сдавленный звук.

— Не может быть, Сарита, ты не могла этого сделать.

— Могла и сделала, — она подошла к лестнице.

— А если мне сейчас же не принесут чего-нибудь поесть, я опять выйду из себя.

Она осеклась и девушки почувствовали жалость к ней.

— Скоро будет ужин, — сказала Зулема, — пойдем на галерею и переоденем платье.

— Я прекрасно могу поесть и в этом, — но впрочем, Сарите было уж все равно. Она так хотела есть, что согласилась бы, если надо, есть даже голой.

— Что же ты такое сделала, что мужчина принес тебя к калифу? — осведомилась Кадига.

— Хотела убежать.

— Но почему? — спросили обе женщины в один голос.

— Тебе так повезло, ты нравишься калифу, — заявила Зулема.

— Он так хорошо обращается с тобой, — в голосе Кадиги появился оттенок зависти. — Ты живешь в такой роскоши, у тебя столько платьев и драгоценностей, тебе ничего не надо делать… И она печально посмотрела на свои натруженные руки.

— Я не желаю вести жизнь шлюхи, — возразила Сарита. — Уж лучше я буду посудомойкой.

На лицах женщин отразилось непонимание, но Сарита не стала ничего им объяснять и со вздохом откинулась на диван.

— Ну так какое же платье ты наденешь?

— Мне совершенно все равно.

— Тут должно быть одно такое — из шелка цвета слоновой кости, расшитое топазами, — послышался сзади мужской голос.

Женщины обернулись и увидели Абула, который, благодаря мягкой обуви, неслышно появился перед ними.

— Вы так хорошо осведомлены о моем гардеробе?

— Но я же сам отбирал его, и делал это тщательно, сопоставляя мысленно каждое платье с твоей цветовой гаммой. И сегодня я хотел бы видеть тебя в платье слоновой кости с топазами.

Он поднял ее на ноги.

— Цвет шелка будет изумительно контрастировать с твоими волосами, — с этими словами Абул сел. — А я-то думал, что ты уже одета и готова к ужину.

Быстрые пальцы Зулемы расстегивали лиф платья Сариты. Снизу доносились звяканье посуды, музыка арфы и ароматы пищи. Она тут же потеряла интерес к спору. Больше всего на свете ей захотелось, чтобы ее поскорее одели. «Интересно, — подумала она, привыкла ли она находиться обнаженной в компании калифа, или просто она так устала и голодна, что это ее не волнует?»

Но что бы там ни было, когда он дотронулся до нее своей дерзкой рукой, тело ее моментально отозвалось на его ласку.

mir-knigi.org

Сарита повернулась к нему и увидела его улыбку.

— А вы нечестно играете, — повторила она свой упрек.

— А я и не обещал тебе играть честно, — ответил Абул, также как и в прошлый раз.

Сарита вдруг вспомнила, что они не одни. Кадига и Зулема озадаченно наблюдали за ними.

— Дайте же мне платье, — фыркнула Сарита.

— Холодно!

Абул поднялся.

— Я подожду тебя внизу.

Через пару минут Сарита уже присоединилась к нему. Она не позволила своим служанкам расчесать волосы и надеть шлепанцы на ее ноги — слишком голодной она была, чтобы тратить время на такие мелочи. Сарита даже не обратила внимания на сидящего у фонтана арфиста.

— Чем это так хорошо пахнет? — она увидела Абула, который лежал, вытянувшись на оттоманке.

— Иди и посмотри, — и он указал на кушетку напротив себя.

Сарита решила, что есть лежа она не будет, так как это не в обычае у христиан, и вместо этого села.

Абул разлил вино по красивейшим хрустальным бокалам. В других обстоятельствах она обязательно полюбовалась бы игрой света, но сегодня, не мешкая, выпила то, что ей было предложено. Ее глаза встретились с глазами Абула — в них был смех. Зулема подала ей миску с розовой водой и она, по примеру Абула, окунула в нее пальцы.

— Ну что лучше? — спросил Абул.

Сарита изо всех сил старалась есть изящно, но до тех пор пока она не удовлетворила рычащее внутри себя чудовище, делать ей это было трудно.

Кроме цыпленка, сдобренного лимоном, чесноком и специями, тут были еще кусочки баранины, тушеной с медом и миндалем. На столе стояли кроме этого, хлеб, масло и белый овечий сыр, йогурт с медом, блюдо с пирожными и разные сладости.

Зулема и Кадига постоянно подносили им миски с розовой водой для мытья рук. Снова Сарита удивилась тому, как сильно заботились эти люди о чистоте. Ее собственный народ ел руками, передавая фляжки с вином от одного к другому. Сарита привыкла слизывать со своих пальцев жир и вытирать рот тыльной стороной ладони. Но, гладя на то, как аккуратно ест Абул, она тоже стала есть медленно, правда, только тогда, когда был удовлетворен ее голод. Но в манере Абула есть Сарита видела всего лишь пример внешней деликатности, скрывающей грубую действительность.

Пока Сарита удовлетворяла свой голод, Абул молчал. Насытившись, внимая звукам арфы, она расслабилась. Напряжение, стрессы, пережитые ею сегодня, покинули ее. Она обнаружила, что больше не может сердиться и весьма удивилась атому.

mir-knigi.org

Когда все было съедено, Кадига и Зулема ушли, так как решили, что их присутствия больше не требуется.

— Ну что, довольна?

Вопрос Абула застал Сариту врасплох.

— Вы когда-нибудь слышали о том, чтобы заключенный был доволен?

— Твои постоянные жалобы, Сарита, становятся скучными.

— Извините, господин калиф, но боюсь, вам еще не раз придется услышать их от меня.

— Слушай музыку и расслабься.

— Ты ведь получаешь удовольствие, провоцируя меня, не так ли?

— Провоцирую не я, — а вы господин Абул.

— Ну что ж, если хочешь, продолжай в том же духе, но за последствия я не отвечаю.

Сарита отвернулась от Абула. Как кстати! Музыка арфы скрыла ее смех.

— Он тоже слепой? — Сарита вспомнила о музыкантах в банях.

— Насколько я знаю, нет.

— А почему вы не разрешаете своему сыну проводить время с матерью? — Сарита тут же поняла, что, задав этот вопрос, ступила на скользкую почву, но отступать было уже поздно. Абула тут же покинуло томное настроение, но он и виду не подал.

— А от кого ты слышала, что я не разрешаю?

Сарита томно вытянулась на кушетке.

— О, мне сказала об этом ваша жена сегодня утром, когда пришла ко мне в баню. — Она позволила своему голосу обрести капризные нотки. Ведь вы оставили меня совсем одну, спящую, так что кто угодно мог зайти и посмотреть на меня, или вы забыли об этом?

— Но ведь я оставил тебя под охраной служительниц бань, — Сарита услышала в голосе Абула признаки того, что он колеблется.

Он же подумал о том, что должен был предвидеть некие шаги со стороны жены, ведь любопытство ее было крайне возбуждено прибытием девушки-испанки, а лучшим способом удовлетворить его — прийти и посмотреть своими глазами.

Но о чем же они говорили? Наверно, прежде чем говорить о Бобдиле, они успели обсудить еще кое-что. Абул отдал бы много за то, чтобы избежать встречи Айки и Сариты, особенно такой встречи, инициатором которой был бы не он. Айка была слишком искусна в плетении интриг и могла как угодно использовать Сариту, учитывая ее неопытность в такого рода делах.

По всей видимости, она думала, что женщины в Альгамбре не имеют вообще никакого влияния.

Очень скоро обнаружит правду, только Абул предпочел бы, чтобы она сделала это открытие не

mir-knigi.org

раньше, чем он сумеет взять ее крепость.

— Тем не менее мне было не очень-то приятно проснуться совершенно одной в незнакомом месте и никого не увидеть возле себя. А ваша жена была столь добра ко мне, что отвела меня назад в башню и по пути мы немного поговорили.

— О Бобдиле?

— О других вещах тоже.

— И что же ты рассказала о себе Айке?

Сарита немного подумала, прежде чем ответить.

— О, о себе совсем немного, гораздо больше я рассказала ей о людях из моего племени.

— А о том, как ты сюда попала?

— Ну, совсем немного.

Абул подумал, что Айка, конечно же, попыталась повлиять на нее и подорвать то доверие, которое, он знал, Сарита к нему испытывала.

— Что же все-таки тебе сказала Айка о Бобдиле?

— в его голосе Сарита уловила любопытствующие нотки. — Она очень любит ребенка.

— Как и большинство матерей.

— Она рассказывала тебе о своей безумной любви к сыну?

Сарите захотелось покончить с этой опасной, как ей казалось, темой.

— Она сказала мне немного, — Сарита прикрыла глаза и притворилась, что полностью поглощена музыкой.

— Но ведь она все-таки сказала тебе, что я не позволю ей проводить время с Бобдилом?

Почему Абул так настойчив?

— Но она также сказала, что таков обычай вашего народа и что подобную разлуку ей как матери трудно вынести.

«Сыну тоже», — подумал Абул, но вслух этого не сказал. Он чувствовал необходимость как-то объяснить свое поведение, почему? На этот вопрос он не мог бы ответить. Вряд ли он должен был отчитываться перед этим-маленьким, темпераментным созданием!

— Бобдил — мой наследник, — сказал он, — уже в том возрасте, когда необходимо учиться некоторым вещам, знать которые нужно для того, чтобы вести себя правильно и управлять другими людьми мудро. А этим вещам он не может научиться у женщин.

— Но ведь есть та, такие вещи, которым могут научить только женщины и им ребенок тоже должен научиться.

mir-knigi.org

— Среди твоего народа, может быть, — Абул почувствовал раздражение оттого, что она стоит на той точке зрения, на которой не стояла бы, разобравшись в той ситуации, в которой он находится. Но не зная истинного положения вещей, Сарита рассуждала об этом почти также, как Айка.

«Да, вероятно, Айка хорошо потрудилась над ней, — подумал Абул, — но среди нашего народа мальчик должен расти Подле своего отца, применяя меч и понимая слабость женщин».

Вряд ли что-либо можно было ответить на это.

Абул ясно дал понять, что не потерпит противоположного мнения по этому вопросу. Внезапно Сарита почувствовала симпатию к Айке — симпатию, которая пересиливала недоверие, посетившее ее тогда, когда та описала ей позицию мужа по отношению к сыну. Конечно же, она лучше, чем Сарита, знала своего мужа.

Абул взял ее за руки. Утром в банях он обещал ей, что будет рядом с ней проводить долгие ночные часы. Вряд ли в теперешней атмосфере охлаждения он будет настаивать на этом, хотя все возможно.

Ведь образ мыслей калифа коренным образом отличается от ее собственного.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Я не пойду в постель.

Так вот о чем она думала? В данный момент Абул не желал продолжать уговаривать свою строптивую гостью. Ему необходимо было заняться Айкой — дела с ней и так зашли слишком далеко.

Глаза Сариты встретили взгляд Абула — он выглядел столь решительно, словно готовился к смертельной схватке.

— Ты что-то устало выглядишь, пора тебе в постель.

— Нет, — ответила Сарита, думая только о том, как бы затянуть предстоящие события.

Абул улыбнулся и ущипнул ее за нос, как маленькую, — Ты пойдешь в постель, Сарита. Я не сказал, что иду с тобой, — она не успела до конца осознать сказанное им, как оказалась на диване. — Не думаю, что у меня есть силы для дальнейших сражений. Спи крепко, — он поцеловал ее в нос и ушел.

Сарита почувствовала одновременно и удивление и негодование. Он сделал из нее абсолютную дуру. В то же время, сознание того, что, наконец, она осталась одна, наполнило ее невыразимым блаженством. Она расстегнула платье и подошла к окну. Прохладный ветерок охладил ее кожу.

Ущелье внизу теперь не казалось зловещим, а предлагало путь к спасению. Снежные горные вершины манили, освещенные светом звезд.

Взгляд Сариты скользнул вниз. Да, это должно быть именно ущелье, никто не будет подозревать, что она исчезла таким путем, но как спуститься в него? Ей бросился в глаза

дамасский шелк, в изобилии имевшийся на галерее. Изобретательный ум, конечно же, может найти в башне все необходимое для побега, но не сейчас. Сегодня она будет отдыхать и набираться сил. С этой мыслью Сарита юркнула под шелковое покрывало и ощутила счастье от того, что осталась одна. Одиночество было для нее роскошью. За окном запела птица. То был гимн свободе, и Сарита заснула.

Глава 9

Абул шагая по дворцу, позволяя мирному вечеру снять напряжение, возникшее в нем из-за того, что Сарита не понимала реалии альгамбрской жизни и имела противоположную позицию по такому важному вопросу, а заняв ее, она невольно поставила себя рядом с Айкой. Это было для него крайне неприятно, поступив так, Сарита задела его гордость, а женщины с точки зрения Абула не могли ее задеть. Это противоречило устоям жизни его народа. Например, Айка не могла ущемить его гордости, а эта маленькая христианка, как оказалось, смогла. Абул замедлил шаг и чуть было не повернул к башне — так ему захотелось поспорить с Саритой. Но вовремя понял, что, если бы вернулся в башню, то одержал бы там постыдную победу, которую никак нельзя было назвать триумфальной и никак не решить проблему с Айкой.

Поэтому Абул продолжил свой путь. Он был уверен в том, что Сарита сказала ему не все относительно разговора с Айкой. Например, что Айка обвиняла в вынужденной разлуке с сыном не его, а систему. Но Абул знал, что Айка так не думала, и ему было трудно представить себе, что она стала бы так притворяться. Так что же она сказала? А может быть, она, начав применять свой утонченный яд, обнаружила, что с Саритой он не срабатывает, и поменяла тон, разыграв из себя страдающую жену и мать. Это, безусловно, лучше сработало бы с Саритой, в этом Абул был убежден. Он не думал, что Айка могла за короткое время восстановить Сариту против него, впрочем, что он знал об этой девушке? Кроме того, что она заворожила его, сделала так, что в крови его заструился солнечный свет, заполнила собой все его мысли, иными словами, стала по сути его навязчивой идеей. Что он знал о ней кроме этого? Что страсть его не обещает быть быстротечной?

Но сегодня он должен выкинуть из головы мысли о ней. Он обязан публично восстановить положение Айки, сделать то, что решил сегодня утром. При сложившихся обстоятельствах это было просто необходимо. Если верно то, что она начала обрабатывать Сариту, он должен восстановить с ней те отношения, которые были между ними до ссоры. Только тогда он сможет быть абсолютно уверен в том, что между Айкой и Саритой не происходит ничего, о чем бы он не знал. Ведь нельзя же запретить их встречи, и при этом не возбудить подозрения в Айке — поэтому он должен сам дирижировать ими.

Абул пересек львиный дворик и вошел в вымощенную мрамором залу.

В ней танцевали две девушки в вуалях. Мужчины, сидящие по бокам, вели тихие беседы, сквозь раскрытые окна струился мягкий лунный свет, смешиваясь с розоватым светом масляных фонарей. Абул взглянул вверх, на балкон. Он сообщался с женскими апартаментами. Вероятно, некоторые из женщин сейчас наблюдали из-за закрытых жалюзей за тем, что происходило в зале. Он поднялся на балкон. Как и ожидал, на балконе никого не было. Очевидно, те, кто видел его, поторопились, чтобы предупредить остальных о его появлении.

Хор из таких женских голосов приветствовал Абула, когда он вошел. Шелестя шелковыми платьями, к нему приблизились женщины. Но Айки среди них не было. Ему предложили шербет и фаршированные финики, и начали обычную в таких случаях болтовню. С каждой из женщин он провел несколько минут наедине, спрашивая об их здоровье и самочувствии их детей. Это был обычный визит, наносимый им только из вежливости.

Визирь информировал его обо всех проблемах и изменениях, возникающих внутри гарема, так что Абул знал все, вплоть до того, у кого на той неделе выпал зуб, и чей ребенок свалился с пони. Таким образом Абул был в курсе всех событий и уверенно управлялся с домашними делами. Айка продолжала скрываться, но Абул был даже рад предоставить ей возможность своим запоздалым появлением продемонстрировать статус султанши. Вероятно, сейчас она занимается своими драгоценностями, платьем и духами, торопя служанку. Предположение его было совершенно правильным. Когда Айке сообщили о появлении Абула, она покинула залу и прошла в свои апартаменты, призвав к себе Нафиссу. Этим утром он простил ее, так что не исключено, что этот визит будет публичной демонстрацией этого факта. Айке хотелось достойно появиться перед ним, причем сделать это после того, как он проведет какое-то время с другими женщинами, показав таким образом свое особое положение. Одеться же она должна так, как планировала вчера вечером. И, может быть, он останется с ней…

— Нет, нет не жемчуг, идиотка! С этим платьем — никогда! — она шлепнула Нафиссу по руке и та отошла, сохраняя осторожное молчание. С этим пурпурным платьем султанша всегда носила жемчуга.

— Рубины! — потребовала Айка. — Быстро! У нас нет времени!

Нафисса принесла поднос с румянами и сурьмой и стала наблюдать за тем, как ее госпожа умащивает свое лицо. Айка не стала убирать волосы и по спине ее заструилась река из иссиня-черных волос. Вокруг нее распространилось благоухание духов говорящее о любви, благоухание, которого калиф не мог не понять.

— Довольно, — Айка поднялась, расправив платье, облегающее ее пышную грудь, подчеркивающее тонкость талии и намекающее на волнующий изгиб бедер. Но тут к ее великой досаде, в воображении возник образ Сариты. Ее платье по покрою схожее с платьем Айки, облегало более тонкую талию ее и образ наводил на мысли не о спелом плоде в пору сбора урожая, а о только-только созревшем. Тут же она подумала: «Когда это наложницы Абула беспокоили ее? Эта женщина пришла и уйдет, так же как и остальные. Ведь христианки, в особенности бедные, не могли быть женами, эта же, по всей видимости, не имела ничего. Привезли ее в Альгамбру ночью и была она всего лишь навсего членом какого-то племени, состоявшего из ремесленников и бродячих циркачей. Эта женщина не могла предложить Абулу ничего, кроме приходящих удовольствий. Очень скоро она наскучит ему и займет такое же место в хозяйстве Альгамбры, как и все остальные — на кухне или в прачечной».

— Положи свежую мимозу в спальню, — приказала она Нафиссе, — а также завари жасминового чаю — господин Абул очень любит настои и… она чуть было не сказала «миндальные пирожные», но вовремя остановилась, вспомнив о своем решении не есть сладкого и мучного. — Удостоверься в том, что в лампах есть масло, а потом уходи.

Нафисса поклонилась султанше, про себя подумав о том, что она очень надеется, что господин Абул после всех этих приготовлений все-таки снизойдет до ее постели. Да, если госпоже Айке будет нанесен еще один удар по самолюбию, то с ней будет очень нелегко.

Айка же не позволяла себе даже думать о, том, что такой исход событий возможен. Войдя в залу, она ненадолго остановилась в дверях. Абул был окружен яркими, как бабочки, женщинами. Все они говорили с ним прерывающимися от волнения голосами и явно боролись за то, чтобы овладеть его вниманием. Абул как бы почувствовал присутствие Айки. Почему? Из-за особых дуновений воздуха, насыщенных благовониями и намерениями?

Он повернул голову и улыбнулся ей. Это стоило ему некоторых усилий, но он был признанным

дипломатом и умел притворяться тогда, когда этого требовали интересы дела. Айка подошла к нему.

— Мой господин Абул, — сказала она, — какую же честь ты нам оказал.

— Ты преувеличиваешь, Айка, — и он поднялся с дивана. Другие женщины тактично отошли в сторону.

— В вашем обществе я поистине отдыхаю душой, — Абул слегка наклонился и поцеловал Айку в щеку. В нос ему ударили смешанный аромат духов, пудры и румян. Как же он жаждал почувствовать тот, другой запах чисто вымытой кожи и пушистых волос! Но та женщина, которая могла дать ему все это, была сегодня для него недоступна — он должен заняться этой.

Я хочу остаться с тобой наедине, — сказал он.

Щеки Айки порозовели от радости.

— Здесь приятно в такую ночь, господин мой, — она приглашающе улыбнулась ему и против своей воли он почувствовал желание.

Они были мужем и женой в течение одиннадцати лет и за все это время ни разу не было случая, чтобы она не удовлетворила его. Здравый смысл сказал Абулу, что он только совместит приятное с полезным, если поддастся сейчас чарам Айки.

Вчера Айка готовилась провести с мужем ночь, полную сладострастия, но ее постигло разочарование оттого, что ночь эта будет принадлежать не ей. Сегодня все должно быть не так. Абул чувствовал себя растерянным от магии ночи и от чувственных дуновений, исходящих от жены. «Пожалуй, будет только хорошо, если на некоторое время он отвлечется от своей сопротивляющейся гордости», — подумал он.

Айка хотела помочь ему раздеться, но он остановил ее.

— Я желал бы посмотреть на тебя, Айка, — и он облокотился на подушки, глядя на то, как раздевается его жена. В том, как она это делала, присутствовал некий артистизм. По мере того как обнажалось ее тело, желание в нем все больше крепло.

Абул потянулся к ней и она опустилась рядом с ним на подушки. Руки ее столь же умело принялись раздевать его. Лаская его, она щекотала каждый его нерв. Он целиком подчинялся ей, представив в ее распоряжение всего себя, и Айка почувствовала триумф — она всегда знала, что только таким способом может наладить отношения с ним. Никто не умел ласкать его так, как она. Только теперь она поняла, какую большую ошибку совершила недавно, отказавшись разделить с ним ложе. Только через его постель она сможет добиться для себя и Бобдила того будущего, о котором мечтала. Айка склонила голову, и перед тем, как взять в рот древко его страсти, покрыла его поцелуями. Через некоторое время Абул застонал. Тогда Айка двинулась вверх по его телу. В данном случае для нее было неважно то, что сама она не получила удовольствия. Сегодня она и не возбудила себя, а Абул не сделал никакой попытки включить ее в свои собственные удовольствия. Но иногда должно быть и так — в этом не было ничего предосудительного. Главным для нее сегодня было то, что он все-таки пришел в ее апартаменты. Если она ухитрится удержать его до утра, триумф ее будет полным. С этими мыслями она лежала рядом с ним, в то время как он спал сном пресыщенного мужчины.

Абул проснулся с ужасным чувством тревоги.

mir-knigi.org

Минуту он лежал, уставившись в темноту, не понимая, где находится. Потом он почувствовал рядом с собой тело Айки — мягкое, слишком мягкое.

Запах ее духов заставил его поморщиться, может быть, он показался ему таким неприятным, потому что был на ее коже чересчур долго? Его охватило отвращение к себе. Он презирал себя не потому, что это случилось, а потому, что это понравилось ему.

Ведь как женщину, он Айку больше не желал. Сегодня он использовал ее только по социальным мотивам, но тем не менее она сумела ему угодить, и это было ужасно. Он представил себе Сариту, как она спит сейчас в башне одна, между хрустящими простынями, со свежей кожей, с рассыпавшимися волосами; вспомнил, как она спала прошлой ночью рядом с ним сном усталого ребенка. Абул, как ужаленный, вскочил с мягкого дивана. Свежесть утреннего воздуха не отразилась на его настроении, когда он, одевшись, выскользнул из женских апартаментов.

Похоже было на то, что Айка крепко спит — она дышала ровно и не открыла глаз до тех пор, пока не смолкли его шаги на лестнице. Когда Абул встал с дивана, первым ее желанием было вернуть его — с помощью мольбы или чувственных телодвижений. Но мудрость, присущая ей, сказала, чтобы она не двигалась, и сделала вид, что спит.

Почему-то из-за той спешки, с которой Абул покинул ее, Айку охватило беспокойство. И если бы он отказался внять ее мольбам, она бы потеряла свое лицо окончательно, так что уж лучше было дать ему уйти. Тревога в душе Айки не утихла; значит, несмотря на видимое примирение, между ними существовала какая-то пропасть. Что же было не так? В чем она ошиблась? Перед ее мысленным взором снова встал образ христианки Сариты.

Имела ли она какое-либо отношение к неожиданному уходу Абула? Неужели он покинул постель жены в такой спешке для того, чтобы пойти к новой любовнице? Может быть, та, другая, более искусна в любовных утехах? Несомненно, она обладает преимуществом новизны, но знать лучше, чем она, Айка, как угодить калифу, она может вряд ли. Но в этот момент она вспомнила, что до сей поры женщина сопротивлялась Абулу и даже пыталась убежать из Альгамбры. Она слышала о том, что женщина потерпела в этом фиаско, и о том, что Абул был очень разгневан тем, что она сделала такую попытку. Может быть, он был, кроме того, и заинтригован этим? Айка сбросила шелковое одеяло и встала. Альгамбра спала — спали все, кроме сторожевых на башне. «Интересно, — пришло в голову Айке, — почему он держит испанку отдельно? Ведь, если он хочет взять ее в свой гарем, тогда ее место в женских апартаментах под бдительным оком султанши. А если просто намеревается поиграть с ней, как с рабыней, то почему проявляет столь церемонное к ней отношение, будто она пленница из высокородной семьи? Он сказал, что делает это из-за того, что она испанка, но одно это не может являться причиной для оказания ей такого приема». Большинство женщин, живущих в гареме, в той или иной степени знакомы с испанским языком, так что во всем этом была какая-то загадка. А они всегда таили в себе некую угрозу, особенно, если они касались жизни женской части населения Альгамбры. Это была вотчина султанши, и ее авторитет с появлением секретов в данной области может быть расшатан. Поэтому Айка решила, что ей необходимо немедленно и всерьез заняться христианкой.

Решено, завтра утром она устроит свидание и сыграет на ее женских симпатиях, постарается вовлечь ее в гаремный кружок. Наверно, у нее не займет много времени завоевание ее доверия и обнаружение тайны притягательности для Абула.

Если же дело в самой девушке, то Айка без труда может устранить ее. Вчера она была очень открытой, не выказала никакой подозрительности, хотя и не скрывала своего возмущения

своим настоящим положением. Да, пожалуй, она является достаточно плодородной почвой, а уж взрыхлить Айка сумеет… А как только вновь прибывшая девушка станет ее союзницей, угрозы для нее она представлять уже не будет. Принятие решения всегда успокаивало Айку, вот и сейчас она вновь обрела равновесие. Во всем виноват уход Абула. А часто ли он у нее оставался? По пальцам можно было пересчитать, сколько раз за одиннадцать лет он это делал.

Ему нравилось уединение, и Айка прекрасно это знала. Может быть, он ушел так быстро, чтобы не беспокоить ее? А если что-то было не так, она скоро узнает в чем дело и исправит свою ошибку. С этими мыслями Айка вернулась в постель и умиротворенно заснула.

Сарита проснулась почти столь же обеспокоенной, сколь и султанша. Но беспокоилась она по поводу принятого накануне решения. Наконец, она придумала что-то, для того чтобы изменить ситуацию. Только сейчас она поняла, что больше всего ее угнетала мысль о том, что она не сможет ничего изменить, угнетала с самого момента похищения.

О, какой же глупой она была вчера, когда решила, что может вот так просто выйти за ворота Альгамбры! Сарита энергично вскочила. Заснеженные пики гор окрасились розовым цветом. Через 20 минут они должны были стать ярко-алыми. Рассвет был любимым временем дня Сариты. Она просыпалась еще до первых петухов. За мгновение до того, как первый луч солнца должен был коснуться восточной части неба, ее будили какие-то внутренние часы. Она подошла к окну, чтобы бросить взгляд на ущелье. Внизу танцевала река узкой ниткой перечеркивающая ущелье. Но как же спуститься к ней? Альгамбра была окружена валами, а стена вала примыкала к горе. Но крутизна горы вовсе не была непреодолимой для Сариты. Она могла сползти с нее с помощью кустарников. Такие вещи она проделывала уже много раз, и знала, как избежать шипов и капканов для босых, а значит, и уязвимых, ног. Спустившись в долину, она может пойти вдоль реки и оказаться таким образом в городе. Она не встретит на своем пути никого, кроме пастухов и крестьян, а они вряд ли проявят интерес к ней, чье платье и манеры не посулят им ни угрозы, ни выигрыша. Другое дело — в городе.

Жители его действительно могли представлять для Сариты опасность.

Но в данный момент больше всего на свете ее беспокоило то, как ухитриться вылезти за окна и попасть к основанию стены. Просто спрыгнуть Сарита не могла — слишком уж высоко находилось окно. Ей нужна веревка. Она отвернулась от окна, взгляд ее скользнул по галерее. Шелк, несомненно, очень прочный материал, а его в башне предостаточно. Из него сделаны многочисленные ковры и покрывала, да и тот гардероб, которым снабдил ее Абул. Сарита начала бродить по башне, всматриваясь в каждую вещь и оценивая ее с той точки зрения — может ли она послужить ей. В конце концов, она решила, что сможет соорудить веревку необходимой длины и прочности и сумеет быстро спуститься по ней, но вот привязать ее придется за железные балконные поручни, из-за чего все сразу поймут, каким образом ей удалось ускользнуть. Ну да ничего, если она правильно рассчитает время, то будет уже далеко, когда за ней начнется погоня.

Но когда же, в какое время дня лучше осуществить побег? Сарита рассеянно спустилась во дворик. На столах все еще стояли остатки вчерашнего ужина. Очевидно, Абул приказал не беспокоить ее. Она вытащила из вазы фигу, выпила вина и отщипнула кусочек черствого хлеба. Этого ей было вполне достаточно для того, чтобы подкрепиться.

В самое жаркое время дня дворец спал. Вчера Сарита уже убедилась в этом. Но гарнизон, да и сам Мули Абул Хассан не спали, а это значит, что время сиесты не является подходящим для различного рода тайных действий. Поэтому Сарита стала обдумывать плюсы и минусы использования ночных часов. Вероятно, этой ночью она могла бы бежать, но Абул оставил ее

одну из-за того, что они поссорились. Однако было ли это ссорой? Скорее, они просто имели разные точки зрения по одному и тому же вопросу. Но по вопросу, имевшему для Абула, как видно, первостепенное значение, так как он касался его жены и сына. Он обещал ей Г проводить долгие ночные часы в ее постели, но в ту ночь изменил своему решению. Может быть, использовать на этот раз умышленно ту же самую тактику? Она уже поняла, что если будет открыто бросать ему вызов, то не сумеет избавиться от него, а, наоборот, еще больше привлечет к себе. На самом деле на нее это оказывало тот же эффект, но об этом сейчас предпочитала не думать. Хотя ей не очень-то хотелось умышленно причинить ему горе, но она все больше склонялась к той мысли, что ей придется-таки это сделать для того, чтобы добиться желаемого.

Сарита быстро поднялась наверх, где надела свое оранжевое платье, лишний раз выказав тем самым протест против своего пленения. Чем же вызван был этот протест? Желанием свободы или желанием распоряжаться своей собственной жизнью по-своему… Сарита не знала ответа на этот вопрос. Но на самом деле это было и не важно. По существу, это были две стороны одной и той же медали. Важно было только то, что она, наконец, приняла решение и теперь должна была претворить его в жизнь.

Внизу открылась дверь. Сарита прислушалась, не желая показываться, заявляя тем самым, что она уже давно встала. Внизу убирали, стараясь не шуметь, очевидно, думая, что она все еще спит. Она не успела отойти от поручней, как дверь открылась и на пороге ее появились Зулема и Кадига.

О, ты уже проснулась, Сарита? — приветствовала ее Кадига, поднимаясь по лестнице, — хочешь прогуляемся? Мы могли бы пойти по тропинке, ведущей в Дженералайф. — Сарита вспомнила, что вчера девушки отнеслись к ее желанию погулять довольно-таки странно. Очевидно, сегодня что-то изменилось.

— Конечно, это было бы чудесно, — сказала она, — я уже позавтракала. Но вам нет никакой необходимости сопровождать меня, — в том, как она это сказала, был вызов.

— Ну ты ведь вряд ли хочешь гулять в одиночестве, — заявила Кадига. Голос ее прозвучал совершенно естественно.

— Ты можешь перепутать тропинки, — вмешалась Зулема.

— Если вы хотите пойти со мной, я буду очень этому рада, — на самом деле Сарита вовсе не возражала против их общества. Жизнь в племени не способствовала одиночеству и она привыкла находиться в гуще соплеменниц.

Женщины обменялись взглядами, в которых сквозило облегчение, взглядами, которых Сарита не заметила, поскольку в это время расчесывалась перед зеркалом. Она не знала, да и не могла знать, что служанки ее были соответствующим образом проинструктированы султаншей, и инструкции эти требовали присутствия Сариты на определенной тропинке в определенное время. Женщины вышли в прохладное и чистое утро. В это время дня солнце только слегка пригревало, приберегая жару для более позднего часа.

Сарита быстро шагала и ее закутанные компаньонки едва за ней поспевали.

— Ну почему мы должны бежать? Если бы мы были одеты так же нескромно, как и ты, то нам бы ничего не стоило поддерживать тот же темп, — заявила Кадига. Она остановилась и вытерла лоб платком.

Сарита повернулась, чтобы посмотреть на них.

Вид у них был действительно жалкий. Их платья прилипали к ногам, а туфли с острыми носами застревали в пыли. Она непроизвольно провела рукой по своим разлетающимся волосам, прохладный ветерок шевелил ее кудри и охлаждал кожу.

— Не ходите, если не хотите, — сказала она, — вы правы, ваша одежда не подходит для прогулок такого рода, хотя, — она усмехнулась, — я не принимаю вашего замечания в нескромности моей одежды.

— Ничего, мы будем поспевать за тобой, — уверила ее Кадига, вспомнив об ожидавшей их султанше. Ведь если Сарита пошла бы одна, нельзя было быть уверенной в том, что она выберет верное направление и выйдет на ту тропинку, где ее ждала султанша. Кадига взяла Сариту за руку:

— Пойдем налево, тогда мы сможем попасть к воротам Дженералайфа. Сарита замедлила шаг.

Ладно, она пойдет навстречу этим девушкам, и начала расспрашивать их о здешней жизни. Компаньонки были не очень многословны, поскольку не знали, какие именно аспекты здешней жизни интересуют Сариту больше. Внезапно до них донеслись голоса. Один из них явно принадлежал ребенку, другой — женщине, а именно, госпоже Айке. Они повернули за угол и увидели Айку, мальчика и бородатого джентльмена в чалме и темной одежде.

— Какое счастливое совпадение, — воскликнула султанша, увидев их, — причем второе по счету!

— Она взяла ребенка за руку и притянула к себе.

— Я встретила своего сына с репетитором.

Приветствуй же госпожу Сариту, Бобдил!

Ребенок уставился на нее темными глазами, в которых, к своему удивлению, Сарита увидела враждебность. Однако он наклонил голову и что-то пробормотал по-арабски.

— Госпожа Сарита говорит только по-испански, — сказал Айка — Ведь ты можешь поздороваться с ней по-испански, не так ли? Мальчик покачал головой и повернулся спиной к Сарите.

— Ты не должен быть таким невежливым, — сказал Ахмед Эбен. Мальчик прижался к матери.

— Не ругайте его, Ахмед Эбен, — Айка потрепала ребенка по щеке. — Он еще так мал.

— Извините, госпожа, он не так уж мал, чтобы не знать, как себя следует вести. И, кроме того, мы должны продолжить свой путь, — учитель вслух не сказал, что встреча эта, хоть и случайная, не должна затягиваться, поскольку противоречила воде господина Абула.

Не зная арабского языка, Сарита все же сумела понять по их виду, о чем они говорили.

Грубый ребенок, льнущий к матери, рассерженный репетитор — все это было более чем очевидно.

Кто она? — внезапно спросил Бобдил на прекрасном испанском, смерив Сариту еще одним неодобрительным взглядом. — Одна из жен моего отца?

— Не совсем так, милый, — проворковала Айка, — она новенькая в Альгамбре.

— Когда я буду калифом, — заявил Бобдил, — я отошлю отсюда всех отцовских жен, и тогда мы будем здесь совсем одни, правда, мама?

— Ты не должен говорить так, мальчик мой, — сказала Айка, но Сарита, однако, не услышала в ее голосе убежденности. Для нее было совершенно очевидным то, что сын Абула был невоспитанным и избалованным мальчишкой.

«Как удивительно, — подумала она, — что султанша не замечает этого!» С другой стороны, любящие матери часто склонны не замечать недостатков своих отпрысков, в особенности, если могут проводить с ними немного времени.

Решив продолжить прогулку, Сарита оглянулась в поисках Кадиги и Зулемы. Их нигде не было видно.

— Твои служанки вернулись в башню, — сказала Айка. Увидев, что Сарита очень удивлена этим обстоятельством, она сочла нужным объяснить. — Они решили, что раз ты находишься со мной, то их присутствие больше не требуется.

— Госпожа, — решительно промолвил Ахмед Эбен, — мы должны продолжить свой путь. Через час Бобдил должен быть на конюшне на уроке верховой езды.

— Я не хочу на урок верховой езды, — воскликнул Бобдил. — Это ужасная лошадь, мама, слишком большая и она кусается!

— Глупости, — голос Мули Абул Хассана возвестил о его прибытии. — Султан кроткий как ягненок. Он просто больше, чем твой пони — это да, но тебе пора уже научиться ездить на настоящей лошади. Как странно, что мы, при наличии таких обширных угодий, ухитрились встретиться здесь все, — голос его был холодным и злым, и Сарита тут же почувствовала свою вину, хотя и не поняв почему.

— Доброе утро, мой господин калиф, — сказала она. Он без улыбки ответил на ее приветствие и повернулся к жене:

— Я и не знал, что ты так любишь утренние прогулки, Айка.

Она мягко улыбнулась, как будто услышала в его голосе один только мед.

— Сегодня утром, проснувшись, я была просто переполнена радостью и оттого не могла оставаться в четырех стенах, — голос ее чувственно звенел.

— Мы встретились здесь с госпожой Айкой, когда предпринимали нашу обычную прогулку, изучая дикорастущие травы, — вмешался заметно нервничающий репетитор.

— Все это вполне объяснимо, — тон Абула был все так же холоден. — Предлагаю вам продолжать путь, Ахмед.

— А почему мама не может пойти с нами? — заскулил Бобдил. — Я хочу гулять с моей мамой.

Это несправедливо, что я не могу… — он почти пищал. «Склонность к нытью, это, вероятно, наименее привлекательная черта характера ребенка»

— бесстрастно подумала Сарита. В их племени нытики всегда получали тумаки и от старших, и

от сверстников. Впрочем, не ее дело думать о том, как родители управляются со своим ребенком. Судя по его поведению, они не очень хорошо это делали.

Сарита решила, что является лишней в этой компании и повернулась, чтобы дойти до развилки, а затем свернуть на другую тропинку.

— Сарита, подожди меня на каменной скамейке, что стоит у развилки, погуляем вместе! — бросил Абул через плечо.

Сарита остановилась. Глаза ее загорелись зеленым пламенем:

— У меня нет больше никакого желания гулять, господин калиф, я возвращаюсь в свою тюрьму.

Она едва не рассмеялась, увидев выражение лица Абула. До этого никто не осмеливался так разговаривать с калифом Гранады. Айка задохнулась и на минуту забыла о сыне. Девушка же уже почти бежала в сторону башни.

Глядя на нее, Абул снова подумал о маленьком лесном зверьке, которого невозможно приручить и. которым можно только любоваться.

Он дал ей уйти, прекрасно сознавая, что если не сможет удержать ее снова, то от этого отнюдь не выиграет в глазах жены и сына, который так и не перестал ныть.

— О, успокойся же, Бобдил. Ты уже слишком большой, чтобы непрестанно плакать. Заберите его, Ахмед Эбен.

Репетитор коснулся плеча ребенка, в результате чего Бобдил еще сильнее прижался к Айке.

Увидев выражение лица Абула, Айка поспешила освободиться от ребенка.

— Иди с Ахмедом, Бобдил, — сказала она. — Не плачь, дорогой. Скоро будет закат и мы снова увидимся. И ты сможешь рассказать мне обо всех своих делах, — только глухой не услышал бы в словах Айки того, что она в действительности хотела сказать мальчику.

Она предостерегала ребенка от плохого человека, которым, очевидно, считала его отца. Но в данный момент Абул не мог открыто обвинить Айку ни в этом, ни в том, что она устроила якобы случайную встречу, потому что внешне ее поведение было абсолютно безупречным. Ведь она дружески пообещала мальчику скоро увидеться и отослала его. Но как же вывести ее на чистую воду? И была ли совпадением встреча Сариты с Айкой и Бобдилом? К каким же выводам пришла она, явившись свидетельницей этой отвратительной сцены? Она показала его явно в невыгодном свете, если видеть только внешнюю сторону и не утруждать себя поиском подоплеки.

— Сколько раз я говорил тебе, чтобы ты не портила то, что я стараюсь сделать с нашим сыном! — сказал Абул, когда они остались с Айкой наедине. — Ты сослужишь ему плохую службу, если будешь поощрять его в том, чтобы он держался за твою юбку. Ему надо научиться быть независимым ни от кого, научиться делать вещи, которых он не любит и не умеет делать.

Айка опустила глаза, чтобы скрыть свои истинные чувства. Она должна была притвориться, что согласна с Абулом. Если она это не сделает, то неизвестно, какие ограничения последуют дальше.

— Я знаю, что ты прав, — мягко сказала она, — но это так трудно, Он еще такой ребенок.

— И будет оставаться им, если ты будешь его в этом поощрять, — Абул внимательно посмотрел на жену. Он не верил ей, но не мог показать этого. — А когда он не будет так от тебя зависим, ты сможешь проводить с ним столько времени, сколько захочешь.

Айка улыбнулась ему:

— Сегодня ночью, мой господин, я испытала такую смесь и радости, и боли. Так больно думать, что по глупости я лишила нас обоих такого удовольствия, — она коснулась его руки. Глаза ее все еще выражали то, что она только что сказала.

Айка знала, что он рассердился увидев, что они встретились, но также знала и то, что он не сможет доказать то, что встреча эта произошла предумышленно. В следующий раз следует проявить больше осторожности, а в этот… Ей так хотелось, чтобы испанка увидела ребенка, увидела то, как он нуждается в матери, чтобы потом сыграть на ее симпатиях, которые Сарита не могла не почувствовать, и сделать из нее своего союзника. Айка все еще продолжала улыбаться Абулу, показывая свои белые зубы, которыми по праву гордилась. Немногие женщины в возрасте султанши могли такими похвастаться. Только тут Абул заметил, что глаза Айки не улыбаются и в них присутствует один расчет. Красивые внешне, они не имели глубины и не выражали никакого чувства. Как же он не заметил этого раньше? Наверно, просто потому, что никогда не утруждал себя тем, чтобы внимательно посмотреть на нее. Ведь она была его женой, просто женщиной… Дурное предчувствие охватило Абула.

Расплатится ли он за свое высокомерное пренебрежение… С этими мыслями он отвернулся от Айки и зашагал в сторону Саритиной башни.

Айка стояла, ожидая, когда в ней утихнет гнев на Абула, так резко и грубо покинувшего ее. Он обошелся с ней с таким пренебрежением! Проигнорировал все ее сладкие речи и чувственные призывы. И то, что раньше казалось Айке невозможным, обрело теперь конкретные очертания, если Абул отвергнет ее как жену, сын ее перестанет быть наследником и это положит конец всем ее планам Только через Бобдила она в конце концов сможет править Альгамброй, для чего привяжет к себе ребенка так сильно, что он и шагу не сможет ступить, не посоветовавшись с матерью. Через несколько лет, когда он вырастет, она изыщет способ для того, чтобы удалить Мули Абула Хассана. Яд будет, пожалуй, самым простым средством для того, чтобы это сделать. Тем более, что Айка весьма сведуща в его применении. Но всему этому суждено случиться, только если она будет близка Абулу, если он будет доверять ей. Но если он найдет себе другую женщину и поместит на ее место, тогда… Тогда все ее заботы о сыне будут напрасны, а все великолепные планы останутся всего лишь планами. Она попыталась взять себя в руки. Ну что ж, если опасность кроется в испанке, значит, она должна будет мало-помалу удалить ее. А пока ей надо будет попробовать добиться ее доверия, пока Абул не придумал чего-нибудь для того, чтобы затруднить их встречи. И Айка вернулась в гарем, обдумывая свой следующий шаг.

Абул вошел в башню Сариты. Там кипела работа. Женщины взбивали подушки, подметали и наполняли кувшины цветами. Увидев его, они прекратили работать и опустили глаза. Абул собирался сначала позвать ее, но потом передумал и поднялся по лестнице. Сарита стояла около окна, выходящего на ущелье. Было видно, что она необычайно сосредоточена.

— Сарита!

Она повернулась к нему:

— О, это вы, мой господин калиф, и что же вы от меня хотите?

Знакомая игра началась и его раздражение погасло.

— Ты, прекрасно знаешь, чего я от тебя хочу, — улыбаясь, сказал он.

— По всей видимости, вы, господин калиф, забыли о том, что башня полна женщин. Или вы не обращаете на них внимания и можете вести себя так, как будто бы их не существует?

— Может быть, ты и права, но здесь, наверху, их же нет? Не могла бы ты пожелать мне доброго утра в более дружеской форме?

— Не вижу в том нужды. Вы были со мной не слишком любезны, когда я ранее приветствовала вас.

Абул нахмурился, но решил быть честным с Саритой.

— Я был в ужасном настроении, Сарита. Мой сын плохо вел себя, а мать потворствовала ему в этом, — он пожал плечами, надеясь положить конец этой теме. — Извини, если я показался тебе грубым и невежливым. Не могли бы мы начать день сначала?

— А почему все-таки ваш сын так себя ведет? — на секунду Сарита забыла о том, как неприятна была для Абула эта тема и задала этот вопрос с естественным интересом. — И почему Айка потворствует ему в этом?

Абул подавил вновь вспыхнувшее раздражение и заставил себя говорить спокойно.

— Вчера я уже пытался объяснить тебе, что мать Бобдила не понимает, что Бобдилу необходимо учиться обуздывать себя и делать то, что ему не хочется для того, чтобы потом стать мудрым калифом. Поэтому я вынужден настаивать на этом.

— Но ведь для Бобдила будет намного лучше, если он не будет видеть, что вы с его матерью спорите о его воспитании. — Она говорила то, что в действительности думала, забыв о своем решении использовать эту тему тогда, когда ей понадобится избавиться от Абула.

— Ты не понимаешь обычаи нашего, народа. Я не хочу ссориться с Айкой, да и не ссорюсь с ней.

Для представителя нашего народа конфликт с женщиной невозможен.

— Да? — удивилась Сарита, — а разве мы с вами не конфликтуем?

Абул рассмеялся:

— Мы? Конечно, нет. Мы просто играем в игру, которая рано или поздно закончится так, как и должна.

«Так вот что он думал? Что все это не более, чем игра? Ну так очень скоро он поймет, что между мужчинами и женщинами бывают самые настоящие, а не игрушечные конфликты». И Сарита заговорила, умышленно подбирая самые жесткие слова:

— Я думаю, что очень скоро вы обнаружите, что материнская любовь гораздо важнее для сына, чем власть отца. Вы взращиваете в ребенке не силу и зрелость, а ненависть. Я советовала бы вам внимательнее задуматься о мотивах собственного поведения.

Абул был ошеломлен, а она посмотрела ему прямо в глаза, после чего рассмеялась и повернулась к нему спиной, чтобы бросить еще один взгляд на ущелье, которое должно было даровать ей свободу.

Абул поспешно ушел, чувствуя, что если задержится здесь еще на одну минуту, то может не совладать с собой и сорваться. Но мужчины не должны срываться из-за женщин, а с этой все возможно… Он предчувствовал ее поражение, но в данный момент не мог придумать способа выхватить у нее победу.

Глава 10

Выходя из башни, Абул наткнулся на Зулему и Кадигу, входящих в ворота. Увидев выражение лица калифа, они запнулись и поспешили поклониться ему. Сперва Абул едва признал их, но потом, пораженный какой-то мыслью, остановился:

— Почему вы этим утром не сопровождали Сариту на прогулке?

— Мы сопровождали ее, господин Абул, — поспешила вымолвить Зулема, — чтобы привести ее к госпоже Айке. — В этот момент Кадига ткнула ее в бок, отчего Зулема покраснела. — Мы встретились с султаншей, господин калиф, и потому решили, что присутствие наше вовсе необязательно.

Абул еще больше нахмурился, но так как он не отпустил их, девушки молча стояли, опустив очи долу.

— Так вам было приказано привести госпожу Сариту к султанше? — наконец спросил Абул.

Было видно, что Кадиге очень хочется что-то сказать, но она не могла, потому что по традиции это надо делать только тогда, когда к ней обращались.

— Ну же, Зулема, ведь это такой простой вопрос. Так госпожа Айка действительно искала встречи с Саритой?

— Да, мой господин, — Зулема снова вздохнула.

— Она сказала, что будет гулять по тропинке, ведущей в Дженералайф, и хотела, чтобы мы направили Сариту к ней.

— Ну вот, всего лишь простой ответ на простой вопрос, в этом нет никакого вреда, — и он продолжил свой путь.

— Ну как я могла не сказать ему? — прошептала Зулема, закусив губу, — и почему он не должен был знать об этом?

Кадига пожала плечами:

— Тут какая-то интрига. Ты же знаешь госпожу Айку не хуже меня. Она будет вне себя, если узнает о том, что мы рассказали об этом господину Абулу.

Зулема вздрогнула.

— Но почему-то, — задумчиво протянула Кадига, — мне кажется, что госпожа Айка никогда не узнает об этом. По-моему, господин Абул не станет делиться с ней тем, что разведал.

За всем этим крылась какая-то тайна, но это было в порядке вещей для Альгамбры. На первый взгляд казалось, что не было никаких причин, по которым султанша и новая женщина калифа не могли проводить время вместе. Между ними не могло быть никакого соперничества — сама мысль об этим была абсурдной. Госпожа Айка по праву главенствовала в гареме и отнять у нее это право мог только муж. Так почему же султанша хотела, чтобы все думали, что встреча между ними произошла случайно? И почему калиф находил это интересным?

Кадига снова пожала плечами. Ответить на эти вопросы сейчас не представлялось возможным, но, весьма вероятно, что если они будут держать глаза и уши открытыми, то скоро все поймут.

— Пойдем, Зулема, узнаем, как Сарита хочет провести оставшиеся до вечера часы.

— Возможно, она снова захочет пойти погулять, — отозвалась Зулема, — а солнце уже высоко.

Кадига рассмеялась:

— Ну, может быть, нам удастся убедить ее посидеть с нами во дворике и поиграть в шахматы.

К их радости они нашил Сариту в рассеянном состоянии, благодаря которому она не отказалась посидеть с ними за шахматами в спокойной прохладе внутреннего дворика.

Было абсолютно ясно, что мыслями она находится где-то далеко-далеко. Однако женщины никак не прокомментировали ее состояние и принялись болтать между собой.

Абул же приступил к своим обычным делам и по его поведению никто бы не догадался о том, какие мысли роятся в его голове. Он выслушивал отчеты от своих посланников при различных испанских Дворах, о происшествиях на дорогах и в городах Кастилии, разговаривал с визирем и кади, впитывая информацию, вынося суждения и никто бы по его виду не догадался о том, что внутри него борются гнев и смущение. Никто и никогда не бросал ему вызов, как только что это сделала Сарита. Никто и никогда так не атаковал его, тем более этого не делала женщина. Но по мере того как разгоралось утро, к нему возвращалось обычное спокойствие. В конце концов, ведь именно своей неприрученностью и привлекла его Сарита с самого начала. И вообще проблема была не в Сарите, а в Айке. Ведь это Айка что-то задумала, и его дело — раскопать, что именно. Кроме того, ему необходимо выяснить, на чьей стороне находится Сарита.

Господин мой, посол Азиза желает знать, что передать эмиру, — прервал его голос визиря.

— Вы можете передать господину Азизу, что я одобряю брак его дочери с отпрыском семейства Хейцари. Этот альянс усилит могущество гранадских семей, — он улыбнулся и покинул залу. Абул не мог думать ни о чем, кроме того, как восстановить отношения с Саритой. Он был убежден в том, что больше она не будет задавать ему вопросы, касающиеся его семьи. Ему пришла в голову одна мысль, как сделать так, чтобы она на время забыла об Айке, о Бобдиле и их конфликте. Он дал инструкции своему кади, который напомнил ему о том, что к вечеру они ожидают депутацию из Харум Калима и отправился в Саритину башню, предвкушая удовольствие, которое она, несомненно, должна была испытать, услышав его предложение.

Абул решил, что Сарита так вела себя с ним из-за того, что он был с ней нелюбезен. Ведь она жила совсем в другом мире — в мире, где принято было отвечать грубостью на грубость даже тогда, когда дело касалось мужчины и женщины. Но он снесет от нее все, что угодно, только пусть она больше не касается его взаимоотношений с женой и сыном.

Когда Абул вошел в тенистый внутренний дворик, Сарита как раз задавала себе вопрос, сумела

ли она выгнать его на все оставшиеся день и ночь.

Увидев его, она притворилась поглощенной игрой, хотя до этого не проявляла к ней никакого интереса, в то время как Кадига и Зулема встали и попытались привлечь внимание Сариты, поскольку им и в голову не приходило, что она может избегать господина Абула умышленно.

Абул, однако, сразу все понял. Он встал позади нее, так что в конце концов Сарита все-таки оторвалась от шахматной доски.

— Я почему-то не ждала вас сегодня.

— Ну и зря, — ответил Абул, глядя на ее маленькое личико, окруженное облаком пушистых кудрей. Почувствовав, что он подвергает ее осмотру, она с вызовом подняла подбородок.

— Вы прервали нашу игру, господин калиф.

— Да, и я хотел бы, чтобы вы бросили это скучное занятие, — сказал он, подвинул фигуры так, что белый король получил мат. — Похоже, что в данных обстоятельствах это самый лучший ход.

Сарита скрестила руки на груди:

— Так чему же я обязана вашему посещению, господин калиф?

— О, ты ужасное создание, — Абул взорвался хохотом. — Эта холодность неубедительна! Я прекрасно знаю, что ты с удовольствием использовала бы свои кулаки и коленки для того, чтобы выразить свою досаду, — он взял ее за подбородок.

— Перестань глупить и поедем в горы кататься верхом.

Ответ ее был именно таким, какого он и ожидал.

Она вскочила:

— Это правда? В горы, на лошади? — Абул рассмеялся от радости, что видит такую реакцию с ее стороны.

— Ну да, конечно. Я знаю, что ты не любишь полеживать, поплевывая абрикосовыми косточками. Если тебе хочется в горы, на прогулку, то почему бы и нет?

— Больше всего на свете я люблю кататься верхом, — воскликнула Сарита, забыв о своем намерении поссориться с Абулом. Когда перед ней открылась такая заманчивая перспектива поездки верхом в горы, туда, где дуют прохладные ветры, а воздух напоен ароматами диких цветов, Сарита забыла даже о своем плане совершить побег. Но внезапно она поникла, вспомнив о смешном и нелепом препятствии, вставшем на ее пути.

— Но как же я поеду? Ведь у меня нет одежды для верховой езды. — Те полотняные штаны, которые она надевала для поездок верхом, она забыла дома, в материнском фургоне.

— Ты найдешь ее наверху, среди своего гардероба. Я предвидел каждую твою потребность. Там есть кожаные чулки и туника для верховой езды.

Сарита нахмурившись:

mir-knigi.org

— Так, значит, я должна буду одеть одежду вашего народа? — для себя она уже решила, что в течение тех немногих часов, которые остались до побега, гаремную одежду больше не наденет.

Абул приподнял брови:

— Я думаю, что у тебя есть три возможности.

Либо ты должна воздержаться от поездки, либо надеть одежду моего народа, либо поехать… — тут он сделал паузу, как бы подыскивая наиболее подходящее слово, — в платье. Возможно, из принципа ты предпочтешь принять такое решение? — Кадига и Зулема, стоящие позади них, чуть не подавились от смеха. Но калиф не обратил на это внимания. По лицу Сариты пробежали, сменяя друг друга, выражения разочарования, огорчения и… она, наконец, почувствовала смешную сторону ситуации и, закусив губу, устремилась наверх.

— Мы поможем тебе, — понеслись за ней женщины.

Абул, чувствуя, что одержал значительную победу, решил больше пока не искушать судьбу и оставаться на прежних позициях.

Сарита надела кожаные чулки и посмотрела на себя в зеркало. Они были удивительно удобными, пошитыми из тончайшей кожи и потому не образовывающими складок, которые неминуемо бы затруднили езду. Но все же она не могла побороть ощущения, что они были слегка неприличными.

Правда, их должна была скрывать туника, которую сейчас ей подавала Кадига. Она была как и вся одежда, подаренная ей калифом, богато расшита и отличалась от остальных платьев только тем, что застегивалась до талии.

Сарита собиралась уже взять у Кадиги предложенную ей тунику, когда до нее дошло, что ей совсем необязательно надевать ее поверх кожаных чулок. Обычно она надевала поверх штанов для верховой езды свое оранжевое платье, так почему сейчас не сделать этого?

— Нет, дай мне, пожалуйста, мое собственное платье, — сказала она, радуясь тому, что все-таки сможет лишить калифа удовольствия одержать верх. Она не могла отказать себе в удовольствии поехать на верховую прогулку, не могла сделать этого после двух дней и ночей, проведенных в золотой клетке, однако удовольствие от прогулки было бы испорчено, если бы ей пришлось надеть на себя наряд, в котором ходили гаремные женщины.

Поступив же таким образом, она могла одновременно еще раз дать понять, что протестует против своего плана и, в то же время насладиться верховой прогулкой.

Кадига и Зулема переглянулись между собой, но она так на них посмотрела, что они пожали плечами и льстиво улыбнулись ей.

Одевшись, Сарита сбежала по ступенькам.

— Пойдемте, господин калиф, — Абул оторвался от доски. В глазах его появилась боль, появилась и промелькнула, но Сарита успела это заметить и еще раз порадоваться своей маленькой победе.

— С одним условием, — сказал Абул.

— Да? — Сарита приготовилась к сражению. — И в чем же оно состоит, мой господин калиф?

— В том, что ты прекратишь меня называть «моим господином калифом», — усмехнулся он. — Это становится утомительным.

Сарита склонила голову набок, как бы обдумывая его просьбу, а затем кивнула:

— Как пожелаешь, Абул. Так мы идем?

Он почувствовал себя так, как будто бы попал в другой незнакомый мир, мир, где могло случиться все что угодно. На какое-то мгновение желание обладать ею грозило пересилить все остальное, но в следующий миг он не хотел уже ничего больше, как свернуть ее прекрасную шейку. Она казалась такой самодовольной, понимая, что перехитрила его и собиралась продолжать в том же духе.

Но кроме всего прочего он чувствовал, как нарастает в нем возбуждении, такое же сильное и отчаянное, как и ее сопротивление ему. Внезапно он понял, что не менее сильное возбуждение испытывает и она, и улыбнулся. Она разыгрывала опасную игру и Абул подумал, что вряд ли она и сама осознает ее опасность, но как же он был рад играть в нее с ней!

— Конечно, — приветливо сказал он, кладя руку ей на бедро, — тебе удобно в этих чулках?

Сарита увернулась:

— Да, мой го… — да, Абул. Я должна поблагодарить тебя за такую предусмотрительность.

— Не за что, — и он снова положил руку ей на бедро. — Так они впору? — И рука его скользнула ей под платье. — По-моему, не тесные и не чересчур свободные… Ты такая миниатюрная.

— Они прекрасно подходят мне. Спасибо, — и Сарита отскочила от него. Рука его как будто обожгла ее, напомнив о том, что чулки прекрасно очерчивают ее тело.

Они молча шли к воротам. Сарита ломала по пути себе голову в поисках темы, которая позволила бы ей прекратить почивание Абула на лаврах и вернуть себе власть.

Сегодня все было по-другому. В компании калифа на нее уже никто не бросал взглядов, полных отвращения или похоти. У ворот Правосудия сидело несколько вооруженных мужчин, кроме того, тут же находились два нагруженных мула. Но внимание Сариты тут же привлекли две лошади без всадников, возле которых стоял конюх. Одна из них была изящной дамской лошадкой, серой в яблоках, а другая — могучим животным с раздувающимися ноздрями. На обеих были богатая попона и серебряная сбруя.

— Они предназначены для нас, Абул? — она забыла о своих сражениях с ним и подняла на него горящие глаза. Он кивнул.

— Какую ты предпочитаешь?

Она рассмеялась.

— Если ты поедешь на серой лошадке, то твои ноги будут волочиться по земле.

— А если ты оседлаешь Сохраба, то будешь с него видна не более чем прыщ, — ответил он.

— О, какое неприятное сравнение, — запротестовала Сарита. — Я ничуть не похожа на прыщ — Ну как же, ты ведь любишь раздражать, не говоря уже о том, что ты любишь язвить, —

рассмеялся Абул. — Но беру свое сравнение обратно Если я посажу тебя на Сохраба, ты будешь с него казаться розовым бутоном.

— Бесстыдный обманщик, меня не так-то легко одурачить, мой господин калиф.

— Тебя что? — сурово спросил он, хотя глаза его искрились смехом.

— Ничего, — сказала она, — я оговорилась, Абул.

— Постарайся больше не оговариваться, — попросил он, — иди к лошадям.

— По-моему, лошадка совсем не норовистая, — сказал он конюху, теребя конскую гриву.

Слушая рассказ конюха о спокойном нраве лошади, Сарита разглядывала ее. Она с раннего детства ездила верхом, но доводилось ей сидеть только на мулах и пони, а на такой великолепной лошади — никогда.

— Я привыкла ездить без этих штук, — она с сомнением смотрела на стремена и седло.

— На мулах и пони, может быть. Но если ты хочешь иметь возможность контролировать это животное — они необходимы. Ну как, ты готова?

Сарита кивнула и подошла к лошади.

Абул отказался от помощи конюха и сам помог ей взобраться на лошадь.

— Сейчас Али приспособит стремена под длину твоих ног, — сказал он, легко оседлав Сохраба, и подождал пока конюх подтянет стремена.

Сидя на спине такой прекрасной лошади, Сарите казалось, что она оказалась в чужом и таинственном мире, и даже более того — в другом времени.

Абул направил свою лошадь к воротам и она поехала за ним, снова ощутив силу и мощь своей красавицы. Никогда раньше она не ездила на такой! Когда они выехали за ворота и поехали по тропе, ведущей к оливковой роще, Сарита обнаружила, что сзади них едут вооруженные всадники и груженые мулы.

— Зачем нам этот эскорт? — поинтересовалась Сарита.

— Дороги опасны, — ответил Абул, — я тебе уже много раз об этом говорил.

— Так они здесь не для того, чтобы я не могла убежать?

— Совсем не для того, а чтобы это предотвратить, мне не нужно помощи. Мой Сохраб скачет в три раза быстрее твоей лошади.

Сарита почувствовала, что этот раунд она проиграла. Но день, в конце концов, был таким прекрасным, горизонт таким безграничным, а солнце таким ярким в бездонной синеве неба, что Сарита утратила интерес к дальнейшим провокациям.

К Саритиному облегчению, Абул направил своего коня в горы. Оливковая роща, в которой располагался ее лагерь, находилась слишком близко от дороги, поэтому Сарита вряд ли могла бы проехать мимо нее спокойно.

mir-knigi.org

Они поехали вверх, туда, где парили орлы, воздух был прозрачен и прохладен, напоен ароматом диких трав. Сарита почувствовала неземное блаженство По сравнению со всем этим тяжелые ароматы мирта и олеандров, роз и хибискуса, наполнявшие сады Альгамбры, казались чрезмерными и искусственными.

Абул не нарушал ее счастливых раздумий, чувствуя, что она прямо-таки светится радостью. И в первый за все это время раз он усомнился в том, что план его может быть претворен в жизнь. Может быть, это существо, принадлежащее миру оливковых рощ и горных пастбищ и не знавшее другой жизни, кроме кочевой, действительно не сможет приспособиться к жизни в Альгамбре? Нет, он не верил в это. Любой может приспособиться к ней.

Весь вопрос в том, будет ли она счастлива жить ее жизнью.

— Куда мы едем? — прервала Сарита его раздумья, и Абул постарался развеять ее сомнения. По солнцу он определил, что они едут уже около часа.

— Ты куда хочешь?

— О, я? Я б уехала высоко-высоко, как можно дальше, туда, где гнездятся златоглавые орлы, — сказала Сарита мечтательно. — И ты не голодна? — улыбнулся Абул.

Она действительно давно не ела.

— Да, сейчас, по-моему, время обеда, но я не хочу возвращаться назад. А ты? — она почти молилась про себя о том, чтобы он ответил отрицательно.

— Я просто умираю от голода, — весело ответил Абул. Он повернулся к следующим за ними солдатам и сказал им что-то на арабском.

— Поедем туда, — и он показал в сторону выхода горных пород. Там, в нагромождении скал, вилась узкая тропинка, — должно быть, там не так жарко, и, кажется, есть вода.

Сарита напрягла слух. Оттуда и вправду доносились звуки бегущего горного потока.

— Но мы же не можем есть воду.

— Лошади ведь хотят пить, — Сарите послышался в его голосе смех, показавшийся ей несколько странным, поскольку его ответ предполагал некий упрек в бездумности.

За нагромождением скал действительно бежала горная река, ее быстрые струйки щекотали камни, образовывая чуть пониже бассейн, заканчивающийся водопадом. Скалы давали гораздо более густую тень, нежели чахлые оливковые деревья.

— О да, здесь прекрасно, — сказал Абул, слезая с коня. — Спускайся!

Он подошел к Сарите и снял ее с лошадки. Руки его были теплыми, а дыхание — обжигающим.

Прежде чем опустить ее на землю, он несколько замешкался. Солдат увел лошадей на водопой. Сарита села на плоский камень и от удивления широко раскрыла глаза, увидев те предметы, которые погонщики мулов положили на землю, разгрузив животных. Тут были большие подушки, шелковый ковер и даже навес, который установили у реки, предварительно вбив в землю колья. Таким образом здесь внезапно возник маленький павильон, в который ввел ее Абул.

mir-knigi.org

— Как здорово! — воскликнула Сарита, утопая в подушках, — мы здесь будем обедать?

— Я думал, ты захочешь сделать что-то такое, что знакомо тебе по прежней жизни.

Сарита рассмеялась:

— Люди моего племени не обедают, сидя под навесами на шелковых подушках. Мы сидим на земле вокруг костра.

— Ну, ты можешь смотреть на костер, — и он показал на двух мужчин, разводивших его среди плоских камней.

— Хочешь выпить вина? — и Сарита приняла украшенный драгоценными каменьями бокал, предложенный ей погонщиком мула.

— Неудивительно, что у тебя такой эскорт, — сказала она, — путешествие с таким количеством роскошных вещей действительно может привлечь грабителей.

Абул улыбнулся и откинулся на подушку, глядя на нее сквозь полуприкрытые глаза.

— А что они будут готовить? Я хорошо умею ловить форель. Может, мне сходить и поймать рыбку? — Сарита встала, но Абул поймал ее за подол платья и потянул назад:

— У них огромное количество еды. Ложись, отдыхай. Есть следует в… расслабленном и гармоничном настроении, — прервала его Сарита, — я знаю, впрочем, как и, наверно, делать все остальное.

— Нет, не все, — заметил Абул, — например, заниматься любовью лучше несколько в другом настроении — не ленивом, хотя гармония и в этом случае приносит истинное наслаждение.

Сарита сказала себе, что воздержалась бы от ответа даже в том случае, если бы ей было что ответить. Она уткнулась в бокал, пытаясь скрыть вспыхнувший на щеках румянец и признаки томления, которые не могли не появиться в ее глазах.

Она чувствовала как ее охватывает непрошенное возбуждение. И зачем только он затронул эту тему?

Сарита не могла признаться в предательских реакциях своего тела даже самой себе, не говоря уже об Абуле.

Сарита сорвала стебель дикого тимьяна и покрутила его между пальцами. В нос ей ударил острый аромат травы.

Сомневаюсь, что они знают, как использовать в кулинарии горные травы, — Сарита постаралась перейти к более нейтральной теме. — Может, мне стоит пойти и показать им, — она снова попыталась встать и снова Абул потянул ее назад.

— Не думаю, что им очень понравится, если ты будешь давать им инструкции, — сказал он.

— Из-за того, что я женщина, или из-за того, что я не правоверная? — безусловно, это была более безопасная тема.

— И по той, и по другой причине, я же тебе уже говорил об этом.

1 — Но ведь они не причинят мне вреда, если ты будешь поблизости.

— Да, если я не буду смотреть в другую сторону.

— Но ты ведь не будешь?

— Может быть, мне стоит подумать об этом.

Ведь ты же не слушаешь моих предостережений, наверно, надо дать тебе возможность научиться чему-нибудь на собственном опыте, ведь уроки, усвоенные таким образом, запоминаются гораздо лучше.

С этим грустным наблюдением Сарита была полностью согласна.

— Господин Абул! — погонщик предложил ему миску с речной водой и Абул вымыл в ней руки.

Затем вода была предложена Сарите; она была этому несказанно рада, так как уже поняла, что омовение рук всегда предшествует появлению пищи. Воздух наполнился ароматами жареного мяса и рот Сариты наполнился слюной. Вскоре им принесли хлеб и корзину с оливками. Сарита поначалу зачерпнула целую горсть и только потом поняла, что делать этого было не надо, так как корзину поставили между нею и Абулом. Поэтому она положила оливки обратно и отломила кусочек хлеба. Он был натерт чесноком и полит оливковым маслом и, съев его, Сарита почувствовала, что аппетит у нее разгорелся еще сильнее. За всем этим последовали деревянные палочки, на которые были нанизаны кусочки мяса, перемежающиеся с луком и грибами, по поводу которых она испытала некоторую растерянность, поскольку не представляла себе, как ей следует с ними управляться. Сарита стала смотреть за тем, как это делает Абул, чтобы подражать ему. Он чередовал мясо с луком, отчего, как она поняла, получал еще большее удовольствие от еды. Она смаковала херес и чувствовала себя превосходно. После мяса им подали виноградные листья, фаршированные рисом. Когда же принесли фиги, виноград и медовые пирожные, Сарита печально покачала головой:

— Я бы с удовольствием, но мой желудок полон.

Абул отщипнул от ветки виноградинку:

— Ну на это-то у тебя должно найтись место? — и он приложил черный шарик к ее губам. Сарита коснулась виноградинки языком, ощутив ее холодную поверхность. Абул улыбнулся и снял с виноградинки кожу своими острыми белыми зубами.

Сарита смотрела на него, как завороженная. Глаза ее подернулись дымкой, он как будто изучал довольство, вызванное хорошей едой и удобством.

Очистив виноградинку, он снова приложил ее к губам Сариты, и на этот раз она приоткрыла рот, еще раз ощутив податливость округлой ягоды, смакуя ее и оттягивая тот момент, когда ее содержимое польется ей в рот.

Абул внимательно наблюдал за выражением лица Сариты, на губах его появилась улыбка, а в глазах — желание. Когда виноградинка исчезла во рту Сариты, он взял другую и очистил ее таким же способом.

— Не надо больше, — услышала Сарита свой шепот, возникший как бы из глубокого колодца ее возбуждения. Она утопала в этом, полном желания и томления действе, и сделала отчаянную попытку выплыть на берег, пока волна желания не захлестнула ее окончательно. Зачем он

делает это с ней?

Что между ними есть, отчего он так завораживает и привлекает ее? Ведь она не может испытывать такое к мужчине, который держит ее в плену и не может понять до конца ее души.

Абул внимательно посмотрел ей в глаза. Теперь в них было только отчаяние, пришедшее на смену тому желанию, которое минуту назад могло сравниться с его собственным. Распознав эту мольбу о пощаде, он накрыл ее уста своими, почувствовав виноградную сладость ее губ; рука его скользнула вниз, под ее оранжевое платье. Но, обнимая ее, он старался не создавать давления на ее тело, чтобы она не восприняла его объятие, как нечто принудительное. Он затаил дыхание, молясь про себя только о том, чтобы она оставалась недвижимой и позволила ему медленно и нежно ласкать себя. Какое-то мгновение ему казалось, что все будет именно так, но потом она встряхнула головой, сбрасывая с себя его и тот мир, который он так терпеливо создавал, мир, в который, в конце концов, она просто не могла не войти.

Абул вздохнул и откинулся на подушки.

— Ну что ж, закончим на этом, Сарита, пора отдыхать.

Сарита огляделась. Вокруг царила полная тишина. Высунувшись из палатки, она никого вокруг не увидела — никого, кроме лошадей, привязанных возле оливковых деревьев. Костер был потушен и от углей поднимался только серый дымок.

— Куда все делись?

— Отдыхают, — лениво отозвался Абул, — это личное время и каждый нашел себе тенистый уголок.

Сарита откинулась на подушки, отлично понимая, что бояться ей нечего. Абул не будет ни к чему ее принуждать, по крайней мере, теперь. Снова сознание его сдержанности успокоило и умиротворило Сариту, несмотря даже на ту пустоту, которая была внутри нее. Она знала, что Абул должен был сейчас ощущать такую же, и почувствовала укол совести.

Проснувшись, она обнаружила, что находится под навесом одна, и что солнце уже низко. Выбравшись наружу, она поняла, что экспедиция готова к отправке. Абула нигде не было видно. Она пошла к бассейну, зачерпнула воды и брызнула ею себе в лицо.

Когда Сарита вышла из-за скал, куда ходила по нужде, она увидела в нескольких метрах от себя Абула, сидящего на камне и размышляющего. Сарита попыталась было по его виду определить его душевное состояние, но не смогла. У нее было такое ощущение, что он находился где-то далеко от этих мест. Она позавидовала его умению это делать, хотя и ощутила некоторый холодок, напомнивший ей о том, что до прибытия в Альгамбру ей необходимо добиться его отчуждения с тем чтобы он покинул ее разозленным и она могла бы привести в исполнение свой план побега.

Перспектива испортить этот день, испортить удовольствие, которое он так заботливо ухитрился ей доставить, и удовольствие, которое при этом испытал сам, сильно ее расстроила, но выбора у нее не было. Она не могла оставаться здесь на тех условиях, которые ей навязывал Абул; поэтому она должна покинуть его. Есть только одна тема, которая может гарантировать его рассерженный уход. Затрагивая ее, она вмешивалась не в свое дело, так как Айка и Бобдил не значили для нее ничего. С другой стороны, трудности Абула почему-то были важны для нее, если расстраивали его, потому что она не имела никакого другого оружия. И в этом был виновен сам Мули Абул Хассан.

И она решительно пошла к нему, решив сказать такое, что разрушит гармоничность его души.

Глава 11

Абул смотрел, как Сарита уходит вместе с Юсуфом. Он не мог поверить в то, что случилось по дороге назад, как раз перед тем, как они достигли ворот Правосудия. До этого момента Сарита была дружелюбным и веселым компаньоном и не выказывала никаких признаков недовольства, тем самым, как он теперь горько осознал, успокоив и убаюкав его бдительность. Он начал было уже думать, что несмотря на свой отказ, которым она в очередной раз наградила его в тот день, все-таки склонна принять свое новое положение и найти в нем какие-то положительные моменты. И потом, чувствительную тему — обвинила его в том, что он отвергает материнскую любовь, что он плохо обращается с впечатлительным и ранимым ребенком, заявила о своей открытой симпатии к его жене, о жалости, которую испытывает к его сыну. Она высмеяла его веру в спокойный и организованный уклад жизни в Альгамбре, обвинила в том, что он сделал несчастными своих жен и служанок, причем в своих обвинениях основывалась на той информации, которую, как она заявила, получила, общаясь с последними. Она сказала ему, что если бы он когда-нибудь побеспокоился и выслушал женщин своего мирка вместо того, чтобы полностью сбрасывать их со счета, то узнал бы такие вещи, которые радикально изменили бы его взгляды.

Абул не знал, как остановить ее. Он был поначалу так огорошен этой тирадой, что спешился и стал молча слушать ее. Постепенно в нем стал нарастать гнев, выразить который он никак не мог, так как сидел в этот момент на лошади и был сопровождаем целым полком солдат.

Сарита постыдно воспользовалась его невыигрышным положением и в своей речи подрывала теперь со слепым высокомерием невежества сами основы его существования. Подобное же заключение о слепых музыкантах она сделала недавно в банях.

Абул никогда раньше не сталкивался с такой дерзостью, и это возмутило его больше всего. Он считал ее тонкой и понимающей женщиной, но сейчас перед ним было существо, полное слепых предрассудков и предубеждений. И оно без всяких колебаний вторгалось в самые священные для него области, о которых не знала и ничего не могла знать. Абул был просто ошеломлен. Он понял, что совершил ужасную ошибку. Женщина, ставшая неотъемлемой частью его мыслей и мечтаний, была никем иным, как враждебной чужестранкой. Он хотел отвернуться от нее, выбросить ее из своих мыслей и из своей жизни, но не мог этого сделать. К своему несчастью, он все еще хотел ее даже теперь, когда она изрыгала потоки несправедливых слов и обвинений и насмехалась над всем, что было ему дорого. Даже теперь он хотел ее и сознание этого наполняло его отвращением к себе.

Он ничего не сказал ей, с трудом смотрел на нее, а уж говорить не мог и подавно. Он просто передал ее Юсуфу, приказав ему отвести ее в башню.

Сарита повернулась и пошла впереди Юсуфа.

Она шла с гордо поднятой головой, не глядя на солдат, будто они были для нее не более чем пылью.

Глядя на то, как она уходит, Абул почувствовал, как в нем поднимается ярость. Ему захотелось унизить Сариту, проучить ее и показать ей, что никто — ни один человек не может говорить с ним так и остаться безнаказанным. Он мог наложить на нее любое наказание, но знал, что не сделает этого.

Потому что если он отомстит ей, то тем самым подтвердит ее правоту.

Войдя в свои апартаменты, Абул был уверен только в одном — в том, что вряд ли скоро захочет видеть Сариту. Испытывая желание, он знал теперь, что оно пройдет, как только ему удастся овладеть ею. Но как он мог так ошибиться? Мули Абул Хассан не привык совершать такие ошибки и потому чувствовал себя сейчас в полном замешательстве.

Сарита опередила Юсуфа и захлопнула дверь перед самым его носом.

Конечно, это был ничего не значащий жест избалованного ребенка, тем не менее он принес ей некоторое удовольствие.

Она прислонилась к двери со скрещенными на груди руками. В уме ее пронеслись те несправедливые слова, которые она сказала Абулу. Перед ее мысленным взором встало его удивленное лицо с глазами, полными боли. Боли и злости, которых он не мог и не хотел выразить. И она никогда-никогда не сможет сказать ему, что не хотела причинить ему этого, и не выражала теми ужасными словами свои истинные мысли. Если бы у нее был выбор, она никогда бы не наговорила ему всех этих немыслимых вещей, но он не дал ей его.

Но мало-помалу Сарита успокоилась. В конце концов цели своей она достигла, и какой толк был сейчас задумываться о методах, которые она использовала? Она попыталась вернуть себе способность к ясному мышлению — оно было необходимо ей, если она хотела совершить удачный побег. Пока что она была одна. Кадиги и Зулемы не было видно, но они могли прийти в любую минуту, если только Абул не приказал снова запереть ее за ее дикую выходку. Но она не слышала, чтобы Юсуф поворачивал ключ и, действительно, когда Сарита попробовала открыть дверь, та бесшумно открылась.

Значит, внутри дворца она все еще могла пользоваться относительной свободой.

Ей необходимо было сделать веревку, но если она начнет делать ее сейчас, то рискует быть застигнутой Кадигой и Зулемой. Сарита решила, что начнет сооружение веревки после того, как избавится от них, а пока займется выбором необходимых ей для этого вещей.

Служанки обнаружили Сариту в необычно раздраженном и рассеянном настроении. Она сказала им, что не желает ужинать и хочет пойти спать пораньше. Кадига попыталась было предположить, что господин Абул может послать за ней и что ей следует к этому быть готовой, но Сарита сообщила ей, что калиф дал ей понять, что занят сегодня и поэтому не будет ее звать. Она подумала, что сказанное ею не так уж далеко от правды, отметив про себя, что это заявление тотчас удовлетворило их.

— А ты уверена, что не хочешь послушать музыку? — спросила Зулема. — Я могу играть на лире, если ты не в настроении, чтобы разговаривать или играть в шахматы.

— Нет, я не хочу ничего — только побыть одной, — ответила Сарита, надеясь на то, что они поразятся ее недружелюбности и уйдут.

И, действительно, женщины были явно озадачены таким обращением, и через несколько минут покинули ее.

Избавившись от них, Сарита встала и прислушалась. Вокруг было тихо. Она решила не зажигать лампы, поскольку темнота, с ее точки зрения, таила в себе меньшую угрозу обнаружения. За окном уже зажглись первые звезды, но темнота еще не сгустилась, а на горизонте показалась маленькая долька луны. «Света от нее будет немного, — подумала Сарита, — поэтому, когда она спустится в ущелье, обнаружить ее будет невозможно». Теперь она сосредоточилась на том, как она будет воплощать свой план. Сарита достала из замочной

скважины ключ и заперла изнутри дверь. Таким образом она обезопасила себя от неожиданного визита.

Затем она побежала на галерею, где стала собирать необходимые для веревки предметы. Нельзя было придумать ничего лучше, чем использовать для этого простыни и покрывала с диванов. Шелк, необыкновенно прочный материал, имелся здесь в изобилии. Усевшись со скрещенными ногами на диван, Сарита начала делать из него веревку.

Этому она научилась еще в детстве, и знала такие приемы, которые позволяли придать материалу еще большую прочность. Вскоре работа была закончена, однако веревка получилась слишком короткой и на ней можно было спуститься только до середины вала. На диванах лежали еще шелковые накидки, а в простенках висела шелковая одежда.

Но наряды были богато расшиты драгоценностями и бережливость, свойственная Сарите с детства не позволила ей использовать этот материал для изготовления простой веревки. В какой-то миг до нее дошло, что драгоценности могли бы быть неплохой валютой в том мире, в который она собиралась вступить, однако она тут же отогнала эту мысль. О краже нельзя было и думать. Одно дело использовать эти материалы для того, чтобы выжить после побега. Наконец веревка была готова. Сарита села у балкона — теперь ей не оставалось делать ничего, кроме как ожидать полной темноты. Она знала, что ей следует вздремнуть, но была так возбуждена, что не смогла бы сейчас заснуть. Никакого особенного плана относительно того, что она будет делать после того, как окажется у реки, внизу, у нее не было. Она только решила, что будет идти к границе с Кастилией. Она прекрасно знала, что предостережения Абула вовсе не были такими уж необоснованными. Королевство Гранады было небезопасным местом для одинокой женщины ее расы.

Поэтому чем раньше она покинет его, тем лучше.

На базаре в Гранаде она, возможно, наткнется на караван испанских торговцев и сможет присоединиться к нему. У нее ведь были серебряные монетки и навыки, которые она могла предложить в обмен за защиту. План был не слишком мудреным, но придумать лучшего она не могла.

Во время ожидания ее охватила глубокая меланхолия. Потому ли, что будущее ее было таким неопределенным? Или это был естественный страх, которого раньше, занятая приготовлениями, она не испытывала из-за недостатка времени? Или это было что-то еще? Внезапно она вспомнила вкус черной виноградинки. В воображении ее возникло его лицо, склонившееся над ней, его глаза, горящие страстью и искрящиеся смехом. По ее щекам полились слезы. Почему? Она вытерла их тыльной стороной ладони. Руки ее теребили шелковую веревку. Нет, ей необходимо уйти. Она не может оставаться в мавританском гареме и быть игрушкой в руках калифа. Как бы она ни стремилась к его теплоте и юмору, как бы ни отвечало ее тело на его страстные призывы, она все равно не могла себе представить жизни среди этих праздных женщин, жизни, единственным оправданием которой является ублажить калифа. Если она останется в альгамбрском гареме, то будет погублена навеки и не сможет жить, обреченная на медленное и мучительное умирание. Ею будут владеть чувства еще более ужасные, чем если бы она осталась в племени и вышла за Тарика. Там она, по крайней мере, имела бы свое место, и не только в постели вождя.

Почувствовав прилив энергии, Сарита вышла на балкон. По небу бежали облака, заслоняя свет звезд и луны. Прекрасная для побега ночь! Сарита перекинула веревку. Она упала приблизительно в десяти шагах от земли. Ну что ж, это ей по силам. И, закрыв глаза, она прыгнула. Не удержавшись на ногах, Сарита покатилась по крутому склону горы в ущелье. В

отчаянии она ухватилась за колючий кустарник. В ее ладони вонзились шипы, а из глаз брызнули слезы, но все же ей удалось задержать свое падение. Она достигла своей цели.

Часовой, делавший обход со стороны вала, поднял факел, чтобы отогнать летучую мышь, и б пучке света увидел на башне движущийся силуэт.

Вглядевшись, он понял, что по стене кто-то ползет.

Он со всех ног помчался на главный сторожевой пост. Офицер поспешил с ним назад и послал узнать, на месте ли обитатель этой башни? Часовой обнаружил, что дверь изнутри заперта, а на его стук никто не ответил. Тогда офицер устремился к господину Абулу. Женщина, живущая в башне, не находилась в его непосредственном ведении, но за происходящее на вале он отвечал. Офицер быстро пошел к Абулу. Извиняясь, он доложил в чем дело.

Абул, не веря своим ушам, выслушал то, что ему сообщил напуганный офицер.

— Так ты говоришь, башня заперта изнутри?

— Да, мой господин. Я уже послал туда людей, чтобы они выломали замок.

— Ты правильно сделал.

— Так Сарита сползла в ущелье? Удивительно, как смогла она это сделать? Абул удивился, что она совершила побег. Возможно, ему действительно следовало отпустить ее. Да, может быть, тело ее и отвечает на его призывы, но, очевидно, это не более чем одна из причудливых шуток природы.

Между ними не происходит слияния ума и духа, у них нет ничего общего, а без всего этого их отношения могут носить только характер похоти, не имеющий ничего общего с истинным слиянием душ. Она не чувствует к нему ничего, кроме возмущения, и не имеет, очевидно, ни малейшего желания его понять. Как ему казалось, он, в отличие от нее, пытался ее понять, не бередить ту боль, которая, собственно, и привела ее к нему, понять те силы, которые мешали их взаимоотношениям.

Он был горько разочарован. Надо было бы отпустить ее. Но вряд ли на своем пути она найдет нечто стоящее. Тяготы жизни — вот что ждет ее на свободе, в этом Абул был убежден. Чем скорее он забудет ее, тем лучше. Она принесла ему и так уж достаточно страданий.

Ведь он начал соперничать с ней с того самого момента, как она покинула свою рощу, так неужели теперь он готов сдаться?! Она же не сможет выжить в этом жестоком мире. Несмотря на все причиненные ею страдания, Абул не мог вынести эту мысль.

Нет, он привезет ее обратно, пойдет навстречу ее желаниям и заставит признать ту страсть, которую она, несомненно к нему испытывает, но сделает это уже совсем по-другому.

Постепенно у него начал сформировываться план, имеющий горьковато-сладкий привкус мести, осуществление которого вместе с тем позволило бы ему быть уверенным в том, что это не принесет ей вреда. Абул не мог не отомстить ей — уж слишком сильно оскорбила она его сегодня днем. Совершив побег, она по сути выказала ему отказ, тем самым еще больше усугубив свою вину перед ним.

Он заставит-таки Сариту понять природу вещей в царстве Гранады и истинную цену могущественного калифа. Для этого ему не придется мстить ей, наоборот, она с тоской будет

вспоминать свою жизнь у него и горевать о том, что не послушалась его советов и предостережений.

Он обернулся к офицеру, который все еще стоял в приемной.

— Возвращайся на свой пост, — сказал Абул и дернул за колокольчик, вызывая визиря, а затем позвал Юсуфа, рассказав ему о побеге Сариты.

— Ты хорошо все понял?

— Да, мой господин, — поклонился Юсуф, — до рассвета она не выйдет из ущелья, так что у нас будет достаточно времени для того, чтобы ее выследить. А если она одета по-прежнему, то, конечно же, не сможет остаться незамеченной. Со мной будут четыре человека, и мы не упустим ее, а Ибрагим Салем, я уверен, за деньги наверняка согласится с нами сотрудничать.

— Только не причиняйте ей никакого вреда, — сказал Абул. — Тебе все ясно?

— Да, мой господин.

— Тогда приступай к делу. Я буду ждать ее к завтрашнему закату.

Он не сомневался, что, проведя большую часть дня во владениях Ибрагима Салема, Сарита поймет, какую глупость совершила, отказавшись от защиты калифа.

Сарита, наконец, достигла дна ущелья, и только тут она почувствовала себя в безопасности.

Вряд ли запертую дверь и свисающую веревку обнаружат раньше утра, так что к тому времени она будет уже в городе и сумеет затеряться в нем. Если же она не сможет найти караван торговцев или каких-либо людей, способных оказать ей защиту во время путешествия, тогда ей придется пуститься в путь одной. Днем она в любом случае схоронится в городе, а в горы пойдет вечером; в пути же будет держаться тех тропинок, которые помнит по путешествию сюда из Кастилии со своим племенем.

Она прошла мимо крестьянских хижин, сараев и огородов, но нигде не увидела каких-либо признаков жизни. В этих краях люди ложились спать с солнцем, а вставали с петухами, так как работать можно было только в прохладные часы раннего утра. Вскоре Сарита увидела городские стены. Она знала, что до утра она не должна выходить из ущелья — городские ворота ночью были закрыты и часовые обязательно обратили бы внимание на нее.

Скоро наступит рассвет. Войдя в город, она сразу устремится на базар, который, как Сарита по опыту знала, к тому времени будет в разгаре торговли. Там она сможет купить еды и попить, а так же затеряться в массе людей до тех пор, пока не решится на следующий шаг. Она вдруг почувствовала глубокую усталость и села на берегу реки.

Соорудив из узелка подушку, Сарита легла на спину и уставилась в бездонное небо. То, что она в одиночестве, совсем не пугало ее, она привыкла к ночным звукам. Они с детства служили ей колыбельной песней, хотя тогда люлька стояла в кругу, выложенном кострами, а рядом наготове трусили волкодавы. Но сейчас она была вдали от дороги.

Здесь не должно было быть бандитов, что же касается волков — ну что ж, если они появятся, она сразится с ними. Глаза Сариты закрылись и она погрузилась в сон. Но проснулась она с первым же лучом солнца, обнаружив, что на нее смотрит пара коричневых глаз. Она

улыбнулась ребенку, который, схватив свою пастушью палку, молча продолжал на нее глазеть. Было совершенно ясно, что мальчику не так уж часто приходилось натыкаться на спящих женщин. Сарита еще раз дружелюбно ему улыбнулась, но он отпрыгнул от нее так, будто за ним погнался сам дьявол.

Сарита пожала плечами и встала, Она чувствовала себя ужасно голодной. Вчерашний обед был так давно, и только сейчас до нее дошло, что ей следовало бы попросить Кадигу и Зулему принести себе ужин, перед тем как прогонять их. Но теперь ошибку эту было уже не исправить, так что оставалось только ждать завтрака в Гранаде. Она попила из реки, брызнула на лицо водой и провела по волосам расческой. Обернувшись, она увидела крыши Альгамбры — о ее побеге скоро уже узнают.

Как же отреагирует Абул на ее исчезновение? «Вероятно, он почувствует облегчение, — подумала Сарита, — после того, что она ему вчера наговорила…» Перед ее мысленным взором снова встало его лицо, искаженное болью и гневом. Да, это воспоминание было не из приятных. Но она решительно повернулась в сторону Гранады. Выход из ущелья был нетруден, не то, что ее давешняя дорога. Дойдя до вершины, она нашла тропу, которая кишмя кишела крестьянами, тащившими поклажу, погонщиками мулов, караванами торговцев, снующими из города и обратно. Там было много женщин, все они тщательно закрывали свои лица и склоняли головы, приближаясь к мужчинам. Сарита в оранжевом платье и с огненно-рыжими распущенными волосами выделялась из общей массы так же сильно, как метеор на ночном небе.

Совершая подобные путешествия раньше, она всегда находилась в компании матери и других женщин. Кроме того, их сопровождали мужчины. Она быстро достала шарф и покрыла им голову, не забыв при этом закрыть и лицо, опустила глаза, чтобы усилить сходство с мавританскими женщинами. Теперь она, по крайней мере, привлекала к себе меньше внимания.

Пройдя через городские ворота, Сарита покрепче прижала к себе узелок. В ее испуганном воображении 12 серебряных монеток казались ей целым состоянием, которое могло привлечь грабителей. Ее никто не окликнул и она пошла по боковой улочке, столь узкой, что верхние этажи домов почти встречались на середине, образовывая темный туннель.

Когда она был уже почти на середине улицы, навстречу ей шли двое мужчин. На талиях их сверкали инкрустированные каменьями рукоятки изогнутых ножей. В дверях одного из домов появилась женщина, вытряхивающая ковер. Где-то за ее спиной плакал ребенок. Это было так обыденно, что Сарита почувствовала, что страх ее отступает.

Она помнила, что эта улица должна закончиться площадью, которая в свою очередь соединялась с базаром еще одной маленькой улочкой.

Таким образом она была очень близко к своей цели.

Мужчины, шедшие позади Сариты, не боялись потерять ее — оранжевое платье было трудно упустить из виду. Та улочка — Сарита помнила — закончилась площадью В центре ее стоял усталый осел, ожидавший, пока его хозяин наберет воды в бочки из колодца. Над кучей отбросов жужжали мухи, тут же рыскала стайка голодных котов… Почувствовав городские запахи, Сарита сморщила нос. Оливковые рощи и горные пастбища пахли намного приятнее. С одной из боковых улиц появилась группа женщин. Они несли кувшины, чтобы набрать в них воды. Сарита вышла на площадь, имея намерение слиться с ними, но они остановились, осуждающе глядя на нее. В глазах их было явное отвращение к ее загорелым ногам и яркому

платью. Они тоже были босиком, но их платья скрывали ноги. Она забылась на какой-то миг и ответила им неосторожным взглядом, но, почувствовав их враждебность, поспешила скрыться в другую темную улочку.

Шум базара достиг ее ушей. Он складывался из звона колокольчиков, крика, звона железных бочек и пронзительного скрежета. Придя на базар, Сарита почувствовала себя в большей безопасности.

Тут были и такие, как она, люди в одежде христиан.

Женщины здесь были тоже, правда, не одни, а с кем-нибудь. И тут она увидела Тарика. Он стоял у прилавка и пил из кожаной фляжки. Рядом с ним находились старейшины их племени. Они разглядывали руно и разговаривали с его продавцом — согбенным и беззубым стариком, имеющим бесцветную бороду. Сердце у Сариты ушло в пятки и она бросилась обратно в темную аллею. Почему она не предвидела возможность встречи с кем-либо из их племени? Потому что из сказочного царства Абула они казались ей бесконечно далекими. А ведь они все еще находились в оливковой роще, поэтому вполне могли оказаться в городе. Конечно же, они могли узнать ее… ее оранжевое платье, волосы, фигуру. Кругом была опасность. Она стояла, ожидая, когда пройдет дрожь, не дающая возможности ясно мыслить. И в этот момент поняла, что к ней приближаются двое мужчин. Сарита огляделась. С одной стороны был Тарик, с другой — эти люди. А что было сзади? Сзади была открытая дверь хибарки. Между ног Сариты полз голый ребенок, сжимая в руке корочку хлеба. Она попятилась назад. Но тут один из мужчин подпрыгнул так быстро, что она не смогла даже побежать бы в том случае, если бы ей было куда. Он схватил ее и набросил на голову широкий рукав своего бурнуса, так что крик ее мгновенно был заглушен. Впрочем, в базарном шуме ее все равно никто бы не услышал. Второй мужчина обернул ее плащом, как когда-то Абул. Вот только теперь она точно знала, что в конце этого пути ее не ждет его вежливое ухаживание, башня с покорными слугами, окно в благоухающий сад. Почему же она пренебрегла Абулом? Потому что предпочла рискнуть. И вот теперь… погибла. Совершенно погибла.

Глава 12

Сарита боролась против этой жаркой, удушающей темноты с гневом столь сильным, на который было способно только животное пойманное в капкане. Зубы ее вонзились в железную руку ее похитителя. Тогда на лицо ей натянули одеяло, а рот заткнули. Сарита почувствовала, что задыхается, и перед глазами заплясали черные точки. Она перестала бороться, и давление на нее тут же ослабло.

Поэтому больше она уже не смела двигаться, боясь, что это может быть истолковано, как попытка к сопротивлению.

Сариту охватила злость на собственное недомыслие. Как могла она не предвидеть встречу с Тариком? Ей следовало надеть на себя одежду женщин Альгамбры… Следовало немедленно пойти горной дорогой. Никогда не входить в этот город.

Но самообвинениями она ничего не могла изменить. Куда ведут ее? Зачем? Чтобы изнасиловать, убить, ограбить? А может быть, для того, чтобы сделать все вместе? Жизнь ее — жизнь женщины и не правоверной не значит для них ничего. Абул говорил ей об этом. Если она сделает все, что они от нее захотят, даст им все, что они потребуют, будет вести себя так, как одна из их собственных женщин, тогда, возможно, они и не нанесут ей вреда. Но знать это наверное она не могла.

Ее несли очень быстро, похитители ее почти что бежали, и по тому, что мужчины обменивались друг с другом репликами, она поняла, что тот, другой, шел рядом с ним. Как хотела бы она иметь возможность видеть, дышать чистым воздухом, почесать нос, который щекотала шерстяная ткань. Она чихнула — в горло и нос ей забилась пыль от одеяла. Глаза ее наполнили слезы, и соленая влага обожгла щеки.

У нее возникло такое впечатление, что они вошли в какое-то помещение. Вскоре ее поставили на ноги и стащили одеяло. Оглядевшись, она обнаружила, что находится в каком-то дворике. Узкие дверные проемы уходили в темноту — возможно, даже на улицу. Сарита утерла слезы, сознавая, что выглядит невероятно испуганной, не находя в себе сил, чтобы противостоять своим похитителям с дерзостью и гордостью. Она могла с вызовом вести себя с Мули Абулом Хассаном, мягким и обходительным, но эти двое были не похожи на него. Наконец, она взглянула на них. Они стояли несколько поодаль от нее с таким видом, будто она их совершенно не интересовала и, по всей видимости, кого-то ждали.

Один из них бросил на нее взгляд, и Сарита вздрогнула, увидев выражение его глаз. Он смотрел на нее так же безразлично, как и солдат, не позволивший ей выйти за ворота Альгамбры. И она поняла, что ему ничего не стоит использовать свой нож для того, чтобы перерезать ей горло, если почему-либо он решит, что это нужно сделать. Безразличие было хуже похоти, так как если она для него не более, чем муравей, оружия против него у нее не было. Сарита подумала, что, возможно, ей стоит попытаться сбежать от них, воспользовавшись одним из темнеющих проходов, но они стояли со столь беззаботным видом, что она поняла — побег в данных обстоятельствах вряд ли возможен. Так что лучше в данных обстоятельствах выждать и постараться утихомирить свой страх.

Но кого же они ждали? Через минуту стало все ясно. С задней стороны двора появилась высокая фигура человека в богато расшитом бурнусе, с золотой цепью на шее. При его приближении похитители Сариты поклонились, а он ответил им милостивым кивком. Они обменялись репликами на арабском языке, и он уставился на Сариту. Взгляд его был тяжелым, и Сарита непроизвольно скрестила на груди руки в защитном жесте. Лицо его было совершенно бесстрастно. Через секунду он подошел к ней и взял ее за руку.

— Нет! — Сарита забыла о своем решении смириться, и теперь пыталась освободить руку, не думая о возможных для себя последствиях. Наконец, она достигла желаемого результата. Мужчина отпрыгнул от нее, произнеся что-то разгневанным тоном. Теперь его лицо уже не было бесстрастным.

Она смотрела на него, как завороженная, ожидая, что он достанет нож и перережет ей горло, потому что на этот раз подле нее не будет никого, кто мог бы его остановить. Но мужчина не подошел к ней больше, а вместо этого что-то приказал. Тотчас же появился слуга с веревкой, и ее связали.

— Ты ведешь себя очень глупо, — сказал высокий мужчина по-испански, — ты находишься во владении Ибрагима Салема, христианка. Я собираюсь купить тебя у этих мужчин и, поскольку ты будешь принадлежать мне, тебе стоит вести себя осторожнее.

Сарита только покачала головой, будучи не в силах говорить. Ибрагим Салем тщательно ее осмотрел.

— Думаю, я найду для тебя покупателя, христианка. Волосы этого колера очень привлекательны, хотя… — он отступил назад и посмотрел на нее издали, — ты, как будто, несколько маловата, ладно, там видно будет. — Он достал кожаный кошелек. Один из мужчин

сосчитал предложенные ему монеты, кивнул и положил их в карман. Сарита была в ужасе от того, что ее купили, как овцу на базаре.

— Помести ее с остальными, — отдав этот приказ, Ибрагим повернулся и ушел.

Мужчины снова накинули на нее одеяло, оставив, однако, на этот раз голову свободной. Один из них приподнял ее и понес через двор по проходу, который вел в глубину здания. Когда они остановились возле одной из дверей, один из мужчин повернул массивный ключ, распахнул ее, и они оказались в маленькой комнате без окон. Она была освещена всего лишь одной дурно пахнущей масляной лампой. Там были четыре женщины, которые сидели на земляном полу, прислонившись спиной к стене. С ужасом Сарита обнаружила, что все они привязаны к стене железными цепями. Во взглядах их сквозило беспокойство. Она попыталась даже что-то гневно промолвить, но в душе ее нарастало отчаяние, бездонное, как глубокий колодец. Сарита встала у стены и окинула пристальным взглядом своих компаньонок. Все они были молодыми женщинами, были одеты в мавританские одежды, все имели вид людей, полностью смирившихся со своей скорбной участью, и это охладило пыл Сариты.

— Как вы попали сюда? — спросила она, не надеясь на то, что получит ответ. Но одна из них сказала:

— Мы все проданы Ибрагиму Салему. Меня продал брат, потому что должен был заплатить долг, а ты ведь христианка, не так ли?

— Тебя пленили?

— Да, двое мужчин в городе, — сказала Сарита, а кто такой — этот Ибрагим Салем?

Женщина удивленно посмотрела, будто она спросила о чем-то известном даже ребенку.

— Ты не знаешь Ибрагима Салема?

Сарита отрицательно покачала головой. В животе у нее забурчало, и она вспомнила, что так и не сумела позавтракать. Ей казалось невозможным думать о еде сейчас, когда она прикована цепью и сидит на грязном земляном полу, как рабыня.

— Он очень крупный торговец рабами, — ответила ей женщина. — Его люди ищут для него рабов по всему царству. Мой брат знал, с кем надо контактировать в нашей деревне.

«Так ее пленили его разведчики», — подумала с унынием Сарита. В этом царстве не было никаких законов, препятствующих извлечению прибыли от продажи женщин.

Неожиданно одна из женщин застонала, раскачиваясь взад-вперед. Переводчица Сариты, положила ей на колени руку и что-то тихо пробормотала.

— Она больна? — спросила Сарита.

Женщина покачала головой. — Нет, ее продали в Танжер. Гораздо лучше быть проданной в Гранаде, — добавила она, видя удивление Сариты. — В этом царстве хозяева намного лучше обращаются с рабами. — Женщина сказала об этом так просто, будто считала это само собой разумеющимся.

Открылась дверь и в комнату вошел мужчина, который ничего не сказал, а только поставил на пол миску и корзину с хлебом. В миске оказалась густая каша. Воды и полотенец здесь не

было, так что помыть руки было невозможно. Но Сарита была слишком голодной, чтобы беспокоиться о таких вещах. Она последовала примеру остальных и использовала хлеб и собственные пальцы для того, чтобы подцепить клейкую массу. Каша была абсолютно безвкусной, но она даже облизала пальцы, подумав о том, что несколько дней назад ее ничуть бы не обеспокоило то, что они грязные. Она снова села, прислонившись к стене. Полный желудок способствовал тому, что отчаяние ее несколько поубавилось и не стоило предаваться печальным размышлениям. В комнате не было никаких других удобств, кроме дурно пахнущей лампы и не менее дурно пахнущего ведра. Постепенно стоны и плач женщины, проданной в Африку, стали просто невыносимыми.

Женщины между собой говорили на арабском, и узница, знавшая испанский, переводила Сарите, тем самым включая ее в разговор, но все их разговоры главным образом касались покинутых семей и обстоятельств, при которых произошло их пленение. Сарите трудно было участвовать в общей беседе, поскольку суть ее заключалась в безоговорочном принятии каждой из этих женщин своего настоящего положения. Похоже было на то, что они не держали зла на тех мужчин, которые их продали, даже та женщина, которая надоела своему мужу и который избавился от нее, продав ее в рабство.

Сарита подумала, что в данных обстоятельствах ей следовало, пожалуй, бежать скорее к Тарику, нежели от него. По крайней мере, в этом случае у нее были бы некоторые представления о своем будущем, а в племени ее рано или поздно, реабилитировали бы. Подобное будущее казалось светлым по сравнению с той перспективой, которая открывалась теперь перед ней.

Прошло несколько бесконечных, как показалось Сарите, часов, и в комнату вошел человек, для того, чтобы вывести одну из женщин. Он грубо приказал ей что-то, а затем стал выталкивать из комнаты.

— Куда он ее ведет? — Сариту снова охватил безудержный страх.

За эти часы она уже успела привыкнуть к женщинам, находившимся в комнате.

Может быть, Ибрагим Салем хочет ее кому-нибудь показать, — объяснила ей женщина, говорящая по-испански.

— Так мы ждем здесь до тех пор, пока на нас не найдут покупателя? — Сарита постаралась что-то для себя уяснить. Она поняла, что понемногу начинает выходить из транса.

Женщина кивнула:

— Если у него есть на примете покупатель, то он пошлет за ним, и тот приедет и осмотрит тебя.

Если же нет, то он выставит на следующих публичных торгах.

Сарита дотронулась до железного ошейника — и ее сковал страх. Только сейчас смогла она понять во всей полноте происшедшее с ней.

Ошейник был холодным и тяжелым. Она почувствовала свое единство с женщинами, находившимися в комнате. Но если она разделит с ними их отношение к своему рабству, она разделит с ними и их судьбу.

Женщина, которую увели, больше не появилась. Снова им принесли миску, в которой на этот

раз оказались мясо и рис. Снова они подтащили свои цепи, чтобы было удобнее есть, и стали по очереди глотать воду из кувшина. В мясе было больше хрящей, чем мякоти, а утреннее бездействие не способствовало появлению аппетита, поэтому Сарита вскоре вернулась на свое место около стены и прикрыла глаза. Делать ей было теперь нечего, лишь ожидание являлось ее уделом, и она обнаружила, что так, закрыв глаза, может представить себе все, что угодно. А если постараться, то может почувствовать даже тепло от солнца на веках, ароматы трав и высушенных солнцем кустарников, услышать петушиный крик, воркование голубя и шум горной реки.

К тому времени, как дверь открылась снова, она была уже так увлечена своим внутренним миром, что с минуту даже не сознавала того, что перед ней стоит какой-то мужчина. Он что-то грубо сказал ей, и она сморгнула, ослепленная светом масляной лампы, показавшимся ей невероятно ярким после той темноты, когда она закрыла глаза.

Мужчина рывком поднял ее. Звякнула цепь, вернув ее к суровой реальности. Расстегнув ее, он подтолкнул Сариту к выходу. Похоже было на то, что на этот раз она должна была идти сама.

Ошейник, надетый на ее шею, не давал усомниться в ее положении, в нем она, конечно же, не могла пытаться бежать. Немыслимо было и думать о побеге человеку, у которого не шею надет железный ошейник раба. И, очевидно, ее сопровождающий отлично это понимал. В движениях его сквозило явное безразличие, отрицающее ее как личность. Для него она была не более как предметом.

Они вошли во двор — Сариту ослепило яркое солнце. Она споткнулась и посмотрела на голубое небо. Солнце было уже низко, должно быть, : день клонился к вечеру. Мужчина снова подтолкнул ее, и она пошла вперед, стараясь не думать ни о чем.

Она не могла сделать ничего, чтобы изменить свою судьбу, единственное, что она могла сделать, — это не отождествлять себя, свою душу со своей оболочкой. Это было необходимо ей, чтобы не деградировать как личности.

Они вошли в мягко освещенную комнату, где на оттоманках возлежали четверо мужчин. На низком столике стояла ваза с шербетом, бокалы и блюдо со сладостями. Стоя в дверях, Сарита почувствовала, что душой находится где-то далеко-далеко от места своего телесного пребывания, от той убогой реальности, которая ее окружала. Ибрагим Салем взял ее за локоть, поднял ее волосы, как уже делал это сегодня утром во дворе, и заговорил вкрадчивым голосом. Сарита поняла, что он говорит о ней, расписывая ее достоинства, стараясь продать подороже, точно так же, как делает это на базаре человек, желающий продать скотину.

Она не будет слушать его. Тут один из мужчин сказал что-то, Ибрагим кивнул и подтолкнул Сариту к оттоманке. Человек, лежавший на ней, снова оглядел ее с ног до головы, потрогал кожу, а потом, поджав губы, кивнул. В этот момент сзади них раздался голос. Сарита узнала его. Он принадлежал Юсуфу. Внезапно душа ее вернулась в тело и она обернулась. Никогда раньше, даже в самых буйных фантазиях, не могла она представить себе, что придет время, и она посмотрит на этого человека с радостью и облегчением. Сердце ее сильно билось, колени подогнулись, и она едва не бросилась ему навстречу. Если Юсуф здесь, значит, Абул нашел ее! И спасет!

Юсуф и Ибрагим обменялись быстрыми репликами. Тут к ним присоединились и другие мужчины, и Сарита поняла, что за нее идет торг. Снова ее захлестнула волна стыда. И зачем только позволила она своей душе вернуться в тело? Стыд и ужас, что Юсуф решит, что она не стоит той цены, которую за нее просят. Но внезапно другие мужчины смолкли, пожали

плечами и ушли из комнаты. В ней остались только Ибрагим Салем, Сарита и Юсуф. Он положил на столик горку золотых экю.

Сарита почувствовала сильное унижение. Ибрагим крикнул что-то, и в комнату вошел мужчина. В руках у него был ключ. С ее шеи сняли железный ошейник. Юсуф отдал что-то мужчине, и тот кивнул. Это «что-то» оказалось тонким кожаным плетеным ошейником с железным замочком, который мужчина не замедлил надеть на ее шею. Сарита вскинула руки в протестующем жесте:

— Нет! Снимите!

— Ты теперь принадлежишь калифу, — почти что искренне улыбнулся ей Ибрагим Салем, — а все его рабы носят такой ошейник, чтобы люди знали кому они принадлежат. Терпеть ты раба калифа, он хорошо за тебя заплатил.

Его глаза метнулись в сторону маленькой кучки золота, лежащей на столе. Юсуф бросил на нее бесстрастный взгляд и подал темный бурнус с капюшоном. Сарита надела его, скрыв тем самым свое веселое оранжевое платье и натянула капюшон на пышные волосы. Она вернется к Абулу. Но вернется его рабыней. Сарита прекрасно знала, что в мире есть свободные и несвободные люди. Сельские крестьяне были привязаны к земле и вследствие этого к ее хозяину. Он мог распоряжаться их трудом и их жизнями. Избавляясь от земли, он также избавлялся и от тех, кто эту землю обрабатывал. В городах все было несколько по-другому, но мужчины, женщины и дети также были привязаны к тем, кто покупал их рабочую силу, и пренебрежение этой связью влекло за собой тюремное заключение и даже смерть. Если кто-то не мог командовать другими, то попадал в рабство к тем, кто мог это делать. Это не всегда называлось этим словом «рабство», но по сути своей было именно им. И только такие племена, как ее, не были привязаны ни к земле, ни к хозяину. Никто не командовал ими, никто не распоряжался их рабочей силой. Они возили с собой свои скудные пожитки и шатры, и были связаны только внутренней клановой иерархией. Но Сарита из племени Рафаэля покинула свой клан, а потому перестала пользоваться его защитой. Мало того, она находилась сейчас в царстве, где рабство называлось именно рабством. Ее просто-напросто купили за кучку золота, заставили подчиняться законам, лишающим ее свободы передвижения, не говоря уже о свободе выбора.

Сарита последовала за Юсуфом и они вышли из дома Ибрагима Салема. На улице Юсуф оседлал ожидавшую его лошадь и дал понять Сарите следовать рядом. Она снова погрузилась в свой собственный мир, и теперь мысленным взором видела извилистую тропинку, заснеженные горные вершины, глубокую, безграничную синеву неба и линию горизонта, где оно встречалось с морем.

Видела то, как уходящее за горизонт солнце окрашивает небо в малиновый цвет и то сияние нежно-розового цвета, которым бывает охвачено оно в предрассветный час. Она видела это, а вовсе не заполненные толпами улицы, по которым шла. Не видела грязных хижин, оборванных собак и голодных котов, орущих детей и кланяющихся женщин.

Она не видела их, и поэтому они не видели ее — рабыню, идущую к своему хозяину. А видели женщину по имени Сарита, женщину из племени Рафаэля.

Наконец они вышли из города на дорогу, ведущую в Альгамбру. Тут народу было значительно меньше и идти было легче. Но Сарита не стала прибавлять шагу, а по-прежнему шла по обочине дороги, погруженная в свой собственный мир.

Они вошли в Альгамбру через ворота Правосудия.

Юсуф спрыгнул с лошади, а Сарита встала у стены, ожидая дальнейших указаний. Она не знала, где в этом дворце размещают рабов, не знала, кто управляет ими и какую работу ей предстоит делать.

Но в то же время она знала ответ на все эти вопросы… Если только Мули Абул Хассан не возненавидел ее после всего того, что она ему наговорила. Но если это так, то зачем ему было спасать ее, и знала, что сделал это именно он.

Если она была ему безразлична, он вполне мог оставить ее на произвол судьбы, а если хотел отомстить, то лучшей мести нельзя было и придумать. Юсуф отдал ей какую-то команду, и она пошла за ним, заметив, что теперь больше не привлекала к себе внимания солдат. И тут она осознала, что они идут по тропинке, ведущей в башню. Неужели ее снова поместят туда? Юсуф открыл калитку, и Сарита увидела царапины на двери. Ну, конечно! Ведь она заперла ее изнутри, поэтому им пришлось сломать замок! Юсуф распахнул дверь, и она вошла в башню, вспомнив о том, что, когда в последний раз он привел ее сюда, она закрыла дверь перед его носом. На этот раз он сам закрыл за ней дверь.

Сарита ждала, когда Юсуф повернет ключ в замке, но этого Юсуф не сделал. Да и вправду, куда может она теперь уйти? Все знают, что она принадлежит калифу.

Вокруг царила тишина. Все было так, будто она никогда не покидала этого места. Лампы были уже зажжены, на низком столике стоял кувшин с вином и корзина с хлебом. Тут же лежал круг овечьего сыра, оливки и финики. Подле стоял кувшин с водой, от которого поднимался пар. Было видно, что к ее возвращению готовились. Тут было все, чтобы она могла себя чувствовать удобно.

Сарита сняла капюшон и провела рукой по волосам. Неожиданно ее затопило чувство восхитительной безопасности. Она сложила ладони ковшиком и наклонилась, чтобы попить из фонтан. В этот момент в ее мягкую плоть впился кожаный ошейник. Как ужаленная, она быстро выпрямилась. На несколько минут она забыла про него.

Теперь снова холодное отчаяние пришло на смену облегчению. Ее охватила глубокая усталость, руки и ноги как будто налились свинцом. Она с трудом дошла до кувшина с водой, окунула в него полотенце и вытерла грязное лицо и руки. Кое-как ей удалось раздеться и смыть с тела грязь, налипшую во время побега и этих ужасных часов заточения.

Обнаженная, с чашей вина в одной руке и с финиками в другой, она почти прокралась на галерею.

Диван был убран новыми шелковыми покрывалами и подушками. Каждая шелковая вещица, которую она использовала для сооружения веревки была заменена новой. Сарита подошла к балкону.

Веревка все еще висела там, как немое напоминание о ее несчастье. Почему Абул не приказал убрать ее? Должно быть, чтобы еще раз напомнить ей о ее неудаче. Она висела там как бы в насмешку. Теперь она никогда больше не станет пытаться использовать ее. Так что не было никакой необходимости убирать ее, как и запирать дверь.

Теперь замки были в ее собственном сознании, и они были прочнее, нежели любые иные. Она поняла, кто она. Кучка золота в полутемной комнате Ибрагима Салема сказала ей об этом. А мягкий кожаный ошейник на шее заявлял имя ее владельца — на его замке была выбита

эмблема Мули Абула Хассана.

Глава 13

Когда Абул пришел в башню, было раннее утро. Он тихо закрыл за собой дверь. Стояла полная тишина и он прислушался, стараясь уловить хоть какие-то признаки жизни. Он знал, что она должна быть здесь. А где же еще ей быть?

— Сарита!

Ответа не последовало. Он на цыпочках поднялся наверх. На диване лежало смятое покрывало и подушки.

— Сарита! — он снова и снова повторял ее имя.

Но ответа не было, и Абул пошел дальше, в глубь галереи и тут же увидел ее. Она стояла в своем оранжевом платье на балконе, наблюдая как медленно поднималось солнце.

— Что ты здесь делаешь? — он тихо встал позади нее.

Она повернулась к нему, и он почувствовал нечто подобное угрызению совести. Она была необычайно бледна, а глаза ее на бледном лице казались бездонными колодцами скорби. Она схватилась за кожаный ошейник.

— Сними его, — попросила она. — Я не могу его носить. Ты должен снять его.

— Он нужен для того, чтобы защитить тебя, — ответил он, стараясь ожесточить свое сердце, для чего вспомнил насмешки, которыми она осыпала его перед побегом. — Если тебе снова удастся отсюда бежать, то тот, кто найдет тебя, вернет мне.

Так что больше ты никогда не будешь добычей торговца рабами, а будешь принадлежать мне столько времени, сколько я захочу. — Теперь он ранил ее так же, как и она его, и на какое-то мгновение он почувствовал нечто вроде удовольствия.

— Я не принадлежу тебе. Я никому не принадлежу, — но голос ее был тусклым и неубедительным.

Ее пронзила дрожь.

— Сними его, я не могу этого вынести.

— А чего ж ты ждала? — он положил руку ей на плечо. — Чего ж ты ждала, Сарита? Ты ведь достаточно ясно дала мне понять, что думаешь обо мне и моем народе, о наших традициях и верованиях, наших законах и ритуалах. Ты ведь и не могла ждать от меня ничего, кроме такого вот варварства. Ведь это так, не правда ли? Ты употребляла это слово необычайно часто.

Какое-то время она была не в силах отвечать ему, и стояла, прижав руку к горлу, видя боль и гнев в его глазах, слыша их в его голосе. К ней вдруг пришло осознание того, что она потеряла любящего, тонко чувствующего человека, которого уже успела полюбить.

— Если я могу с такой дикостью обращаться с моей женой и сыном, то почему с тобой должен обращаться иначе? Всякий, попавший в мой мир, неминуемо должен столкнуться и с его варварством. Если я всегда беру то, что хочу, то почему относительно тебя у меня должны возникнуть какие-то угрызения совести?

В его словах Сарита с горечью узнала свои, осознав, что у нее есть возможность сейчас исправить содеянное. Возможно, он не поверит ей, не перестанет видеть ее в том свете, в котором видел сейчас, но по крайней мере она сможет восстановить утраченную гармонию внутри себя.

— Я не имела в виду ничего из того, что сказала тогда. С тех пор я все время мучаюсь сознанием той боли, что причинила тебе. Я наговорила тебе все эти ужасные вещи просто потому, что у меня не было выбора.

Он нахмурился:

— Но почему?

Сарита снова в отчаянии покачала головой.

— Как, ну как могла бы я бежать, если бы ты делил со мной в ту ночь ложе? Мне было необходимо отвратить тебя от себя, и это было единственным способом, которым я могла это сделать. Я знала, что ты воспринимаешь беды с Айкой и Бобдилом необычайно близко к сердцу, и, затронув эту тему, могла достичь своей цели, — она пожала плечами. — Ну, а остальное я добавила просто в запале. После того, — что я уже сказала, ничего не менялось.

Абул прикрыл глаза и глубоко вздохнул — его переполняла огромная радость. Почему он не видел всего этого? Как мог быть таким слепым, так неверно судить о ней?! Почему не верил своим первоначальным впечатлениям? Он нисколько не сомневался в правдивости ее объяснения — оно отлично совпадало со всем тем, что он уже знал о ней, подходило ее мятежной натуре. Она, наделенная таким умом, несомненно сумела бы найти верное средство, чтобы отринуть то, что он по своей слепоте навязал ей.

Он взялся за ее ошейник, отстегнул его и он полетел в ущелье.

Сарита следила за его падением, а руки ее стискивали шею, а в глазах стояли слезы.

— Я и не собирался заставлять тебя носить его больше, чем несколько часов, — тихо сказал Абул, гладя ее по спине, — но я был очень зол на тебя, и хотел ранить так же, как сделала это ты. — Она и на этот раз промолчала, но спина ее расслабилась, будто бы непреклонность отчаяния, наконец, ее оставила.

— Почему ты не хочешь остаться со мной, Сарита? — спросил Абул, осознав, что в первый раз задает такой вопрос — ведь ответ на него мог причинить ему только боль. В первый раз Абул постарался понять Сариту из племени Рафаэля, увидеть вещи ее глазами, вместо того чтобы внушать себе, что рано или поздно она поймет ошибочность своей точки зрения и примет его единственно верный взгляд на мир и взаимоотношения людей.

Он ждал ее ответа.

Она медленно повернулась к нему. Лицо ее снова было лицом живого человека, в глазах зажегся страстный огонь.

— Неужели ты не понимаешь? Я вовсе не хочу покидать тебя, но я должна знать, что имею такую возможность.

С его глаз сошла пелена. Так значит, все это время, веря в то, что удерживает ее, он, по сути дела, принуждал ее отринуть те чувства, которые у нее возникали по отношению к нему, в

результате чего в ней только крепла решимость оставить его.

Она придет к нему только в том случае, если он даст ей свободу. О, каким же слепцом он был и как же заслуженно пострадал за это. Сарита не принадлежала его народу, и именно своей непохожестью на женщин его народа она и привлекла его вначале.

А он обращался с ней так, будто она была женщиной того типа, который он хорошо знал, приписывая ей верования и мысли, которых у нее никогда не было. Он использовал с ней ту тактику, которая, безусловно, сработала бы с женщиной его народа, но с ней могла иметь только обратный эффект.

Он почти потерял ее из-за своей слепоты, он, который так гордился своей мудростью, дальновидностью и пониманием разницы во взглядах у различных народов. Он вел себя подобно зеленому юнцу, прислушивающемуся только к зову собственного тела.

Какое-то время он молчал, глядя на столь притягивающие ее горы. Затем посмотрел на нее. Она была в своем оранжевом платье, как всегда, подчеркивая этим свою независимость.

Ноги ее были босы, и он пошел на галерею в поисках кожаных чулок. Он нашел их на оттоманке и принес ей. Огонь в ее глазах погас, и в их глубинах Абул прочитал одновременно и разочарование, и грусть по поводу того, что он не ответил на ее призыв.

— Надень это, — он протянул ей чулки.

— Зачем?

— Потому что я тебе велю это сделать. Двенадцать экю дают мне на это право. Надень их.

Он хотел рассмеяться, прижать ее к себе, зацеловать, но теперь он не сделает первого шага… не сделает до тех пор, пока между ними не наладятся такие отношения, какими они должны быть. Кроме того, у него был хороший план и этот план наполнял его глубокой радостью.

Она взяла чулки и пошла на галерею. Он с удовольствием смотрел на то, как она натягивала их на свои стройные ноги, застегивая пуговицы на талии. Затем она одернула платье и также молча встретила его взгляд.

— Иди за мной, — сказал он, подходя к лестнице.

Сарита пошла за ним. Она не видела причин для отказа. Сделав заявку, она проиграла. Так разве что-нибудь может теперь для нее иметь значение?

Они пришли во дворик крепости и Абул что-то тихо сказал офицеру, после чего тот ушел, а калиф надолго задумался. Сарита стояла рядом с ним, чувствуя ласковое солнышко на своей многострадальной шее, и невыразимая усталость переполняла ее, усталость человека бессильного что-либо изменить.

Она несколько рассеялась после того, как во дворике возникла невообразимая суматоха. Со стороны крепости появились вооруженные люди в шлемах, из конюшен вывели лошадей, и одной из них оказалась та серая в яблоках лошадка, на которой Сарита уже однажды ездила.

— Садись, — сказал Абул, но не стал дожидаться ответа, а поднял ее и водрузил на лошадь, после чего оседлал своего великана.

На этот раз эскорт их был еще многочисленней, и среди него не было мулов, нагруженных всем необходимым для обеда. Они выехали на дорогу и повернули на северо-запад. Узкая тропинка бежала в сторону от Гранады, и Абул продолжал хранить молчание.

Наконец Сарита не выдержала.

— Куда мы едем с таким сопровождением? — голос ее был хрипловатым от долгого молчания.

— В Кастилию, — ответил он будничным голосом.

Сарита удивилась:

— В Кастилию? Но ведь это несколько дней езды.

Он кивнул:

— Безусловно, это далеко, но по пути туда нам окажут гостеприимство, а наш эскорт достаточно большой, чтобы не бояться бандитов, так что тебе совершенно нечего опасаться.

— Но почему? Почему мы едем в Кастилию? — Сарита чувствовала себя так, будто плыла по темной воде заросшего пруда. Все казалось ей каким-то бессмысленным. Ведь он снял с нее ошейник рабыни, нежно разговаривал, и, похоже, принял ее извинения, а теперь избавляется от нее, заставляя принимать участие в какой-то странной экспедиции, объяснения которой она не находила.

Абул посмотрел на нее, храня спокойное выражение лица.

— Прости меня, но у меня создалось явное впечатление, что ты желаешь вернуться в Кастилиб. Так что я везу тебя туда. Ты не можешь путешествовать в одиночку, по-моему, это-то ты себе уяснила.

— Ты везешь меня в Кастилию… к границе… из своего королевства? — она все еще старалась выбраться из потемок и что-то понять.

— Я везу тебя к границе. И там оставлю. У тебя будет лошадь и, кроме того, я дам тебе кошелек с золотом и человека, чтобы он проводил тебя до ближайшего города. Больше я ничего не могу для тебя сделать. Но ты окажешься на своей собственной земле.

Так значит, наконец, Абул понял ее!

Ее переполняло счастье. Потом она вздохнула, стараясь привести в порядок мысли и заговорила:

— Если… допустим, я решу, что сегодня не хочу ехать в Кастилию, то ты разрешишь мне это сделать тогда, когда я захочу?

— В любое время, Сарита, — он повернулся к ней и в его взгляде Сарита увидела теплоту, любовь и желание. Она поняла, что он кладет к ее ногам то, чего не дарил никогда и никому — свободу. Этот человек никогда раньше не отпускал от себя то, чего желал, но в данном случае собирался сделать именно это.

Когда б ты не захотела поехать в Кастилию, к твоим услугам будет эскорт, лошадь и кошелек. Тебе придется только сказать о своем желании.

mir-knigi.org

Сариту переполняла радость.

— Мне кажется, кажется… сегодня не очень подходящий день для такого путешествия. Может разразиться гроза, как ты думаешь? В небе висит какая-то свинцовая тяжесть.

— В самом деле, по-моему, да, — согласился он серьезно, Абул чувствовал сейчас невыразимое облегчение. Он рискнул и выиграл. Хотя, может быть, его поступок вовсе и не был таким рискованным.

Ведь Сарита много раз говорила о том, что ему надо делать, просто он не понимал этого раньше. Теперь понял, что слишком боялся потерять ее.

— Так ты хочешь вернуться в Альгамбру? — спросил он ее таким же серьезным тоном, как будто бы все внутри него вовсе не пело, а кровь не бурлила от радостного предчувствия.

— Сегодня — да, — ответила она, — думаю, что сейчас я хочу вернуться.

Абул вывел лошадь на крутую тропу, и окликнул эскорт, который молча сошел с дороги, пропустил калифа и его спутницу и поехал позади них.

— И что ты хотела бы сделать, когда мы вернемся? — спросил немного погодя Абул.

Сарита бросила не него озорной взгляд.

— Посетить бани, мой господин калиф. Я хотела бы восстановить в душе и теле необходимую гармонию.

Он весело засмеялся.

— Я тебе это обещаю.

Она кивнула. Тело ее отозвалось на его слова пульсирующим возбуждением, а глаза расширились, Абул рассмеялся, отлично понимая, что с ней сейчас происходит.

— Попытайся думать о чем-нибудь другом.

Сарита начала считать кисточки в лошадиной попоне. К счастью, их было очень много, так что считала она долго. Она несколько раз начинала это делать сначала, поскольку не была уверена в том, что не пропустила ни одной. Абул, улыбаясь ехал рядом.

Когда они всего лишь через час после своего отъезда прибыли в Альгамбру, Абул сказал Сарите:

— Иди в башню, Кадига и Зулема будут тебе там прислуживать. Позавтракай, а потом приходи в бани. И вот еще что — я буду очень рад, если ты вместо этого платья наденешь что-нибудь другое, — он улыбнулся и коснулся ее рта кончиком пальца. — Ну так ты сделаешь это для меня?

— Ты считаешь, что это платье мне не идет? — спросила она, подняв брови, но оно мне так нравится, мой господин калиф.

— Да, я это заметил, — ответил он, — но ты его так давно носишь…

Сарита вспомнила обо всем том, что ей пришлось в нем проделать — свой спуск в ущелье,

провести ночь под звездами, долгие часы, проведенные в тюрьме.

— Возможно, его следует постирать перед тем, как надеть снова, — сказала она.

— Да, наверно, серьезно отозвался Абул. Он уже повернулся, чтобы уйти, но вдруг понял, что она оглядывается по сторонам, явно чего-то ожидая.

— Ну что еще? — спросил он, ожидая он нее какой-нибудь очередной проказы.

— Да, но где же Юсуф? — невинно спросила Сарита. — Он всегда провожает меня в башню.

— А ты разве туда дорогу не знаешь? — ответил Абул столь же невинно, подыгрывая Сарите. — Насколько я припоминаю, на днях ты сумела найти дорогу сюда. Но если ты настаиваешь, я сейчас найду кого-нибудь, кто проводит тебя. И он поднял руку, призывая к себе одного из солдат.

— Возможно, я сумею найти дорогу, — поспешила заверить его Сарита. — Кипарисовая аллея идет к миртовому дворику, не так ли?

Абул кивнул:

— Но ты совершенно уверена в том, что не потеряешься?

— Совершенно, мой господин калиф, — и она церемонно поклонилась ему, не удержавшись, однако, от ухмылки.

— Ну, так до встречи, — повторил он и быстрыми шагами вышел со двора.

По возвращении Сариты в башню туда тотчас же пришли Кадига и Зулема. По началу они смущались, не зная, как с ней обращаться. Весь дворец знал о случившемся, и Сарите было ясно, что они не были уверены в ее теперешнем статусе.

— Помогите мне выбрать платье, — сказала она весело, устремляясь к лестнице. — Я должна встретиться с господином Абулом в банях, и хотела бы надеть что-нибудь другое. — И она показала на свое платье. — И, наверно, стоит надеть: туфли. Ты расчешешь мне волосы, Зулема?

Женщины обменялись взглядами и вся неопределенность ушла. Наконец-то, чуть ли не в первый раз после своего прибытия в Альгамбру, Сарита стала вести себя понятным для них образом. Они проводили ее наверх.

— Где вы были?

— Куда вы ездили? — спросила Кадига, перебирая платья.

— Вы и вправду спускались по веревке с балкона?

— Да, — сказала Сарита, — веревка все еще там.

Зулема с опаской приблизилась к балкону. У нее челюсть отвисла, когда она увидела веревку из шелка, все еще свисающую с перил.

— И ты карабкалась по ней, Сарита? Но это же немыслимо, ты могла убиться!

— Не убилась же, — весело ответила Сарита, — как видишь. — И она с серьезным видом стала перебирать предложенные Кадигой платья. — Не знаю, у меня совсем нет опыта в таких вещах. Какое будет лучше, как ты думаешь, Кадига?

— Если ты хочешь понравиться господину Абулу, то я думаю что подойдет любое платье, потому что их выбирал он сам.

— Так они… они, — пробормотала Сарита, почему-то находя это необычайно забавным и в то же время приятным. — Ну, решайте сами. Я ужасно голодная.

— Кто-нибудь принесет еду?

— Да, конечно, — сказала Кадига в своей обычной ровной манере, — давай я помогу тебе раздеться. — И она развязала ей лиф, удивляясь плачевному состоянию саритиного платья:

— Что ты в нем делала, Сарита?

Она рассмеялась, чувствуя на сердце необыкновенную легкость.

— Если б я тебе рассказала, Зулема, ты была бы просто в шоке. И, наверно, не поверила бы мне. — О, это кто-то несет еду.

— Этот хлеб пахнет просто необыкновенно, — и она сбежала вниз и схватила намазанную маслом булочку из корзины, улыбнувшись принесшей ее женщине. При виде этого огненно-рыжего создания, на котором не было ничего, кроме прозрачного халатика, женщина пришла в полное замешательство.

— Благодарю вас, — пробормотала Сарита с набитым ртом, вновь посмотрев на поднос. Там была миска с йогуртом, мед и чайник с жасминовым чаем, который здешние жители находили столь освежающим.

Погрузив ложечку в йогурт, Сарита решила, что они правы — даже запах этого чая был необыкновенно освежающим.

— Ну что, ты нашла что-нибудь, Кадига? — она опять побежала наверх, слизывая с ложечки йогурт.

— Вот это… для бань, — Кадига держала в руках платье из шелка цвета лаванды. Оно было простым по покрою и не имело никаких других украшений, кроме коралловых бусин, пришитых к вырезу.

— О да, оно замечательно пойдет мне, — Сарита отставила чашку с жасминовым чаем и сняла халатик. Платье превосходно облегало ее фигуру и несмотря на простоту, подчеркивало пленительность ее линий.

— Давай я причешу тебе волосы, — сказала Зулема, — они так спутались. Завязать сзади бант или не надо?

— Нет, — сказала Сарита. Ей казалось, что Абулу больше нравилось, когда ее волосы были распущены. Он никогда не говорил ей об этом прямо, но потому, как он касался их и убирал с ее лица, она поняла, что это так.

— Давайте побыстрее. Мне уже пора идти.

— Мы проводим тебя, — сказала Кадига.

— О, в этом нет необходимости. Я знаю дорогу.

— Но так положено, — заупрямилась Кадига, — мы — твои служанки.

Сарита пожала плечами. Теперь, когда на ней была одежда Альгамбры, идти в сопровождении служанок было совершенно естественно.

— Хорошо, тогда пойдемте, но голову я закрывать не буду.

— Если господин Абул не настаивает на этом…

— с сомнением пробормотала Зулема.

— Господин Абул ни на чем не настаивает, — решительно заявила Сарита.

В глазах женщин она прочитала недоверие к своим словам, но не стала на это обращать внимание. То, что случилось, невозможно было объяснить, что связывало Мули Абул Хассана и Сариту из племени Рафаэля, — эти женщины никогда б не поверили ей.

Все внутри у Сариты пело, когда они вышли из башни. Она подумала о Сандро… Вспомнила то, что чувствовала тогда, когда спешила к нему на одно из тайных свиданий. Она чувствовала тогда то же волнение, от которого сердце почти цепенело, то же предвкушение счастья, но никогда ее чувства к нему не были окрашены радостной легкостью, никогда ей не хотелось петь и плясать, думая о предстоящей встрече. Она любила Сандро. И сохранила в себе теплое воспоминание о разделенной страсти. Его трагическая смерть никогда не будет ею забыта, это Сарита знала точно, но ее жизнь не может и не должна быть омрачена ею всегда. Ее любовь к Сандро не имела никакого отношения к ее чувствам к Абулу. Любовь, которую она делила с Сандро, была чем-то совсем другим, она была ее частью, вошла к ней в плоть и кровь, и в каком-то смысле имела самостоятельную ценность, неотделимую от нее самой.

Служанки проводили Сариту в зал омовений.

Как и раньше, идя по залитым зеленым светом залам, они никого не встретили на своем пути.

— Мы оставим тебя здесь, — сказала Кадига, когда они дошли до главной залы.

Сарита поискала глазами хранительниц бань, но их нигде не было видно, и когда Кадига и Зулема ушли, она осталась совершенно одна в этом тихом и располагающем к отдыху, месте. Одиночество и тишина оказали на Сариту любопытный эффект и она погрузилась в размышления о том, что должно было вскоре произойти с ней. Именно для этого и были предназначены подобные моменты и, действуя неосознанно, Сарита сняла платье и теперь стояла обнаженная, чувствуя, как набухают ее соски, а тело наполняется желанием. Она подняла руки и томно потянулась;

Абул любовался ею, стоя за колонной. Никогда раньше он не думал, что одно только лицезрение женского тела способно так сильно возбудить его.

Абул буквально впитывал в себя каждый изгиб ее совершенного тела. Он и раньше видел ее обнаженной, но сегодня ее нагота как бы была более полной, поскольку Сарита находилась наедине сама с собой.

Как же ты прекрасна, — сказал он, выходя из-за колонны.

Сарита подбежала к нему: глаза ее сверкали, а на губах играла легкая улыбка.

— Как нелюбезно с твоей стороны — прятаться в присутствии раздетой женщины.

— Может быть, но это доставило мне столько удовольствия.

Абул подошел к ней, взял за руки и притянул к себе и прижался губами к ее губам. Сарита, наконец, позволила себе отдаться своему чувству, и вложила в этот поцелуй всю свою страсть.

Его тело напряглось, и Сарита почувствовала, что в ее живот уперлось его древо.

— Сними одежду, — прошептала она, — я не чувствую тебя полностью.

Абул на секунду удивился ее прямоте, хотя и понимал, что она не была девственницей, но не ожидал от нее такой раскрепощенности и доверия.

Он думал, что она будет более сдержанной, но, глядя ей в глаза, горящие неукротимым желанием, улыбнулся и быстро сдернул с себя бурнус.

Сарита удовлетворенно вздохнула.

— Я столько раз хотела прикоснуться к тебе, — призналась она, водя ладонями по его соскам и низу живота. — Когда мы были здесь в последний раз, мне было так трудно сдержать себя. А вот ты… — И она посмотрела на него с печальной улыбкой:

— А ты, похоже, был абсолютно безразличен к моему телу. Я боялась, что перестала для тебя быть желанной, боялась ужасно.

Абул нахмурился, стараясь вспомнить, о чем она говорит. Вспомнив же, он разразился неудержимым смехом.

— Это, святая невинность, было связано с тем, что я провел с Фатимой значительное количество времени. После той ночи с тобой я чувствовал себя отвратительно.

— А-а… — она кивнула и положила руку ему на живот, чувствуя непроизвольное сокращение его мышц, затем ее рука скользнула между его бедер.

— Но сегодня, похоже, таких трудностей у нас не будет.

— Никаких, — согласился он и дыхание у него участилось, — наоборот. Пойдем в бани, пока мы… или скорее я… приму незрелое решение. Улыбаясь, Сарита отняла руки от его тела.

— Мне просто не верится, мой господин калиф.

Неужели вы теряете контроль над собой?

— Обычно со мной такого не происходит, — сказал он, целуя ее ладони, — но ты, моя Сарита, оказываешь на меня странное воздействие.

Ноги Сариты заерзали по прохладным плитам — желание в ней стало совершенно неукротимым.

mir-knigi.org

— Возможно, нам следует принять ванны позднее.

— Нет, — твердо сказал Абул, — я и так жду всю жизнь, так что готов подождать еще немного. Пойдем. — И он подвел ее к краешку мраморной ванны, наполненной горячей водой.

Сарита скользнула в воду и теперь смотрела на Абула, устроившегося напротив. Она вытянула ногу и провела ею по его ноге — снизу доверху.

— Мне кажется, нам не стоит сегодня принимать холодную ванну, — заметила она рассудительно.

— Нет, мы должны пройти через все стадии, — отозвался он лениво, подставляя свое тело кончикам пальцев ее ног.

— Но, боюсь, холодная вода приведет к тому, что мы совершенно съежимся, — сказала она с видом, в высшей степени озабоченным, в то время как ее ноги делали свое дело.

— Скорее к этому приведет воздействие подошв твоих ног, — парировал Абул, внезапно хватая ее ноги. — Ладно, довольно озорства, иди сюда. — Освободив ее ноги, он потянулся к ней, и вот она уже сидела между его коленями. — Так-то лучше. — Он просунул руки под ее груди, поднимая их высоко-высоко, и стал перекатывать отяжелевшие соски между пальцами, увеличивая давление так что, в конце концов, она застонала, изогнувшись, желая продолжения ласк.

— Встань на колени, — тихо приказал он ей, и руки его заскользили по ее животу, пока не затерялись в шелковистом треугольнике. Она повиновалась и Абул раздвинул ее бедра, чтобы она могла получить наслаждение от ласк, которые производила вода и его пальцы. Потом он притянул ее к себе и положил поперек своих коленей, так что тело ее открылось для его освоения и довел ее практически до беспамятства — для нее водная стихия была теперь неотделима от мужчины, и эта стихия ласкала и держала ее, поднимая к вершинам блаженства.

На этот раз разум не запрещал ей получать удовольствие, и она полностью отдалась ему.

Абул держал ее до тех пор, пока тело ее не перестало трепетать. Она открыла глаза, улыбнулась, погладила его по лицу.

Похоже, я вся растворилась.

Абул тихо рассмеялся:

— Ничего, на следующем этапе ты опять соберешься.

— О нет! — она попыталась вскочить, но он удерживал ее за ноги, — неужели ты собираешься…

— Ну, конечно, прервал он ее, вставая.

— Но ты же весь съежишься, — сказала Сарита, наполовину смеясь, наполовину плача, — в твоем состоянии это не может принести тебе пользы, Абул.

— Похоже, ты совсем в этом ничего не понимаешь. Пойдем, нырнем быстренько разочек и все будет кончено.

— Нет, я не могу, я так чудесно расслабилась.

— Именно из-за того, что ты расслабилась, это так будет для тебя хорошо, — постарался он объяснить, — а для меня, верно, противоположное. Я слишком возбужден и должен немного охладиться, в то время как ты — взбодриться. Пойдем, и покончим с этим.

— Но я не хочу, — сказала она почти с мольбой, — прошу тебя.

Абул покачал головой.

— Я уже говорил тебе, что никогда не буду принуждать тебя к тому, чего ты не хочешь, дорогая. Но я бы хотел, чтобы ты верила моему суждению, потому что я действительно знаю, как сделать так, что удовольствие от бань было максимальным. — И он плюхнулся в ванну с холодной водой, чтобы мгновенно выскочить из нее.

Сарита встала, решительно подошла к краю холодной ванны, прикрыла глаза и прыгнула. Ноги ее коснулись дна, и она с визгом выпрыгнула из воды.

— Какое превосходное зрелище! — Абул наклонился, чтобы помочь ей подняться. Он набросил на нее полотенце и стал энергично растирать ее кожу.

— Почему ты передумала?

— Потому что подумала, что должна доверять тебе, — сказала она прерывающимся голосом — у нее зуб на зуб не попадал. — Но я так прекрасно чувствовала себя раньше, а теперь вся холодная и проснувшаяся.

— Тебе и надо быть бодрой, — сказал он, — ведь мы едва только начали. Или ты решила, что пора немного соснуть?

— Ну не совсем так, — и она кончиком полотенца стала сосредоточенно тереть его бедро, — но это было такое сильное ощущение, скажу я тебе.

— Я знаю, — он стоял, а она растирала его так же энергично, как он только что ее, теперь нам опять будет тепло.

— В том месте, где невозможно дышать? — но Сарита все же пошла за ним, — а где же служительницы бань?

— Я почему-то подумал, что они нам могут помешать, — Абул вытянулся на мраморной скамье, застеленной полотенцем. — Лежи тихо и дыши.

— Я могу делать первое, но не второе.

— Не разговаривай!

Улыбнувшись самой себе, Сарита вытянулась на скамье. Абул был удивительно прямодушен.

Только что он занимался изысканнейшей любовью, и вот теперь велел ей лежать тихо и плавиться, потому что именно это сейчас надо было делать.

Сарита уже не оспаривала то, что занятие любовью и парную он воспринимал, как нечто сравнимое между собой. Вероятно, в таких вещах Абул понимал гораздо больше нее, потому что до сих пор не делал ошибок.

— Я уже превратилась в лужу, — сказала она через пару минут, — и если останусь здесь еще, то тебе придется либо стирать меня полотенцем со скамьи, либо наливать в кувшин.

Абул медленно встал.

— Пойдем в следующую комнату.

В соседней комнате он вылил на нее несколько кувшинов с прохладной водой. Сарита с радостью подставляла ему каждую клеточку своего тела, которое под воздействием холода возвращалось к жизни. Потом она взяла следующий кувшин и тоже облила его.

— Наклонись немного, — сказала она смеясь, — а то я не достаю до твоих плеч и не могу поэтому вылить на них воду.

Абул сделал так, как она сказала. Внезапно она подошла к нему, сжав его кисть и прислонившись к его ягодицам. В ощущении слитности их прохладных, мокрых тел было нечто удивительно изысканное. Удовлетворение после первой ванны прошло, и истома сменилась возбуждением. «О да, несомненно, — решила Сарита, — баня и занятия любовью вполне совместимы».

Абул снова притянул ее к себе. И поцеловал, держа ее на вытянутых руках, так что они соприкасались только ртами, и все их ощущения были сконцентрированы на их слившихся устах.

Когда же, наконец, они оторвались друг от друга, в них снова разгорелась страсть.

— Я хочу смазать тебя маслами, — тихо сказал Абул, ведя ее в комнату отдыха, — и использовать стригиль. А потом сделаешь со мной то же самое.

Сарита кивнула, будучи снова очарованной красотой холла и мелодичной музыкой, льющейся с балкона. Атмосфера холла как бы специально создавала затишье в страсти… затишье перед бурей, Она вытянулась на мягком диване и закрыла глаза, вдыхая тонкий аромат масла, разогреваемого Абулом на лампе. Она чувствовала его сильные и нежные руки на своей спине, расслабляющие и все же будоражащие, лениво повернула голову и вдруг вспомнила, когда была здесь в последний раз, когда проснувшись, увидела перед собой лицо главной жены калифа, наблюдающей за ней во время ее сна.

— Сколько у тебя женщин, спросила она просто, — я имею ввиду, в Альгамбре. — На мгновение руки на ее спине остановились, чтобы через секунду продолжить свою работу.

— В Альгамбре много женщин.

— Нет… ну ты же знаешь, о чем я. Сколько женщин обслуживают тебя, если можно так выразиться.

Если бы Абул ответил на этот вопрос так же просто, как и был ею задан, она, возможно, перестала бы проявлять любопытство. Сарите вовсе не показалось, что ее вопрос невежлив. В конце концов, она же примерно знала… Однако Абул счел этот вопрос одновременно невежливым и необязательным.

— А почему тебе хочется об этом знать, Сарита?

В его голосе была какая-то нотка, в которой Сарите послышался вызов.

Как обычно, Сарита с волнением восприняла этот его вызов.

— Ну, я просто хотела узнать, велика ли твоя конюшня и какой у меня порядковый номер — ох!

Она мгновенно скатилась с дивана, вскочила на ноги и уставилась на него, одной рукой потирая ягодицу.

— Ты специально сделал это! Это уже не похоже на игру!

— Пожалуй, да, — он вытер масляные руки о полотенце, — хотя я и сам себе удивляюсь, но более неподходящего вопроса ты задать не могла.

— О, да? — она приблизилась к нему и Абул усмехнулся, узнав в ней признаки прежней разгневанной Сариты.

— Ну так позвольте мне объяснить вам, мой господин калиф, что там, откуда я родом, женщинам не приходится соревноваться друг с другом за внимание мужчины. И поскольку я нахожусь сейчас в этом странном месте…

— По своему собственному желанию, — пробормотал он.

— Да, — нетерпеливо согласилась она. — Но поскольку я здесь, то думаю, что имею право знать, каково мое положение. — Она слегка толкнула его в грудь и отпрыгнула, глядя на него глазами, горящими негодованием.

Никогда еще такого в зале отдыха не происходило — заметил Абул, принимая ее вызов. Он наклонился, чтобы схватить ее, но Сарита, скользкая от масла, сумела увернуться, и побежала, визжа от страха. Пока они бегали друг за другом за колоннами, с балкона все еще лилась музыка. Сарита убегала от него, то поворачиваясь спиной, то прячась за колонну, чтобы мгновением позже продемонстрировать ему свои твердые груди и плоский живот.

Он поймал ее тогда, когда решил, что пора это сделать, попросту изменив направление своего движения. Однажды он уже проделывал с ней то же самое;

— Тебе следовало бы извлечь уроки из прошлого, — сказал он, прижав ее к себе.

Сарита тяжело дышала, но сосем не из-за того, что только что ей пришлось побегать. Затем, повинуясь какому-то порыву, уперлась головой в его руку, попытавшись таким образом вырваться на свободу. Абул в ответ на это, рассмеялся, схватив ее еще крепче другой рукой, и приподнял над землей.

— Да, такого здесь еще не происходило, — снова повторил он, неся ее на диван. Он был полон предвкушением, пожалуй, так же, как и она.

Сарита откинулась на диван, но ноги ее непроизвольно обняли его талию. Целая гамма чувств сменилась в ее душе, но восторг, который она испытывала от того, что больше ей не нужно было скрывать и подавлять свои чувства к Абулу — это было самым главным. И она еще крепче сжала ноги на его талии, притягивая его к себе.

— Я намеревался еще немного отдохнуть, — прошептал Абул, — но, похоже, ты лучше знаешь, что хочешь, моя Сарита. Ты уверена, что готова? — Он и так видел по ее глазам, а если б даже сомневался, то все равно не смог бы ничего сделать, так как ее ноги сжимали ему ягодицы.

mir-knigi.org

С радостным стоном он вошел в нее, чувствуя, как бархатные стенки ее естества смыкаются вокруг его стержня — она с радостью приняла его.

— Люби же меня, — раздался требовательный шепот, Абул, милый, люби меня.

— С радостью, — прошептал он в ответ и через мгновение забыл уже обо всем на свете, кроме нее, забыл, чтобы осознать, что, наконец-то, обрел то, отсутствия чего даже не понимал… то, ради чего готов был отречься от чего у годно… за что готов был отдать свою жизнь.

Глава 14

— Господин Абул идет. Он уже в львиным дворике, — сказал маленький мальчик, высмотревший калифа через жалюзи окна, выходящего на Двор.

Это сообщение было встречено шелестом юбок и возбужденным шепотом. Только Сарита осталась неподвижной. Она сидела на диване в самом темном углу комнаты.

Женщина, с которой она только что разговаривала на ломаном арабском, улыбнулась, извинилась за то, что приходится прерывать урок, и встала, чтобы подойти к зеркалу, у которого уже толпились другие женщины. Все они поправляли волосы и одергивали платья.

Сарита наблюдала все это с удивлением. Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как она оказалась в Альгамбре, но так и не смогла полностью понять и принять отношение женщин к Абулу. Для них он был неким верховным существом, его появление с трепетом ожидали и после обсуждали до бесконечности. О его здоровье и настроении подолгу спорили. Среди них было и соперничество, но оно редко приводило к ссорам. Саму Сариту здесь приняли с интересом и расценили, как оригинальное дополнение к их обществу. То, что она, несомненно, была фавориткой их господина, казалось, никого не беспокоило. Они жили своей жизнью — ленивой и праздной, жизнью, которую оживляли только сплетни. Долгие часы они проводили, слушая музыку, играя и наслаждаясь омовениями в банях, а также заботясь о детях, но истинный смысл их жизни был в таких вот визитах калифа, «'Это было верно в отношении всех, — думала Сарита, — за исключением Айки». При этой мысли глаза ее остановились на статной фигуре жены Абула. Айка сидела вместе со своим сыном; узнав о скором прибытии калифа, она посадила его рядом с собой, и теперь что-то шептала ему на ухо и гладила по голове. Выглядело это так, будто она пытается успокоить и убедить его в чем-то, однако, мальчик почему-то казался более напуганным, чем до сих пор. Айка не довольствовалась своим положением и явно хотела большего. Это Сарита поняла сразу же, как только они познакомились. У Айки были собственные планы и она отлично знала, чего она хотела. И Сарита думала, что у Айки, пожалуй, хватит решимости и изобретательности, чтобы претворить эти планы в жизнь. Она предложила Сарите дружбу, и Сарита приняла ее без вопросов, в то же время избегая доверительных бесед. Когда же, как-то раз Айка попыталась начать с ней обсуждать отношение Абула к Бобдилу, Сарита нашла в себе силы, чтобы решительно пресечь эту попытку и переменила тему разговора.

Айку, казалось, это не задело, и она продолжала быть дружелюбной с испанкой, но иногда Сарита ощущала в ней нечто такое, что заставляло ее тревожиться. Сарита была уверена в том, что другие женщины бояться Айку и что она имеет реальную власть над обитательницами сераля. Внезапно у Сариты создалось впечатление, что эта власть распространяется и за его пределы. Нет, Айка совсем не походит на других женщин. «Она определенно имеет большое влияние, — решила Сарита, — и не только на сына.»

Размышления Сариты были прерваны — снизу раздался голос Абула. Как и всегда, при звуке

его голоса, сердце ее забилось сильнее, и губ коснулась невольная улыбка. Она ждала его с того самого момента, как о его прибытии возвестил колокол.

Его не было целых две недели — он ездил в Танжер.

О, как же бесконечно долго тянулись для Сариты эти 14 дней! Остальные женщины пошли к двери.

Только Айка осталась на месте, хотя и встала с дивана. Бобдил держался за ее юбку, словно был не высоким 12-летним мальчиком, а 6-летним малышом.

Сарита осталась сидеть. Если колокол принес весть о возвращении Абула, то, возможно, ей стоит вернуться в башню и обождать его там, но свойственное ей упрямство заставило ее продолжать урок арабского с добросовестной Фадхой. Она знала, что по каким-то, неведомым ей причинам, Абул не любит, когда она проводит время в гареме с его женами. Он никогда не говорил ей об этом, но всякий раз, когда встречал ее здесь, в его глазах появлялась тень недовольства. Но Сарита не видела причины, по которой не должна была проводить время в приятной компании других женщин, особенно в отсутствие Абула. Она выросла в большой семье и не любила одиночества.

Кадига и Зулема были хорошими подругами, но у них частенько были дела, удерживающие их вне башни. Однажды, когда она, смеясь, выразила свое недовольство их отсутствием, они пришли в полное замешательства и стали бормотать что-то невразумительное о распоряжениях госпожи Айки. Сарита попыталась надавить на них, но Кадига тут же сменила тему разговора, а более уступчивая Зулема выглядела необъяснимо испуганной.

Абул был уже в комнате, и она наслаждалась его голосом, когда он приветствовал окруживших его женщин. Его глаза нашли Сариту и стали напряженно рассматривать столь пристально, будто хотели увидеть ее душу. Она улыбнулась, и он, перед тем, как повернуться к Айке, незаметно ей кивнул.

Приветствую тебя, Айка, — Абул подошел к ней:

— И тебя, сын мой, — и он протянул руку мальчику, который мучительно заколебался перед тем, как взять ее.

Попытка Айки скрыть свое удовлетворение при виде реакции Бобдила, возможно, и убедила кого-нибудь, но только не такого внимательного наблюдателя, каким был Абул. На его лице появилось раздражение и Сарита поморщилась.

Она уже много раз наблюдала подобные сцены, но ни разу не пыталась обсуждать их с Абулом, дабы не будить в нем неприятных воспоминаний, но она была уверена в том, что когда-нибудь не сможет удержаться от того, чтобы не поговорить об этом с Айкой. Она не могла понять, что надеется получить эта женщина, изо всех сил способствующая разрыву отношений между отцом и сыном, но то, что она задалась именно этой целью, для Сариты было совершенно очевидно.

Абул не обращал внимания на съежившегося Бобдила и продолжал спокойно разговаривать с Айкой. Сарита не слышала о чем они говорили, но потому, как Айка резко опустила глаза к полу, поняла, что они в чем-то несогласны друг с другом.

Она уже заметила раньше, что Айка часто пытается скрыть свои чувства либо опуская глаза, либо отворачиваясь. Вот и сейчас она была убеждена в том, что она опустила глаза не для того,

чтобы выразить подчинение своему господину, а для того, чтобы скрыть раздражение.

Наконец, Абул обратил свой взгляд на Сариту, и на его обычно спокойном лице появилось раздражение.

— Идем, — бросил он ей и, повернувшись на каблуках, вышел из комнаты.

Сарита поднялась и последовала за ним. Другие женщины расступились перед ней, она же нарочно помедлила, чтобы попрощаться с ними и поблагодарить Фадху за проявленное во время урока терпение. Сарита поняла по удивленным лицам женщин, что они недоумевают, почему она не спешит к калифу, когда тот призывает ее, да она и сама вряд ли понимала это, так как и душа, и тело ее жаждали воссоединиться с Абулом. Но ей почему-то казалось необходимым таким образом заявить о своей независимости. Абул терпеливо ждал ее в Львином дворике, опираясь на массивную голову льва и скрестив при этом руки; глаза же его были устремлены на вершины гор, освещенные последними лучами заходящего солнца.

— Ты, определенно, не торопилась, — он видел, как она вышла из галереи и пересекла двор. Легкий отблеск смеха появился в его черных орлиных глазах… смеха и нескрываемого желания.

— Я должна была попрощаться, — ответила Сарита, подойдя к нему. Она остановилась близко от него, но так, что между ними по-прежнему было некое расстояние. Оба они предвкушали грядущие прикосновения — оттого, что они последуют несколько позднее, они будут еще более сладостны.

— А я надеялся найти тебя в башне, — сказал Абул, — но, похоже, ты вовсе не стремишься вернуться туда к моему возвращению и предпочитаешь сплетни сераля подготовке встречи со мной.

В его голосе был еле уловимый намек на недовольство, тотчас же уступивший место смеху и желанию.

Сарита улыбнулась, покачав головой.

— Но это совсем не так, мой господин калиф.

Просто я думала усилить удовольствие от встречи с тобой, продлив ожидание.

Абул прищурился.

— Интересно, единственная ли это причина?

— Поверь мне, это так, — сказала Сарита прерывающимся голосом, — стоя рядом с тобой, я вся дрожу, дорогой мой. Если ты сейчас же не прикоснешься ко мне, я умру от неразделенного чувства.

Он рассмеялся, протянул руку и небрежным жестом убрал ей со лба волосы.

— Ну почему же неразделенного, милая? В последние три часа я не мог думать ни о чем, кроме как о твоей бархатной коже и запахе твоих волос.

Каждая выпуклость и ложбинка на твоем теле помнят прикосновения моих рук, вкус твой у меня на языке.

— Идем, — сказала в ответ Сарита. Желание, зародившееся во впадине ее живота, посылало обжигающие токи вниз, к бедрам. Не будучи в состоянии отвести от него глаз, она отступила назад и коснулась его руками.

— Идем, — повторила она мягко, но повелительно, — идем, а то я сделаю что-нибудь такое, что необязательно делать при свидетелях.

Абул поднял глаза на прикрытые жалюзями окна сераля. Он усмехнулся.

— Если б ты ожидала меня подобающим образом, то не оказалась бы в столь трудном положении.

— Если ты, мой повелитель, хочешь таким путем взять надо мной реванш, то я позволю себе заметить, что подобное поведение отнюдь не является проявлением широты души.

Он не успел ничего ответить ей, как она уже бежала по галерее в башню. Абул последовал за ней, кровь у него бурлила, а внутри все пело от радости.

Никто из них не знал, что за ними внимательно наблюдала Айка — она стояла около окна, выходившего во двор — лицо ее было мрачнее тучи. Она не могла слышать, о чем они говорили, но ей этого и не надо было для того, чтобы уловить глубокие, чувственные токи, струящиеся между ними. Их притягивала Друг к Другу почти осязаемая сила, и она поняла, что воссоединения жаждут не только их тела. Их соединяло нечто гораздо более глубокое и крепкое, нежели просто чувственное взаимопритяжение, и именно оно — это нечто — угрожало ей как жене султана. И потому связи эти было необходимо разрушить.

Прошло уже почти две недели с тех пор, как она послала письмо своему отцу, эмиру их сильного рода Мокарабов. В нем она написала о слепой страсти своего мужа к христианской пленнице и о своем опасении, что она потеряет право на власть, так как уже поговаривают об отказе от жены и наследника. В этих обвинениях не было правды, но она знала, что они возмутят ее отца, и что он распространит весть об этом среди других сильных родов. Абулу неизбежно будет брошен вызов. В королевстве пойдут раздоры, так как часть родов будет за Абула, а другая — против. И даже в том случае, если Абул сможет всему этому противостоять, власть его будет сильно ослаблена. Это будет первым и значительным шагом на пути осуществления тщательно составленного плана свержения ее мужа. Конфликт в Мавро-Испанском королевстве привлечет к себе внимание осторожных испанцев, которые, вероятнее всего, увидят в нем возможность для своего вмешательства, и тем самым еще больше увеличат давление на Абула.

Она в задумчивости вернулась в гостиную.

Бобдил расстался с ней сразу же после ухода отца, и сейчас грубо боролся с одним из младших детей.

Тот отчаянно заплакал из-за того, что старший брат с силой сжал ему голову. Бобдил же только рассмеялся в ответ, как будто это была всего лишь безобидная игра. Кругом все молчали… никто не отваживался сделать замечание сыну Айки. В то время как крики малыша становились все громче, мать его в отчаянии кусала губы.

— Хватит, Бобдил, — сказала Айка, когда крики ребенка стали невыносимо громкими.

— Я учил его, как надо бороться, — заявил Бобдил, неохотно ослабляя хватку. Мальчик выскользнул из его рук и, всхлипывая, побежал к матери. — Он ведь должен учиться, правда,

мама?

— Да… да… это хорошо, что ты хочешь научить его, — протянула Айка, — а теперь пойдем со мной.

Я хочу поговорить с тобой. — И они ушли — Бобдил — оживленно болтая, а Айка — думая о своем.

Ее двойная атака начиналась исподволь. От отца не было еще никаких известий, кроме того, никаких признаков ухудшения здоровья христианки пока не было заметно. Но теперь уже должна была проявиться некоторая слабость и вялость.

Возможно, дозу яда следовало немного увеличить.

Но Айка не могла позволить себе рисковать из боязни быть обнаруженной. Ведь если бы внезапное истощение испанки было бы замечено, то подозрения непременно бы возникли. Хотя она и старалась сделать все, чтобы Кадига и Зулема не проводили много времени с Саритой, но это ей не всегда удавалось. В то же время Кадига, согласно ее наблюдениям, была чрезвычайно проницательной, и могла заподозрить неладное. Наблюдатели, каких в Альгамбре было множество, не пропускали ничего из того, что говорилось или делалось во дворце, а это, в свою очередь, давало пищу для размышлений многим умам. Нет, — решила Айка, — она должна набраться терпения. Сарита, очевидно, оказалась более сильной и здоровой, чем ожидалось. Но вечно она все равно не сможет противостоять коварному яду. Скоро, очень скоро раздастся погребальный звон.

— Так тебе не хватало меня, дорогая? — спросил Абул, как только они оказались в башне.

— О да, — обернулась к нему Сарита.

— А чего тебе не хватало больше всего? — он прислонился к запертой двери, а его яркие глаза отметили вспышку румянца на ее щеках.

— Дай подумать… — она задумалась. — Многого, например, этого, — и она встала на цыпочки и коснулась его рта легким поцелуем бабочки. — И этого… — следующим оказался кончик его подбородка. — И этого… — она коснулась языком впадины на его щеке. — И этого… — ее мягкие пальцы расшнуровали его туники и проникли под рубашку, принявшись ласкать маленькие и твердые его соски. — И этого… — пальцы ее осторожно проникли под пояс и начали поглаживать основание его позвоночника. — А особенно этого. — Абул вздрогнул от ее настойчивых и сокровенных ласк. Гладкая кисть ее согрела ему живот, теперь он уже безумно хотел ее. Он оперся плечами о дверь, а она все продолжала свои шаловливые эротические ласки, и тело его налилось жаром, который вот-вот норовил затопить и его душу. Но тут она убрала руки и он открыл глаза.

— Да, — прошептала Сарита, — мне многого не хватало, но главное, чего мне не хватало — это тебя целиком, милый.

Мало-помалу дыхание Абула восстановилось, он отступил от края блаженства. Все еще улыбаясь, он застегнул расстегнутый Саритой ремень и взял ее на руки.

Не думаю, что нам следует стоять у двери и перечислять части моего тела, — прошептал он, а она, посмеиваясь, обхватила его шею руками, и прижалась к нему щекой. Он понес ее на руках по лестнице в спальную галерею, не отрывая губ от ее губ.

Наверху он нагнулся, чтобы положить ее на кровать, но она пригнула его голову и снова поцеловала. Язык ее проник к нему в рот — тем самым она выражала неукротимую потребность в том, чтобы он, не мешая, утолил ее любовный голод.

— Сейчас, — прошептала она, — немедленно, Абул!

Ее растущее желание передалось ему, притянуло его к ней, изгибающейся на покрытом подушками, диване. Она одновременно пыталась освободиться от сковывающего ее платья и обнимала его за шею.

Если первоначально у него и были намерения, наперекор ей, затянуть сладостное ожидание, то шелковистость ее кожи, округлость бедер, прямизна и гибкость ее ног, способствовали тому, что он переменил их. Встав на колени рядом с ней, он начал неловко расстегивать пряжку ремня, но она оказалась проворнее, и через мгновенье ничто уже не могло помешать их соитию. Он начал было снимать сапоги, но замешкался, и увидев, как она лежит, небрежно раскинувшись на постели и, неосознанно раздвинув ноги, демонстрирует атласную ложбинку, мерцающую в мягком свете ламп. Самообладание окончательно покинуло Абула и, вздохнув, он обнял ее, просунул руки ей за спину и прижал к себе, после чего вошел в ее тело одним глубоким и сильным толчком. Сарита вскрикнула и на глазах ее выступили слезы радости. Тело ее двигалось в такт с его телом, а взгляд не отрывался от его глаз. Их глаза расширились одновременно — они, наконец, достигли вершины.

Сарита довольно рассмеялась, и Абул засмеялся ей в ответ.

Она вышла из сонного забытья много позже. На нижнюю часть ее тела все еще давил Абул а его голова все еще покоилась у нее на груди.

Но звуки внизу заставили ее очнуться. Они не обеспокоили ее, так как она уже успела привыкнуть за последние месяцы к ненавязчивой внимательности дворцовой челяди. Где бы ни находился калиф, его надобности неизменно предвосхищались. А сейчас было уже, очевидно, время ужина.

Абул сел, потянулся и поцеловал ее веснушчатый нос.

— Ну как, довольна, Сарита моя?

— Пока да, — кивнула она.

Он засмеялся:

— Ты ненасытная женщина.

Никогда не думал, что смогу заниматься любовью, не снимая сапог! Но теперь мне необходимо поужинать. Я так торопился к тебе, что сегодня мы не останавливались на обед, — Приготовьте все побыстрей и уходите!

Он вернулся к дивану, где Сарита все еще лежала, полуобнаженная, на подушках.

— Внизу готова ванна. После нее нам будет приятней ужинать. Он посадил ее и снял с нее платье. — В полуобнаженной женщине есть что-то особенно соблазнительное.

— Больше, чем в полностью обнаженной? — Сарита встала и потянулась.

mir-knigi.org

— Да, пожалуй, да. Полностью обнаженной ты не кажешься столь же соблазнительной. Более прекрасной — да, но не соблазнительной. Я обнаружил, что чувственность в тебе пробуждается все сильнее.

Сарита лукаво ему улыбнулась и поправила спутавшиеся волосы.

— Я постараюсь не забыть разбудить и тебя, когда… — она резко оборвала свои слова и схватилась за горло.

Что с тобой? — Абул взял ее за руку, испугавшись ее бледности.

Некоторое время она молчала, затем судорожно вздохнула.

— Ничего, в самом деле, ничего. Сердце мое бьется очень сильно, но скоро оно успокоится. В последнее время со мной уже не раз такое случалось. — Она снова села на диван, держась за живот.

— Я чувствую слабость и тошноту, но это пройдет.

Абул нахмурился. Она была все еще очень бледной и его не убедили ее слова.

— Может быть, ты ждешь ребенка?

Она покачала головой.

— Нет, я принимала снадобье, которое приносила мне Кадига, и, к тому же у меня в твое отсутствие были месячные.

Абул помрачнел еще больше.

— Ты не хочешь родить мне ребенка?

Сарита пристально на него посмотрела. Момент для подобного разговора был подходящим, но она не знала, хватит ли у нее сейчас сил для него.

— Не в этих обстоятельствах, Абул.

— Что это за обстоятельства? — поинтересовался он.

Сарита вздохнула и с нерешительным видом встала.

— Давай не будем сейчас говорить об этом. Мы только поссоримся, а мне так этого сейчас не хочется.

Постепенно лицо Сариты порозовело, но Абул настоял на том, чтобы она отдохнула.

— Полежи немного, — он положил подушки к спинке дивана и сел, похлопав по дивану рядом с собой. — Ложись сюда, ванна подождет.

Сарита легла и облегченно вздохнула. Абул обнял ее и прижал к груди, гладя ее по голове, — Как часто с тобой это случается? Она нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Несколько раз за последние дни. Я не обращала на это никакого внимания.

mir-knigi.org

— А что об этом говорит Кадига? Она обладает некоторыми медицинскими познаниями.

— Она ничего об этом не знает. Они с Зулемой теперь редко со мной бывают. По-моему, они все время что-то делают для Алки.

— Но она не распоряжается ими, — резко прервал ее Абул. — Их главная задача — прислуживать тебе, причем во всем. Айка не должна в это вмешиваться.

Сарита покачала головой.

— Может быть, я что-то не правильно поняла, — ответила она, — прямо они мне об этом не говорили… Кроме того, — добавила она уже более уверенным тоном, — за мной не надо ухаживать, как за больной. Единственное, чего мне не хватает — это их компании. Мы уже стали друзьями.

Абул ничего не сказал на это. Он прекрасно понимал, что Айке могла не понравиться эта дружба, и что она стала делать все возможное, для того, чтобы разрушить ее. Дружба женщин Альгамбры между собой могла угрожать ее власти и влиянию.

Ну да ничего, — подумал Абул, — теперь, когда он во дворце, нетрудно будет восстановить эту дружбу.

Только в его отсутствие могла Айка претворять в жизнь свои злые замыслы.

— Ты должна поговорить об этом с Кадигой, — сказал он, если это не прекратится и мы не установим причину этого, то тебе нужно будет посоветоваться с Мухамедом Алахмой. Он очень талантливый и искусный лекарь.

— Лекарь! Что за чепуха, Абул, — поднялась Сарита, — моя мама дала бы мне сильное слабительное, и я снова чувствовала бы себя отлично. Я попрошу у Кадиги что-нибудь подобное.

Абул в задумчивости потер подбородок. Он мало что знал о подобных недомоганиях и считал, что женщины в них разбираются лучше.

— Тебе сейчас полегче? — спросил он.

— Совсем хорошо, — отозвалась Сарита с обычной своей живостью. — Давай пойдем вниз, если ты голоден так же сильно, как и я, то вероятно, можешь съесть и верблюда.

Абул последовал за ней. Внизу она погрузилась в ванну с теплой водой.

— Ну теперь ты можешь рассказать мне об обстоятельствах, которые не позволяют тебе родить мне ребенка. Мы не поссоримся, обещаю тебе. — Он, казалось, спрашивал просто из любопытства, но Сарита не сомневалась в том, что разговор этот может оказаться для него тяжелым и болезненным.

Вздохнув, она начала свои объяснения.

— Видишь ли, я не знаю, какое место здесь занимаю… и какое место будет занимать мой ребенок, Абул. Я знаю, что я одна из многих женщин и могу принять это… пока нахожусь здесь, — добавила она. — Что же касается меня, то я могу смириться с этим, но не могу допустить, чтобы мой ребенок занимал столь двусмысленное положение.

Родить тебе ребенка и видеть, как он растет в серале, не знача ровным счетом ничего в этом мире!

Это равно, что согласиться со своей принадлежностью к этому миру, согласиться со всеми ограничениями и правилами этого мира! А этого сделать я не могу. Я люблю тебя, но не принадлежу здешней жизни.

Почему же тогда ты столько времени проводишь в серале? — спросил он. — Тебя всегда можно найти там, с обитательницами гарема, но ведь ты не считаешь себя одной из них!

— Мне иногда так одиноко, — сказала Сарита, — а они — единственные, кто может составить мне компанию. Фадха учит меня говорить по-арабски, — она села в ванне, обхватив колени руками. — Тебе не нравится, что я там бываю?

Абул покачал головой:

— Не нравится.

— А почему?

Он некоторое время молчал, не зная, как объяснить ей, что он чувствует какое-то неудобство от общения ее с другими женами, а в особенности с Айкой.

— Потому что ты не являешься одной из них, — медленно произнес он. — Ты знаешь, что для меня не существует других женщин, Сарита. С тех пор, как появилась ты, я ни разу не прибегал к услугам кого-либо из них.

— Да, я знаю это. Но если так будет и дальше, то что ты собираешься делать?

— А почему я должен что-то делать? — он, казалось, был не на шутку удивлен.

— Но если ты не прибегаешь к их услугам, то зачем вообще они нужны? Пока они здесь, я не могу чувствовать тебя по-настоящему верным мне, и потому не могу родить тебе ребенка, или согласиться остаться здесь на бесконечно долгий срок.

— Ты хочешь покинуть меня? — спросил он.

— Нет… конечно же, нет. Но я не знаю, что мне делать в будущем, — вздохнула Сарита, — не знаю, кто я и что я, и не вижу никакого смысла в будущем.

Но сама я могу находиться в этом положении, потому что люблю тебя, а вот ребенка родить тебе не могу, потому что ребенок — ведь это воплощение веры в будущее! Можешь ты понять меня, милый?

— Объяснение ее было чрезвычайно путаным, но таким был и предмет их разговора, а потому нельзя было выразиться яснее. Она вышла из ванны и вытерлась мохнатым полотенцем.

Абул вздохнул и начал раздеваться, собираясь погрузиться в быстро остывающую ванну. Он не понимал ровным счетом ничего. Единственное, что казалось для него значимым, была любовь связывающая их.

— Я думаю, что ты видишь препятствия там, где их нет, Сарита. Как ни смотри, сейчас у меня только одна жена, но я могу отослать других своих жен, потому что, если верну их семьям, то разразится гражданская война. — Он шагнул в ванну:

— Ты понимаешь, в каком я затруднительном положении?

Сарита кивнула:

— Да, понимаю, но ты должен понять и меня.

Мы можем только продолжать наши отношения и не требовать друг от друга большего.

Абул знал, что подобный компромисс не может его удовлетворить, но не чувствовал себя сейчас достаточно уверенным, чтобы говорить об этом.

Ведь он не мог предложить ей ничего, с чем бы она могла согласиться.

Сарита также прекрасно знала, что такой компромисс ее не удовлетворит, но знала и то, что не имеет права настаивать на решении, способном ее удовлетворить. В их жизнь было вовлечено слишком много людей, и целый мир, полный чуждыми ей обычаями и ритуалами, не мог измениться коренным образом по желанию одной-единственной испанской женщины.

Глава 15

Нафисса торопливо шла по галерее, держа в руках туго скрученный пергамент. Посланник рода Мокарабов нашел ее в помещении для слуг. Там он объяснил ей, что она должна сделать, и теперь она несла тайное послание эмира Мокарабов к дочери, жене калифа Гранады. Она торопилась, не забывая при этом внимательно осматривать каждого встречного, но на самом деле Нафисса могла особенно не беспокоиться. У калифа до сих пор не было причин подозревать в интригах жену и тестя, и потому он не отдал распоряжения дворцовой шпионской сети следить за тайными связями жены с внешним миром.

Абул делал все, что было в его силах, чтобы ослабить влияние жены, оказываемое ею на сына, но за исключением этого влияния, не видел никаких причин для опасений. Он считал, что в серале царят мир и согласие во многом благодаря Айке, и не хотел вмешиваться во внутренние дела гарема. Если он когда и вмешивался в жизнь сераля, то делал это только тогда, когда этого требовало спокойное течение жизни в Альгамбре, или, как в случае удаления саритиных служанок, тогда, когда этого требовало удобство его и Сариты. А то, что видела и о чем догадывалась Сарита, она держала при себе, так как ее подозрения основывались на не вполне осознанном впечатлении.

Кроме того, ей не хотелось теребить старые раны Абула.

В тот момент, когда Нафисса вошла в комнату жены калифа, Айка в досаде и нетерпении рвала уже третий кусок шелка для вышивания. Новость о прибытии посланника ее отца к калифу заставила ее затрепетать. Согласился ли отец с тем, что она ему написала? Решился ли на что-либо? Приступил ли к действиям? Какую роль отвел ей?

— Да? — вскочила Айка, как только Нафисса вошла в комнату. — Что у тебя?

— Послание, госпожа, — меня вызвали из кухни к посланнику и я получила из рук его конюха письмо.

Айка выхватила у нее письмо, сорвала с него печать и развернула. Если не считать обычных отцовских приветствий, послание было кратким:

Будь настороже. Будь наблюдательна. Связь будем держать обычным способом. О развитии

событий сообщим. Тем, чем надо — занимаемся.

Айка не сумела сдержать вздоха облегчения. Ее отец посеет сомнение у желающих сомневаться, соберет поддержку недоверчивых, недовольных и жаждущих власти, и направит всех их против Абула. Ей нужно будет только раздуть огонь.

— Я отправлю ответное послание, — сказала она, — сможешь ли ты снова найти этого человека, Нафисса?

— Я сказала ему, что оставлю ответ под большим камнем в саду роз, моя госпожа, — ответила Нафисса. — Он возьмет его перед рассветом.

Айка кивнула.

— Дело неспешное. Ты все правильно сообразила, девочка. Сегодня вечером я передам тебе ответ.

Прекратив заниматься рукоделием, Айка подошла к ящичку, стоящему в углу комнаты и подняла его крышку. Внутри находилось множество бутылочек, сосудов из кожи, и керамических тиглей. Она без колебаний выбрала маленькую бутылочку зеленого стекла.

— Скажи Кадиге или Зулеме, что, если нужно, они могут еще зайти за противозачаточным средством для госпожи Сариты. Я его сейчас приготовлю.

Нафисса молча вышла. Айка же взяла бутылочку, стараясь не взбалтывать ее содержимое, и поставила на низкий столик, после чего принесла туда же и другие предметы: маленький мешочек с какими-то сухими травами, бутылочку с прозрачной жидкостью и пустой сосуд. В сосуде она начала смешивать, аккуратно отмеряя, прозрачную жидкость из бутылочки и травы из мешочка. Довольная результатом своей деятельности, она снова направилась к ящичку, достала оттуда пару лайковых перчаток, и перед тем, как с величайшей осторожностью вынуть серебряную пробку из зеленой стеклянной бутылочки, надела их на руки. Над бутылочкой поднялся легкий пар. Затаив дыхание, Айка стала наклонять горлышко бутылочки над сосудом до тех пор, пока в смесь не упали четыре яркие серебристые капли. Затем она закупорила зеленую бутылочку и положила ее вместе с перчатками обратно в ящик, после чего перемешала содержимое сосуда тонкой серебряной палочкой до получения густой пасты. Эту пасту Кадига будет смешивать с водой, чтобы образовывалась вязкая жидкость, потребляемая Саритой с завидной регулярностью.

Айка была известна как искусный аптекарь, поэтому, когда она предложила снабжать Сариту особо эффективным средством для предохранения от беременности, это не привлекло к себе никакого внимания. Она предлагала подобные услуги многим женщинам Альгамбры. Состав содержимого сосуда был известен только Айке, поэтому о ее намерении отравить Сариту не могла знать ни одна живая душа.

Айка не делилась с отцом планом избавления от не правоверной. Частично ее молчание было вызвано тем, что смерть женщины была задумана ею в некотором роде как личная месть, как средство для успокоения раненой гордости. Конечно, жена калифа могла задумать убийство соперницы и по политическим мотивам — увлеченность калифа не правоверной нарушала его способность мудро управлять, так как отвлекала его мысли, и, тем самым ставила под удар само существование королевства Гранады. Эмир Мокарабов зааплодировал бы подобным рассуждениям дочери и нашел бы ее действия полностью обоснованными. Тем не менее Айка чувствовала, что если отец поверит, что единственной проблемой является женщина, и что эта проблема скоро будет устранена, то он может и отложить свои действия, направленные на

подрыв власти Мули Абула Хассана. А это не входило в планы рвущейся к власти Айки.

Она посильнее затянула завязки на горловине сосуда. Представив себе, сколь смертоносно содержимое этого сосуда, она слегка улыбнулась. Не было никаких сомнений в том, что яд уже начал свою работу. Испанке становилось все труднее скрывать свою утомляемость и истощение, по крайней мере, от Айки, которая внимательно за ней следила.

Сарита сильно побледнела, глаза ее увеличились и потускнели, но несмотря на недомогание, она все еще вела себя так, будто чувствовала себя хорошо, в особенности в присутствии Абула. Накануне вечером, когда Айка была в северной галерее и смотрела вниз на живописный Центральный дворец с прямоугольным бассейном, усеянным водяными лилиями, Сарита и Абул вышли из арки во двор и она стала игриво убегать от него по галереям. По ее смеху и резвости было невозможно догадаться о скрытом воздействии на нее яда. И только сторонний наблюдатель мог увидеть ее страдания, когда она, скрывшись на минуту от Абула за живой изгородью из миртовых деревьев, остановилась, чтобы жадно глотнуть воздух измученными легкими.

Когда она вынуждена будет признать свою болезнь, будет уже слишком поздно для того, чтобы предотвратить действия яда. Если им правильно пользоваться, то он будет убивать постепенно, почти незаметно, с симптомами, которые могут быть приписаны большому количеству обычных болезней, пока, наконец, истощенную жертву не покинет способность есть и даже дышать. Но если на этой стадии кого-либо и осенит догадка относительно яда, он не сможет что-либо достоверно доказать.

Нет. Айка считала, что находится в полной безопасности. Даже если Абул и заподозрит ее в том, что она приложила руку к смерти Сариты, он ничего не сможет сделать. Она прекрасно знала, что он никогда не вернется к ней, он переменил свое отношение к ней отнюдь не только из-за увлечения другой женщиной. Айка не была уверена в том, с чего конкретно началось это необратимое охлаждение, она помнила только споры из-за Бобдила, но была уверена в том, что если бы больше ничего не было, то смогла бы впоследствии исправить свою оплошность. Тем не менее она знала, что разрыв углубился еще сильнее из-за того, что она настраивала сына против отца. Делала же это она потому, что несколько месяцев тому назад поняла, что окончательно утратила свое влияние на Абула, в связи с чем решила добиться выполнения своих планов другими средствами.

Теперь она быстро продвигалась в этом направлении, и в этом смысле должна была только поблагодарить христианку. Ведь она явилась поводом для обращения за помощью к отцу, а через него и к другим королевским семьям. Наконец-то она увидела, что ее далеко идущие планы начинают претворяться в жизнь! Скоро, очень скоро Абул будет со всех сторон окружен врагами, а подавленное настроение, в котором он будет пребывать после смерти христианской возлюбленной, не даст ему возможности дать должный отпор внешним и внутренним врагам. Айка была очень довольна развитием хода событий.

Абул вежливо улыбнулся дяде жены, посланнику эмира Мокарабов, и поинтересовался, что явилось поводом для визита. Они сидели в Посольском зале дворца, окруженные придворными и солдатами, как это и было положено при встрече столь родовитых гостей. В течение часа с начала приема происходил обмен любезностями за столом со сладостями — этого также требовал неумолимый этикет, но теперь, по прошествии этого времени, Абул уже ждал намека на истинную цель этого визита. Как бы то ни было, но Ахмед бен Калед с невозмутимым выражением лица продолжал неспешный разговор ни о чем, и Абул был вынужден вторить ему.

— Как здоровье моей племянницы? — спросил Калед, угощаясь фаршированными финиками.

— С ней все в порядке, — ответил Абул. Вы, конечно, захотите с ней встретиться, не может быть, чтобы у господина Мокараба не было письма к дочери.

Интересно, почему вдруг этот человек застыл в таком напряжении? Почему так угрожающе вспыхнули его темные глаза? Почему естественное замечание вызвало у его гостя столь неадекватную реакцию?

Тем не менее посланник кивнул и подтвердил, что он надеется встретиться с госпожой Айкой, и что у него есть письмо ее отца. Абул решил, что странное поведение гостя только почудилось ему, и заставил себя сосредоточиться, чтобы выяснить скрытую причину этого визита.

— Я хотел бы также встретиться с вашим сыном, принцем Бобдилом, — сказал Калед, — эмир хотел бы знать о том, как его внук растет и учится. — Просьба эта не была серьезной, но Абул почувствовал, что за ней что-то скрывается. Тем не менее он согласно кивнул и повернулся к визирю:

— Пусть сюда придет Бобдил со своим наставником. — Возможно, Вы найдете его слишком застенчивым, — повернулся он к гостю, — но с возрастом это пройдет.

Ахмед бен Калед попытался изобразить некое подобие улыбки. Он считал, что главной ошибкой калифа было грубое обращение с наследником, чей характер безжалостно и систематически ломался из-за пренебрежительного обращения отца. Если Бобдила как можно скорее не убрать из подобного окружения, он будет неподготовлен к тому, чтобы принять власть калифа, и род Мокарабов потеряет опору и значительное положение в халифате. Поэтому Калед был особо проинструктирован относительно необходимости наблюдения за мальчиком.

Когда Бобдил и его наставник прибыли, Абул вежливо поздоровался с ними в своей обычной мягкой манере.

— Бобдил, вырази свое почтение дяде твоей матери, — сказал он, подымаясь с кресла, которое под косыми лучами солнца отсвечивало позолотой резных листьев. Он взял ребенка за руку, и Калед заметил, что мальчик отстранился от отца, хотя и позволил взять себя за руку. Глаза Бобдила бегали по сторонам, и чувствовал он себя явно неуверенно.

Калед подошел к нему и взял его за подбородок, запрокинув ему голову, и заставив таким образом посмотреть себе в глаза.

В его глазах было больше расчета, чем страха, и Калед задумался о том, была ли вся эта робость подлинной или напускной. Он вспомнил о том, что, будучи девочкой, его сестра — мать ребенка — также проявляла нечто подобное. Она всегда отлично умела скрывать свои истинные чувства, что делало ее сильным противником, так же, впрочем, как и чрезвычайно полезным союзником в стане врага.

— Я хотел бы передать тебе приветствия от твоего деда, — сказал он Бобдилу.

— Где же твои хорошие манеры? — спросил Абул резко, когда мальчик в ответ на эти слова промолчал, — ведь Ахмед Эбен учил тебя как следует приветствовать гостей.

К ним подошел наставник, бормоча невнятные оправдания, а Бобдил отпрянул от отца и поднял руку, будто бы защищаясь от ожидаемого удара, хотя ни Абул, ни репетитор не сделали

в его направлении никакого угрожающего жеста. Тем не менее глаза мальчика на мгновение остановились на Каледе, как бы оценивая произведенное им. впечатление.

Калед посмотрел на калифа. Губы Абула сжались, а щека непроизвольно дергалась. Он жестом прервал сбивчивые оправдания наставника и сухо произнес.

— Возвращайся в свои комнаты, Бобдил. Мне стыдно за тебя перед нашим гостем.

— Ничего, ничего, поспешил сказать Калед, — парень еще застенчив, и это нисколько меня не оскорбило. Можно я немного погуляю с ним по галерее?

Абулу было нелегко дать согласие на эту просьбу. Он не знал, почему, но то что гость принадлежал семейству Айки, заставляло относиться к нему с подозрением. Калед, конечно, не мог еще больше ухудшить отношения между отцом и сыном. Он не хотел бы, чтобы об их отношениях узнали посторонние.

— Давайте пойдем вниз вместе. У меня есть сокол, которого я подарю эмиру Мокарабов, когда он будет обучен. Я хотел бы узнать о нем ваше мнение, Калед. А Бобдил может показать своего ястреба-перепелятника, если, конечно, вспомнит, как следует вести себя с гостем.

Каледу ничего не оставалось, кроме как принять это предложение. Он улыбнулся Бобдилу и предложил ему рассказать о том, как продвигается его учеба. Эта перспектива как будто обрадовала Бобдила, и он пошел с дядей примерно в двух шагах позади отца. Абул напряженно прислушивался к их разговору. Калед задавал вопросы и наблюдал, а Бобдил ограничивался односложными ответами.

Хотя Бобдил и поддерживал разговор крайне неумело, но он, по крайней мере, ни случайно, ни умышленно не раскрывал каких-либо семейных тайн, так что Абул позволил своим мыслям остановиться на более приятных вещах и стал обдумывать путешествие в приморский дворец Мотрил, которое хотел совершить.

В самом деле Сарите необходимо сменить обстановку, — решил он. Морской воздух быстро вернет ее щекам румянец, а походке — упругость.

Для человека, в жилах которого течет кровь кочевого племени, она слишком долго находилась за закрытыми стенами. Казалось, роскошный образ жизни Альгамбры подорвал ее силы, и он вспомнил о том, как она как-то сказала ему, что лежать в шелковых одеждах и поплевывать абрикосовыми косточками — это не по ней. Захваченный любовью, он позволил себе забыть о том, что у нее есть свои нужды, и, что, очевидно, для полноты счастья ей многого не хватает.

Он редко пользовался приморским дворцом.

Отец построил его для матери Абула, чтобы она могла проводить там жаркие летние месяцы. Для управления королевством он не был приспособлен, там был только один маленький зал для приемов, поэтому калиф имел возможность посещать его только в спокойное для королевства время. Абул решил, что сейчас время для отдыха как раз благоприятное, и теперь ждал не дождался, когда сможет рассказать о своем плане Сарите. Он любил доставлять ей приятное, любил смотреть, как она прыгает от радости. Он увидел ее, когда повернул на дорожку, обсаженную олеандрами. Калед увидел ее в то же самое мгновение. Она сидела на вырезанной из камня скамейке, немного в стороне от дорожки, подставив лицо утреннему солнцу. Две женщины, закутанные в покрывала, сидели по обеим сторонам.

Сперва Калед был просто ошеломлен — он никогда не видел подобной женщины. Она была

одета в простое желтое шелковое платье, лицо же ее было бесстыдно открыто взглядам прохожих, а блестящие волосы, горящие на солнце, обрамляли маленькое, бледное лицо. За секунду до того, как Абул поднял руку, чтобы поприветствовать ее, Калед понял, что это и есть та самая не правоверная, что ввергла Абула в любовную трясину, тем самым приблизив конец его царствования. Он взглянул на калифа и в черных ярких глазах его увидел только любовь.

— У вас христианская наложница, мой господин Абул? — притворился он удивленным.

Абул нахмурился. Он не знал, что сказать о Сарите, чтобы гость понял. В конце концов, он просто кивнул.

— Она рабыня или пленница? — спросил Калед.

— Рабыня! — внезапно вмешался Бобдил. — Она рабыня моего отца, поэтому когда она ему надоест, то ее выгонят.

Глаза Абула потемнели от ярости.

— Ты не должен так говорить! — сказал он тихо.

Бобдил сделал шаг назад, и Каледу стало ясно, что страх его не является теперь притворством.

— Моя., моя м-мама так говорит, — сказал он, заикаясь. — Она говорит, что отправит ее в городской публичный дом, когда… когда…

— Довольно! — резко прервал его Абул, однако тут же сказал самому себе, что мальчик просто повторяет материнские слова, не вкладывая в них никакого особенного смысла. Он еще раз подивился собственной близорукости, которая не позволила ему распознать вовремя истинное лицо жены.

Сарита шла к ним босая, поскольку не признавала никаких туфель и надевала их только в самые холодные зимние дни. Он так любил ее! Но сейчас его сильно беспокоило то, что ее может унизить Бобдил, а то и Калед, выпучивший на нее глаза.

Она показалась сейчас Абулу необыкновенно хрупкой, казалось, достаточно дуновения ветра, чтобы сломать ее как тростинку. Она поприветствовала их на изучаемом ею арабском.

— Мой господин калиф, желаю тебе доброго утра, — после этих слов она повернулась к Бобдилу и также приветливо поздоровалась с ним. Мальчик смотрел на нее с откровенной враждебностью, но, будучи напуганным своей предыдущей оплошностью, пробормотал ответное приветствие. Что касается Каледа, то он не разговаривал с рабами, в особенности с не правоверными, да еще столь открыто попирающими правила поведения женщин. Он все еще не мог отвести от нее глаз, и начал понимать, какую власть она может иметь над калифом.

— Дядя Айки находится здесь в качестве посланника от ее отца, эмира Мокарабов, — спокойно сказал Абул, надеясь, что Сарита поймет его намек и не воспримет это как представление. Но она не поняла его и повернулась к Каледу, все еще напряженно ее рассматривавшему.

— Посланник, кажется, немного удивлен, — заметила она, — вы незнакомы с женщинами моей веры, сударь?

— Я не знакомлюсь с женщинами, не проявляющими должной скромности, жестко ответил Калед, — адресуя эти слова Абулу. — Там, где находятся мужчины, женщины не должны

показываться в таком виде.

Абул пожал плечами.

— Тем не менее госпожа Сарита показывается, и у меня нет на это возражений. А если их нет у меня, то вам, Ахмед бен Калед, как гостю, также не следует возражать против этого.

Это замечание обидело гостя. Оба они поступили не правильно, а причина их раздора — вот она, стояла между ними, с выражением удивленного интереса, который, в данном случае, мало мог помочь делу. Более того, Абул заметил, что Бобдил внимательно наблюдал за этой сценой, не пропустив ни одного слова! Его отец сам был виновен в неучтивом обращении с гостем, к тому же их родственником, и все из-за простой женщины, которой сделали замечание!

Этот эпизод еще больше испортил отношение сына к отцу и, кроме того, несомненно должен был стать известным Айке, которой подобная история могла лишь только понравиться.

Абул почувствовал негодование, но сдержался и произнес:

— Мы прервали твой отдых, извини нас. Мы идем к клеткам с птицами.

Сарита молча отступила в сторону. Она провела уже достаточно много времени в этом обществе, чтобы понять случившееся и догадаться о его последствиях, и корила себя за то, что подошла к Абулу. Конечно же, ей не следовало этого делать в этот момент, когда он находился в компании странного мужчины, но не подумала об этом. И все из-за двойственности ее положения — она и Абул не считали ее одной из женщин Альгамбры.

Она печально подумала, что Абул, если бы он учел свои интересы, то не должен бы был защищать ее. Но в то же время она знала, что если бы он этого не сделал, то в душу бы ей закралось ощущение предательства. Вдруг сердце у нее остановилось на мгновение, чтобы потом бешено забиться, отчего на лице ее выступил пот, а в душу заполз ледяной страх.

— Что с тобой? — подбежала к ней Кадига. — Тебе плохо, Сарита? Почему ты не обратишься к врачу калифа? Он очень хороший лекарь.

Некоторое время Сарита была не в состоянии Ответить, и Кадига обняла ее, и почувствовала дрожь, бьющую хрупкое тело. Она знала, что за этими судорогами должен последовать приступ тошноты, после которого Сарита будет чувствовать себя как обычно, хотя и очень усталой.

— Пойдем назад в башню, — сказала Кадига, — разреши мне послать за господином Абулом.

— Не надо, — Сарита покачала головой, — все уже проходит. Со мной не случилось ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться. Я немного отдохну, когда пройдет тошнота, и все. — Она потерла пальцами брови:

— Наверно, я съела что-нибудь неподходящее для моего желудка.

Внезапно Кадига страшно побледнела. В голову ей пришла ужасная мысль.

Не может быть… Но где-то в глубине души Кадига понимала, что это не только невозможно, но и весьма вероятно. Если она обдумает картину медленного ухудшения здоровья Сариты, если внимательно оценит все симптомы…

Свои медицинские познания Кадига получила от матери, которая была известным аптекарем.

Но Кадиге, занимающей в Альгамбре сравнительно низкое положение, редко приходилось проявлять и использовать свои знания, вследствие чего они постепенно ею забывались. Однако забылись не настолько, чтобы не приметить, как ей теперь казалось, очевидное. Но что она могла сделать со своим подозрением? Поделиться с кем-нибудь она не могла, а промолчать — это могло стоить Сарите жизни.

— Кадига, ты побелела как бумага! — воскликнула Зулема, поддерживающая Сариту за другую руку. — Ты тоже заболела?

Кадига медленно покачала головой.

— Нет… нет, я в порядке. Я вот о чем подумала-..

Идем, давай вернемся в башню, там Сарита сможет прилечь.

Сарита чувствовала себя уже лучше и не хотела ложиться на диван в прохладной, продуваемой ветром, спальной галерее своей башни. Но вдруг ее накрыла глубокая сонливость, и она согласилась полежать, решив, что это поможет ей в борьбе с ее непонятным, недугом. — Я останусь с тобой, — сказала Кадига, — и если тебе понадоблюсь, то ты найдешь меня внизу, во дворике. — И она спустилась по лестнице, сопровождаемая озадаченной Зулемой.

— Что с тобой, Кадига? Тебя что-то беспокоит?

— прямо спросила она.

Кадига нахмурилась.

— Лучше тебе об этом не знать, Зулема.

Кадига тяжело вздохнула.

— Да, но лучше тебе об этом не знать. Пойди во дворец и приготовь для Сариты отвар из жасмина, ты же знаешь, как он ее освежает.

Зулема сначала, казалось, собиралась заупрямиться, но потом к ней вернулась ее прежняя сговорчивость. Если Кадига не хочет делиться с ней своими проблемами, то это просто невежливо — настаивать. И она отправилась выполнять данное ей поручение.

Кадига ходила по живописному дворику вокруг фонтана и до боли сжимала пальцы рук. Если то, о чем она подозревала, было правдой, то она и сама была замешана в этом. Ведь это она смешивала и выдавала Сарите ядовитое средство. Медленно и, как бы против воли, открыла она маленький инкрустированный ящичек, стоящий на кедровом сундуке у стены. В углу ящичка невинно стоял сосуд. Кадига уставилась на него так, словно сквозь кожу могла определись его ингредиенты. Что в нем было? И почему она была так уверена в том, что злое начало заключено именно в нем?

Но Сарита не ела и не пила ничего, чего бы не ели и не пили другие люди, ничего, за исключением этого средства. Она часто в отсутствие господина Абула ела с другими женщинами в серале. Когда же она обедала одна, то Кадига и Зулема ели вместе с ней. Конечно, кроме того, она ела еще и фрукты и сладости, но слишком нерегулярно, чтобы при их помощи можно было аккуратно дозировать какое-то смертельное снадобье.

Но если смесь в сосуде содержала яд, то его мог туда положить ни кто иной, как госпожа Айка.

mir-knigi.org

И в этом была причина страха Кадиги. Она сразу же поверила в то, что жена калифа могла придумать и привести в исполнение подобный план. О мстительности Айки знали в Альгамбре все. Но доказательств тому не было. Если же она пойдет к калифу и расскажет ему эту историю, то ему сразу станет ясно, что она считает виновной его жену. А так как она не сможет привести доказательств ее вины, то та сможет обвинить ее в лжесвидетельстве. И потребует, чтобы Кадиге во имя справедливости отрезали язык, и суд поддержит вынесение подобного приговора.

Кадига вздрогнула — перед ее глазами встала картина приведения в исполнение подобного приговора, которое она видела еще маленькой девочкой на базаре в Гранаде. Человек обвинил своего соседа в краже овцы, но она была найдена в овраге.

Оказалось, что она просто запуталась в колючем кустарнике. Жена этого человека воззвала к суду, сосед смягчился, но закон был неумолим. Даже калиф ничего не мог сделать в данных обстоятельствах, и приговор привели в исполнение.

Кадига пошла наверх и остановилась возле спящей женщины. Лицо ее было восковым, а дыхание — затрудненным. Судорожные движения горловых мышц во сне сопровождались испуганными подергиваниями бровей. : Кадига могла бы начать составлять собственное средство для Сариты, но интуиция, основанная на том, что она знала о действии этого яда, подсказала ей, что его действие зашло уж слишком далеко, чтобы его можно было обратить просто прекращением его приема. Если кто-нибудь и сможет что-нибудь сделать, то только Мухаммед Алахма, врач калифа. Но как сказать ему правду, не рискуя…

Сарита зашевелилась во сне, схватившись руками за горло и застонала. Неужели она будет вот так стоять и наблюдать за тем, как она умирает?

Кадига повернулась и почти бегом побежала по лестнице. Совесть продолжала бороться в ней со страхом.

Абул вернулся в башню в середине дня. Он оставил гостя в гостиной с Айкой. Там она сняла с лица покрывало, поскольку находилась в компании мужчины из своей семьи. Ее сопровождала женщина, которая молча стояла на некотором расстоянии от них, пока они разговаривали, сидя на диванах, стоящих посредине комнаты.

Абул попытался восстановить внешне дружественные отношения с гостем. Калед, казалось, хотел того же, оба слишком сильно были затянуты паутиной общественных отношений, чтобы позволить себе проявить обоюдную неприязнь. Но Абул понимал, что гость обижен и возмущен, и что это возмущение и обиду он передаст тестю, вместе со всеми подробностями этой истории, расскажет ему и о христианской наложнице неподобающего вида, и о его влюбленности, приводящей к потворству и послаблению по отношению к ней. Абул не знал, что может сделать для того, чтобы предупредить последствия этого. Он не мог изменить Сариту и сделать ее похожей на женщин Альгамбры. Однажды он попытался и чуть было не потерял ее. Вот и в это утро он ничего не мог сделать, ничего, кроме как защитить ее, хотя и не знал к чему это приведет.

Мог ли он попросить ее быть более осторожной? Но она могла воспринять такую просьбу как оскорбление. Он любил ее такой, какая она есть, так какое право имел он просить ее притворяться, чтобы избавлять его от неловкости на публике? Возможно, он не является никем другим, кроме как глупцом, одурманенным любовью, каким его, безусловно, попытается выставить Калед. Но он совсем не был уверен в том, что его волнует, что подумают о нем люди.

Глава 16

— Вот ответ на записку моего отца.

Айка аккуратно свернула пергамент в трубочку и отдала его ожидавшей Нафиссе.

— Смотри, чтобы тебя никто не видел.

Как будто она сама об этом не беспокоится, — подумала Нафисса насмешливо, кланяясь и принимая от своей госпожи пергамент. Уж наверное, госпожа Айка совершенно уверена, что она постарается сделать так, чтобы об этом поручении никто не узнал. Если кто-нибудь в стенах Альгамбры проведает о том, что она способствует тайной переписке предательского характера, ее тут же приговорят к смерти, несмотря даже на то, что она не более чем слуга и не может ослушаться приказа.

Айка подошла к окну, из которого могла видеть ускользнувшую Нафиссу.

На небе висела полная луна, освещавшая пространство хрупким, серебряным светом, столь непохожим на летний — золотой и обильный.

Ночь, казалось, становилась прохладнее от лунного света, а заснеженные горные вершины подступали еще ближе, тем самым как бы еще сильнее остужая воздух.

Во дворце царила полная тишина, стояла глубокая ночь, и только часовые на башне хранили бдительность. Ее дядя с друзьями, вероятнее всего, отдыхают, если только не находятся сейчас в объятиях альгамбрских гурий. Подобные увеселения были всегда доступны для гостей.

А Абул? Он тоже сейчас в объятиях гурии? Теперь уж недолго ему там находиться, — подумала Айка с удовлетворением. Бобдил рассказал ей о ссоре, которая произошла сегодня утром из-за этой женщины, и дядя намекнул ей о том, что сердится на Абула, хотя и сделал это невероятно тонко, так что ее молчаливые слуги ни о чем не догадались. Но Айка поняла, что зерно обиды упало на удобренную почву и должно было скоро пустить корни вражды.

А ее отец прислушается к Каледу.

Она отошла от окна, слишком возбужденная и полная триумфа, чтобы спать. Пока еще рано было считать цыплят, но яйца были уже теплыми.

В башне Абул лежал возле Сарита. Он думал, что теперь она заснула, но до этого она очень долго бодрствовала. Он положил руку ей на бедро. Не последовало никакого ответа с ее стороны, никакого, даже непроизвольного подергивания кожи, которое всегда следовало за его прикосновением.

Его переполняла глубокая депрессия, тело его изнывало от нужды, как будто не сумело удовлетвориться прошедшими часами любви. Но эта нужда была гораздо более сложной, нежели просто телесная неудовлетворенность. Она происходила от отсутствия духовного контакта. О, Сарита пыталась убедить его в том', что находится душой с ним, но притворство ее было очевидным для того, кто знал ее также хорошо, как себя самого. Она делала все то же самое, что и обычно, и издавала те же звуки, что и всегда, но все же не сумела его обмануть. По какой-то причине он все же позволил ей продолжать притворство и теперь чувствовал к себе презрение. Ему следовало прекратить это, сказать ей, что, если она не в настроении, то ей совсем не нужно симулировать возбуждение, что подобное притворство является самым большим оскорблением, которое женщина может нанести мужчине.

Но раньше Сарита бывала не в настроении для любви?

Он позволил этому продолжаться, потому что боялся остановиться, боялся признать свое поражение. А потом она нежно прикасалась к нему, и целовала, но не так, как делала это обычно — как бы в благодарность за доставленное удовольствие, а по-другому — с грустью, которая сначала поразила его, а потом наполнила гневом на нее за то, что она не доверила ему правды. Он скрыл свой гнев так же, как она пыталась скрыть свое физическое безразличие к его ласкам, и, в конце концов, она уснула. Как это могло случиться к тому, что фундамент их любви оказался столь зыбким, в то время как он считал его прочным как сталь. Стараясь не потревожить спящую, он соскользнул с дивана и оделся. Потом, в первый раз после истинного начала их любви, вернулся в свои собственные апартаменты, где в одиночестве встретил рассвет.

Сарита проснулась рано. Рука ее автоматически потянулась к тому, кто обычно лежал с ней рядом, но уткнулась в пустое пространство. Удивившись, она позвала его, но ответом ей была тишина, и она поняла, что совершенно одна. Почему он ушел, не сказав ей ни слова?

Она откинулась на подушки, вспомнив тот ужасный обман.. Она не смогла провести Абула, и все же они продолжали телодвижения, но избегали смотреть друг на друга так, как делали это в моменты полного слияния; тогда, когда их души соединялись, так же как и тела в той кульминации, которая была временами подобна взрыву или мягкому падению, а временами быстрому прыжку вниз головой, от которого захватывало дух и который заставлял ее экзальтированно хохотать.

Зачем она притворялась? Ведь так просто было сказать, что она устала. Он бы ничуть не обиделся и не воспринял это как отказ. Но какой-то глубоко сидящий в ней страх не позволил ей сказать правду. Как могло случиться, что она устала, для того чтобы заниматься любовью? Может быть, внутри нее сидит рак, пожирающий ее изнутри? Если она признается себе в этих симптомах, значит признает и то, что с ней происходит что-то серьезное. До сих пор она боролась, заставляя вести себя, как обычно, не обращая внимания на свою немощь, но больше она не может этого делать. Сарита постаралась вздохнуть, но в горле ее как будто застрял комок, не дававший доступ воздуху. Она конвульсивно глотнула и на какой-то миг у нее возникло такое чувство, будто она тонет. На глазах ее появились слезы отчаяния. Она не слышала, как открылась дверь и осознала, что к ней пришла Кадига только тогда, когда та встала возле ее кровати.

— Ты напугала меня, — Сарита поспешила вытереть слезы.

— Извини, — я не хотела беспокоить тебя на тот случай, если бы господин Абул все еще был с тобой.

При этих словах из глаз Сариты снова брызнули слезы, нос ее заложило, а рот наполнился слюной, которую она не могла сглотнуть.

Кадига стала стучать ей по спине, пока она не перестала задыхаться.

Сарита в полном изнеможении упала на диван.

Глаза ее наполнились страхом смерти.

— Что со мной, Кадига? Я скоро умру, я чувствую это.

Кадига покачала головой в ужасе от той правды, которую знала. Потом она внезапно

повернулась и выбежала из башни. Она побежала по кипарисовой аллее в позолоченную приемную калифа. На ее пороге она остановилась, встреченная тройкой вооруженных мужчин.

— Какое у тебя здесь дело, женщина?

— У меня неотложное дело к калифу, — сказала она голосом, близким к шепоту. — Мне необходимо немедленно поговорить с ним.

Один из солдат покачал головой.

— Он прощается с гостями около ворот крепости. Если у тебя к нему дело, обратись к нему в те часы, когда он будет справлять правосудие.

Кадига повернулась, чтобы уйти. В конце концов, она попыталась предотвратить это. Едва ли это ее вина, если калиф не пожелает ее выслушать, но тут перед ней встали глаза Сариты, полные ужаса и страха, и она остановилась.

— Я подожду калифа здесь, — сказала она. Солдаты бурно запротестовали, заявив, что служанке не пристало находиться в подобном месте, так как таким, как она, калиф не дарует аудиенции.

— Я служанка госпожи Сариты, — сказала она, как могла, твердо, — господин Абул выслушает меня.

Потом, не дожидаясь, что они выпихнут ее из приемной силой, она села на полу возле колонны и стала ждать.

Стражники обменялись взглядами и пожали плечами. Когда дело касалось пленницы из башни, оно часто принимало необычный оборот.

Так что, когда Абул, мрачный после несчастливой ночи и принужденных дружеских прощаний с Каледом, вернулся в свои апартаменты, чтобы приготовиться к дневным заботам, взгляд его упал на темную фигуру Кадиги.

Завидев его, она вскочила и устремилась ему навстречу:

— Мой господин Абул, я очень прошу вас…

— Женщина сказала, что у нее к вам личное дело, — прервал ее один из стражников. — Она была очень настойчива и сказала, что оно касается женщины из башни, и мы подумали, что будет лучше, если мы позволим ей остаться. Но если вы хотите, чтобы мы удалили ее, мой господин…

Абул жестом велел ему замолчать. Он посмотрел на Кадигу, стоящую тут же, в глазах ее была тревога.

— Пойдем, — сказал он тихо и прошел в палату.

Стражник прикрыл за ней дверь, и она постаралась вернуть себе мужество, несколько подтаявшее за долгие минуты ожидания.

— Какое у тебя дело ко мне, Кадига?

В его мягком тоне и спокойном взгляде было нечто, придавшее ей сил.

— Я боюсь говорить, мой господин калиф, но все же не могу молчать.

— Тебе нечего бояться, — сказал он, ставя бокал на стол. — То, что будет сказано в стенах этой комнаты, останется исключительно между нами. Так что о госпоже Сарите ты должна мне сказать?

— Я думаю… думаю… мой господин, думаю, что она проглотила нечто такое, что не пойдет ей на пользу.

Колени Кадиги дрожали, ладони вспотели, Ну вот она и сказала, сделала признание, целиком отдавшись на милость Мули Абула Хассана.

— Ты знаешь, когда Сарита проглотила это вещество? — спросил, наконец, Абул.

— Думаю, регулярно, в течение многих недель, мой господин.

— Ты знаешь, кто давал его ей?

Кадига увлажнила губы.

— Я сама, мой господин.

Абул понял ее правильно.

— Как ты делала это?

Ноги Кадиги подогнулись, она сгорбилась и наклонила голову, как бы пытаясь преодолеть свой ужас. Если она скажет, султанша сможет обвинить ее в чем угодно.

— Не бойся, — сказал Абул, скажи. — Он протянул к ней руки и поставил ее на ноги. — Нет никакой нужды тебе сидеть на полу. Сядь сюда, — и он подтолкнул ее к дивану — Сядь.

Кадига повиновалась ему.

— Давай будем говорить прямо, — сказал Абул. — Ты ведь начала говорить о яде?

Кадига медленно кивнула.

— И ты… давала его?

Она снова кивнула.

— В чем, Кадига?

Кадига видела перед собой палача с занесенным над ее головой ножом, чувствовала его железную хватку, слышала крики возбужденной толпы. Она не в силах была говорить.

— Если ты не скажешь это, Кадига, то зачем вообще сказала мне что-то?

Абул старался сохранить терпение, хотя и не понимал, почему женщина не хочет рассказать все до конца.

— Потому что думаю, что она умрет, если врач не поможет ей, — судорожно сглотнула Кадига. — Отрава проникла уже глубоко и я не знаю никакого способа остановить ее действие.

mir-knigi.org

Но, возможно, Мухаммед Алахма знает его?

— Но как он сможет найти противоядие, если ты не скажешь, кто подсыпал яд и какова его природа?

Голос его не выдал той паники, которая охватила его, когда он узнал, что жизнь Сариты висит на волоске. Жизнь без Сариты… без этого трепетного и такого живого существа… она была бы непереносима.

— Скажи мне, — он был уже не в силах скрывать своего отчаяния и Кадига ответила ему.

— Думаю, он содержался в снадобье, которое она принимала против зачатия.

— И ты смешивала это снадобье?

Кадига кивнула.

— Из… из зелья, которое готовит… — Кадига не могла подавить свой страх. — Она обвинит меня в лжесвидетельствовании, мой господин, и мне отрежут язык.

— Тише, замолчи, — сказал он, кладя руку ей на плечо, — никто и ни в чем тебя не обвинит. Я уже сказал тебе, что все, что ты скажешь мне, останется между нами.

Кадига продолжала всхлипывать, поэтому он вышел на коллонаду в надежде на то, что утренняя прохлада успокоит его, если вообще, что-либо могло его сейчас успокоить.

— Ты ведь говоришь о госпоже Айке, не правда ли?

Он взглянул на нее через плечо.

Кадига кивнула, хотя и не перестала всхлипывать.

— И ты думаешь, что Сарита уже несколько недель принимает этот яд?

Она еще раз кивнула.

— Действие его медленно, мой господин. Но по-моему, оно уже стало…

— Я знаю, что уже произошло, — неожиданно жестко прервал он ее, но жесткость эта была направлена целиком на него самого, так как он винил себя в том, что не сумел распознать саритиного нездоровья.

— А что, ты не знаешь, яды всегда так действуют?

— Некоторые, да, мой господин, но у меня нет такого опыта, как у Мухаммеда Алахмы.

— Да, если кто и сумеет ей помочь, то только он.

Ну иди в башню и ухаживай за Саритой. Об остальном я сам позабочусь. — Тебе нечего бояться, — продолжал он. — Защита калифа пока еще кое-что значит здесь, наградить же он может так, как никто.

Кадига посмотрела на него глазами, затуманенными слезами, в которых, однако, страха уже не было.

mir-knigi.org

— Да, мой господин Абул, — сказала она и поспешила в саритину башню.

Оставшись в одиночестве, Абул почувствовал, как отчаяние вползает ему в душу. Так, значит, Сарита сейчас находится в цепких объятиях насланной на нее болезни. Он слишком хорошо знал, что это такое, чтобы не бояться худшего. Она потеряна для него. Но тут к нему пришла решительность. Он не позволит этому случиться. Сарита должна победить. Он придаст ей сил, сделает все, чтобы она не поддалась действию отравы. Она молода, здорова, а Мухаммед Алахма — прекрасный лекарь и алхимик. Он сделает так, что Сарита поправится.

Абул прошел обратно в комнату и распахнул дверь и приемную.

— Немедленно пошлите за Мухаммедом Алахмой. Пусть он ждет меня здесь.

Удивленные стражники проводили взглядами калифа, который поспешно вышел из приемной.

Проходя мимо части дворца, в которой обитали его жены, Абул непроизвольно сжал рукоятку кинжала, лежавшего во внутреннем кармане его платья, потому что перед его мысленным взором встало лицо Айки. Он тут же заставил себя вынуть из кармана руку и выкинуть ее образ из головы и не знал пока, что будет с ней делать, но понимал, что для того, чтобы придать Сарите сил и тем самым помочь ей справиться со смертельным недугом, ему необходимо иметь ясный и незатуманенный думами о мести разум.

Наконец, он вошел в башню. Кадига стояла у входа на галерею, и он поманил ее.

— Ей хуже? — прошептал Абул так, что Сарита не могла его услышать.

Кадига кивнула.

— Но она должна знать, что будет здорова снова. Это ясно?

— Да, мой господин, но у Зулемы такое нежное сердце, что я не знаю…

— Если Зулема не может держать себя в руках, то она должна уйти, — сказал Абул быстрым шепотом. — Объясни ей все, как считаешь нужным.

С этого момента никто не должен приближаться к Сарите, кроме меня, Мухаммеда Алахмы, тебя и Зулемы, если ты считаешь, что ей можно доверять.

— О, конечно, можно, мой господин. Если она найдет в себе силы, чтобы спокойно ухаживать за Саритой, это будет прекрасно. Лучшей сиделки и представить себе нельзя.

— Отлично, — он кивнул и пошел к лестнице.

— Абул? — спросила Сарита слабым голосом, и попыталась сесть и улыбнуться. — Я все еще в постели, ужасно стыдно, правда?

— Ничуть, — ответил он, — тебе следует несколько дней оставаться в постели, милая.

— Но мы ведь должны ехать в Мотрил, — сказала Сарита, изо всех сил борясь с желанием откинуться на подушки.

— Мы и поедем в свое время, — он присел на краешек дивана, — Кадига, принеси халат и тапочки.

mir-knigi.org

Сарита прислонилась к нему, будучи слишком смущенной и изможденной для того, чтобы удивиться тому, что они так странно ее одевают.

— Что случилось? — спросила она, наконец, когда Абул понес ее по лестнице. — Куда ты меня несешь?

— В мои апартаменты, где ты будешь у меня на глазах, — сказал ей Абул. — А когда ты поправишься, у нас с тобой будет очень важный и, возможно, неприятный разговор. Ты кое-что скрывала от меня и мне это очень не нравится.

Слова Абула почему-то подействовали на Сариту успокаивающе. Если бы она должна была умереть, он не стал бы так разговаривать с ней.

— Ты думаешь, я выздоровлю, Абул?

Он посмотрел на нее сверху вниз. В глазах ее была боль и ужас, но в них была еще и вера, вера в него, в его суждения. Она была его единственным оружием против яда.

— Что за глупости, Сарита? Почему ты не должна выздороветь? Ты просто устала и подцепила какую-то инфекцию. Мухаммед Алахма вылечит тебя, и ты отдохнешь. Если бы ты раньше сказала о своем нездоровье, все не зашло бы так далеко.

— Но я не привыкла плохо себя чувствовать, — попыталась она объясниться, — я думала, что все пройдет. Не сердись на меня.

Он улыбнулся ей, а сердце наполнилось любовью и ужасом.

— Я действительно немного сержусь, но ты заслужишь прощение, если будешь следовать в точности врачебным предписаниям и тогда поправишься.

И он дотронулся губами до ее лба, холодного как лед.

— Я могу идти сама, — сказала она, опусти меня, и увидишь, что я вовсе не так уж больна.

— Нет.

У Сариты не было ни сил, ни желания спорить.

С приходом Абула ее покинуло ужасающее чувство одиночества и страх смерти.

Когда калиф пришел в свои апартаменты, Мухаммед Алахма уже ждал его в приемной.

— Мой господин калиф, — поклонился почтенный врач, почти касаясь пола бородой, — чем я могу вам служить?

— Пойдем, и я объясню тебе, — Абул внес Сариту в свою спальню и положил ее на диван, тихо велев Кадиге остаться с ней пока он поговорит с врачом.

— После у врача будут к тебе вопросы, — добавил он.

— Но почему? — начала было Сарита, но смолкла, потому что сердце ее снова зачастило. Абул смотрел на нее, видя, что она изо всех сил старается перенести вновь охватившую ее боль.

— Ты не можешь помочь ей? — спросил он Кадигу. Женщина закусила губу и покачала

mir-knigi.org

головой, но все же наклонилась и слегка приподняла Сариту, просунув руки ей под спину.

— Что у нее внутри? — резко спросил врач.

Он подошел к дивану без приглашения и теперь смотрел на то, как Сарита борется с болезнью.

— Неизвестно, — Абул жестом велел ему отойти. — Я скажу тебе то, что знаю.

Мухаммед Алахма выслушал его со всей серьезностью. Потом Кадига рассказала ему о симптомах, о медленном течении болезни, о быстром и неожиданном ухудшении.

— У вас есть сосуд, в котором была отрава?

Кадига сходила за ним в башню и отдала в руки врачу. Тот перелил содержимое сосуда в блюдо, понюхал его, поднес к свету и снова покачал головой.

— Я ничего не могу об этом сказать, но знаю, господин калиф, подобные яды, и на этой стадии надежда на выздоровление очень мала.

Сердце Абула сжалось — сжалось, как лимон, из которого выдавливают сок, и в вены ему устремился горький сок потери.

— Вы должны что-то сделать, — сказал он. — Я не верю, что нет никакого средства. Должно быть что-то, что вы можете ввести ей, с тем чтобы обезвредить яд.

Мухаммед Алахма подумал, что еще минуту, и он схватит старика за горло и вытряхнет из него ответ.

— Иногда, — сказал, наконец, врач, — бывают вещи, которые могут в таких случаях помочь, но я не знаю, что ей дать, если мне неизвестна природа яда. Назовите мне яд, мой господин калиф, и, может быть, я смогу что-нибудь сделать.

Абул стоял, не двигаясь с места. Он чувствовал, как испугалась Кадига. Только один человек мог сказать, какой именно яд дали Сарите. Это означало, что он должен действовать немедленно и без оглядки на последствия, но иного выбора у него не было.

— Я назову вам его, — сказал он.

Он послал за визирем, который выслушал его указания с полнейшим самообладанием: в сераль должны были войти вооруженные люди с тем, чтобы привести Айку в зал суда.

Абул вернулся в свои апартаменты, туда, где врач осматривал Сариту, которая лежала, задыхаясь и в холодном поту.

— Я приготовлю рвотное, — сказал Мухаммед Алахма калифу. — Оно будет способствовать выведению яда из желудка, но это все, что я могу сделать для больной, пока не узнаю названия яда.

— Я быстро назову его, — решительно заявил Абул. — Кадига, позови Зулему, чтобы она помогла тебе.

Зулема пришла уже через несколько минут, и Абул оставил женщин и лекаря, а сам пошел в маленькую мечеть, «чтобы приготовить себя к тому, что он должен был сделать.

mir-knigi.org

О прибытии в гарем солдат сообщила встревоженная служанка, увидевшая их из нижней залы. Женщины перестали болтать, забросили свои занятия и в спешке бросились укрывать лица, переглядываясь друг с другом в страхе от этого неожиданного визита. Единственными мужчинами, когда-либо посещавшими гарем, были только визирь и калиф. Встав по стенкам, женщины с ужасом смотрели своими подведенными глазами на то, как в зал врываются солдаты в остроконечных шлемах, с кривыми ножами на поясах.

— Где госпожа Айка? — разорвал тишину голос старшего офицера.

Сначала ему никто не ответил, но потом одна из них сказала:

— Госпожа Айка еще не спускалась сегодня из своих апартаментов.

Офицер обратился к служанке, которая смотрела на все это широко открытыми глазами.

— Проводи нас в апартаменты госпожи.

Женщина поспешила указать им на дверь, ведущую в палаты Айки.

— Доложи о нас! — несмотря на приказ, офицеру не очень-то хотелось беспокоить госпожу. Но женщина еще не успела постучать, как дверь открылась, и на пороге ее появилась Нафисса.

— У нас дело к госпоже Айке, — коротко сказал офицер, — отойди.

— Кто это, Нафисса? — раздался голос Айки, удивленной тем, что слышит у двери мужской голос.

— Солдаты, моя госпожа, — губы Нафиссы затряслись от страха.

Айка, почувствовала озноб.

Что же было не так? Кто ее выдал? Или послание к отцу перехватили? Глаза ее устремились на Нафиссу. Только служанка выдала.

— Что вы от меня хотите? — она постаралась выглядеть разгневанной.

— Господин Абул, госпожа, велел нам привести вас в Мексуар, — бесстрастно сообщил ей офицер.

Он подал знак двум солдатам, и они двинулись к султанше и схватили ее за руки, несмотря на то, что она кричала, пытаясь освободиться. Но таков был приказ командира, и протесты со стороны женщины не могли изменить его и, следовательно, их намерения. Офицер повернулся и вышел из палаты, а за ним вышли офицеры, тащившие упирающуюся султаншу. Крики ее сотрясали стены сераля, и в сердце остальных женщин вселялся страх из-за того, что судьба так неожиданно повернулась спиной к их предводительнице. Если уж даже она, пользующаяся всей полнотой власти, может пасть так низко, значит, и никто из них не может чувствовать себя в безопасности.

Оказавшись в залитом солнцем Львином дворике, Айка неожиданно перестала сопротивляться.

Упорство только увеличивало глубину ее падения, поэтому она пошла рядом со стражником с глазами, горящими гневом, а в голове у нее роились самые различные предположения о том, что явилось причиной ее позора.

mir-knigi.org

Если бы он подозревал измену, то не стал бы так обращаться с ней. Она знала, что он предпочитал действовать осторожно и встречал вражеский удар кинжалом, спрятанным столь умно, что враг о нем не догадывался. Чтобы обращаться с женой таким образом, он должен иметь неопровержимые доказательства ее вины, но какие доказательства могли у него быть? Она не могла придумать ничего другого, кроме как то, что он обнаружил ее переписку с отцом. Но она писала только о бедах, разразившихся внутри Альгамбры, и о своих страхах за калифа, увлеченного новой наложницей. Она тщательно избегала сказать в послании нечто такое, что ей могли бы в случае его обнаружения поставить в вину. В самом деле, она вполне может защититься, сказав; что беспокоилась о муже…

Абул вышел из мечети как раз перед тем, как Айку привели в Мексуар. Он сел на огромный резной трон, спокойный и твердый, поглощенный только тем, что ему было необходимо узнать.

Увидев его в пустынном зале, Айка почувствовала, что мужество ее поколеблено. Губы Абула, казалось, были вытесаны из камня, глаза почему-то. уменьшились до черных светящихся точек, а руки спокойно лежали на подлокотниках трона. Стражники подвели ее к его подножию и по сигналу Абула разжали руки, отступив назад, так что она осталась стоять одна.

— Скажи мне название яда, который ты дала Сарите, — требование это было высказано в манере, абсолютно несвойственной Абулу — голосом холодным и бесстрастным.

Первой реакцией Айки было облегчение.

Так вот в чем дело, но нет же никаких доказательств тому, что он сказал. Никто, даже Нафисса, не знала об этом. Так что, если она будет все отрицать, никто не сможет доказать ее вину. А Сарита, должно быть, умирает…

— Я не понимаю тебя, мой господин Абул, — сказала она с достоинством. — Не понимаю, что такое я сделала, что позволяет тебе так плохо обращаться со мной.

— Да? Не понимаешь? — тихо спросил он, — правда, Айка? Тогда позволь, я тебе объясню. Ты отравляла Сариту в течение многих недель, делая это с помощью зелья против зачатия, — сказав это, он умолк.

Как он догадался? Но догадка — это еще не доказательство. Она заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Если меня обвиняют в этом, я хочу посмотреть на своего обвинителя и услышать доказательство моей виновности, которые он приведет.

Она все еще была уверена в том, что они ничего не смогут доказать. Только она сама может уличить себя.

Абул медленно вытянул правую руку, указав на нее пальцем.

— Ты стоишь перед своим обвинителем. Я и только я обвиняю тебя в этом.

Айка облизала губы. Что это значит? Абул знает, что не может обвинять без достаточных на то оснований. А он может только строить догадки. Она покачала головой.

— Я отрицаю это обвинение, мои господин Абул, и прошу вас привести доказательства.

Абул поднялся с трона.

— Назови мне яд, Айка.

Внезапно Айка поняла, что перед ней — не тот человек, которого она знала, не тот, кого она ублажала, не тот, с которым она провела много приятных ночей и от кого родила ребенка. И не тот, кого, как она думала, было достаточно легко провести, используя для этого хитрость и обман. Перед ней было само воплощение Бога мщения, могущественного и безжалостного. И оно все повторяло и повторяло свое требование холодным и уверенным голосом. И все же, когда она снова повторила, что отводит от себя это обвинение, Абул посмотрел на нее так, как будто считал ее не мыслящим существом, а лишь сгустком плоти, и она задрожала от ужаса.

— Заточите ее в крепость, — сказал Абул, — выведайте у нее название и скажите мне. Для меня важно только то, как быстро вы сможете освежить ее память. — С этими словами он вышел из зала.

Осознав, наконец, что ее ждет, Айка издала громкий крик.

Солдаты выволокли ее из Мексуара и потащили к крепости. Она уже не кричала, будучи парализованной ужасом. Но в недрах крепости, в комнате, залитой светом факелов, когда ей показали, какие средства собираются применить для того, чтобы освежить ее память, она снова начала кричать так, как кричат обезумевшие животные. Когда же ее привязали к каменному столу, она выкрикнула название яда и в отчаянии повторяла его снова и снова. Для того, чтобы увериться в ее правдивости, они применили палочные удары, но, убедившись, что она повторяет его как заклинание, прекратили пытки. Ее так и оставили привязанной к каменному столу, а офицер побежал к калифу, чтобы сообщить ему название яда. Прошло не более получаса с тех пор, как Абул отдал им приказ и покинул Мексуар.

Вернувшись в свою палату, Абул обнаружил, что не может там находиться. Видеть муки Сариты было выше его сил. Врач и служанки вводили ей рвотное, и она умоляла Абула заставить их прекратить это делать, а он не мог сделать ничего. Она смотрела на него так, будто умоляла его не продлевать ее агонию. Он вышел в приемную, где начал ходить из угла в угол, с нетерпением ожидая вестей. Он не верил в то, что Айка наделена большой силой духа. Если надо, он применил бы и орудия инквизиции, все, что угодно, только бы добиться ее признания! Все, что угодно, только бы защитить Сариту, — он готов принести любые жертвы, любые!

Осознание этого не поразило его. Любовь их была неизбежной, естественной, как дыхание, а зародилась она в тот самый момент, когда он увидел ее на дороге. Теперь же она была неотъемлемой его частью, и если бы он мог отдать за нее свою жизнь, то сделал бы это без малейших колебаний.

Наконец, по мраморному полу колоннады загромыхали чьи-то сапоги, и в приемную вошел офицер.

— Семя Т.... мой господин, — сказал он без всякого вступления.

— Вы уверены, что она не соврала?

Офицер покачал головой. В таких вещах у него был некоторый опыт.

— Я думаю, что это правда.

Абул кивнул и повернулся, чтобы уйти в спальню.

— Мой господин…

Абул в нетерпении остановился:

— Да?

— Госпожа Айка, мой господин. Что с ней делать?

— Отведи ее в башню, кади, — сказал Абул, — и принца Бобдила с ней. — Какие бы планы относительно сына он не вынашивал когда-либо, теперь им пришел конец. Ребенок такой женщины не может быть его наследником, так что и мать, и сын могут отправиться в изгнание вместе. Это будет со всех точек зрения лучшим выходом. И когда у него будет время подумать, он решит какого рода изгнание им уготовить.

Он вошел в спальню и тотчас же подошел к дивану. В лице Сариты не было ни кровинки, губы посинели, великолепная масса непослушных рыжих кудрей увяла, а их пламя — погасло. На какой-то миг он подумал, что потерял ее, но тут ее пальцы затрепетали.

— Семя танджиний, — сказал он врачу, — что вы можете сделать, чтобы обезвредить его?

Мухаммед Алахма подергал бороду и еще более посерьезнел:

— Не знаю… Это самая сильная, самая убийственная отрава… — Что-то бормоча, он вышел из комнаты, оставив Абула и двух женщин в состоянии полной неопределенности и страха за Сариту, находящуюся в коме. Но, по крайней мере, теперь ей, может быть, не больно… Абул старался найти успокоение хотя бы в этом.

Мухаммед Алахма вернулся примерно через час. Он молча положил Сарите на язык ярко-желтую пастилку.

— Не знаю, поможет ли это, — пробормотал он в бороду, — но больше я ничего не могу придумать.

Это ей надо давать каждые три часа.

— А как мы узнаем, что оно помогло? — спросил Абул.

— Если она не умрет через несколько часов, — просто ответил лекарь. — Теперь нам остается только ждать.

Глава 17

Прислуживающая Айке женщина поставила поднос с едой на столик, стоявший в нижней зале башни кади и спросила:

— Желаете ли вы что-нибудь еще, госпожа?

Женщина даже не посчитала нужным опустить в присутствии султанши глаза, и в голосе ее не было смирения, слышать которое Айка так привыкла. У нее руки чесались — так хотелось ударить дерзкую по губам, но солдаты, которые всегда сопровождали посетителей тюрьмы, стояли у двери, и Айке не хотелось делать их свидетелями столь недостойной сцены.

Ее глаза метнулись к подносу. Сумела ли Нафисса спрятать туда еще одно послание? С тех пор, как ее госпожу заточили в тюрьму, служанка проявляла удивительную находчивость,

mir-knigi.org

которая по всей видимости, не грозила иссякнуть до тех пор, пока могла оплачиваться.

— Оставь меня, — бросила Айка, и перед тем как склониться над подносом подождала, пока женщина и эскорт уйдут. Оставшись, наконец, в одиночестве, она принялась шарить в складках аккуратно сложенной салфетки — именно туда запрятала Нафисса свое последнее послание, но, к великому сожалению, не нашла там ничего.

Под ее рукой извивался Бобдил, разглядывающий еду на подносе. Увидев, что там нет засахаренного миндаля, он начал громко жаловаться.

— Не хнычь, Бобдил, — Айка хлопнула его по губам и он отчаянно завопил. Она вздохнула, не представляя себе, что находиться с сыном будет столь неприятно.

Он потянулся к блюду с перепелиными яйцами, аппетитно разложенными на зеленом фиговом листе, блестевшим капельками воды. Под его пальцами лист смялся и под ним показалось что-то белое. Айка оттолкнула сына и вытащила из-под листа тугой сверток шелка.

Предоставив Бобдилу возможность уплетать деликатесы с подноса, она развернула шелк.

Нафисса поистине превзошла саму себя. Она выведала у часовых, где находится вход в одну из сквозных пещер, пронизывающих гору, на которой стояла Альгамбра. Пещера имела выход около Гранады, там, где протекала река Дарро. Так что, писала Нафисса, если султанша желает попытать удачу, можно будет ухитриться устроить побег с помощью этого часового, который, несомненно, купится на рубин, что лежит в ее шкатулке с драгоценностями.

Айка подумала, что ее шкатулка с драгоценностями уже заметно опустела от рук Нафиссы. Но теперешнее ее положение не допускало торга.

Если же она сумеет бежать из Альгамбры, то устремится к отцу, которому наплетет сказку о том, как плохо с ней обращались. Этим она сумеет восстановить его против Абула, как человек, который, поддавшись пустячному увлечению бездоказательно обвинил его дочь в преступлении, заставив ее под пытками признаться в том, чего она не совершала. Он побудит другие мавро-испанские семейства восстать, и Абула низвергнут.

Она не видела его с того ужасного утра в Мексуаре, но знала, что он не оставит их с Бобдилом в башне навсегда и, как только решит, что с ними делать, удалит из Альгамбры. Шансы же на побег вне ее будут значительно меньше.

Но что делать с Бобдилом? Как будет реагировать он на опасности и неудобства, неизбежные при побеге? Айка задумчиво посмотрела на него. Он самозабвенно уплетал перепелиные яйца и не обратил внимания на ее пристальный взгляд. Она должна взять его с собой; он был необходим для ее дальнейших планов. Какой смысл низвергать Абула, если у нее не будет собственной марионетки, чтобы посадить на его место? Но сможет ли мальчик вести себя хорошо в экстремальных условиях? Уж слишком легко он начинал ныть. Айка и без Абула отлично это знала, но в ее интересах было, чтобы мальчик оставался таким же хлипким и зависимым от нее. Так что с этим ей придется смириться.

Конечно, можно запугать его и заставить таким образом хранить молчание, по крайней мере, до тех пор, пока они будут оставаться в стенах Альгамбры.

Он и так уж очень боялся отца. К сожалению, однако, мальчик был так обрадован тем, что его освободили от репетитора и отдали в руки матери, что она не смогла извлечь пользу из их заточения. Для Бобдила оно вовсе таковым не являлось, так как каждое утро его водили на

прогулки, в том числе и верховые, и снабжали самыми любимыми кушаньями.

Айка перевернула шелк. С другой стороны он был чистым. Очевидно, Нафисса ждет от нее ответного письма — должно быть, караулит поднос на кухне. Конечно же, она пойдет с ними, и, будучи уроженкой города Гранады, сможет, возможно, через свою семью обеспечить их лошадьми и помочь с сопровождением. Если они убегут ночью, то до рассвета сумеют продвинуться далеко, и к полудню окажутся под защитой отца Айки.

Но осуществить побег следует как можно скорее и, быстро заточив перо, она принялась царапать им по шелку.

— Что ты собираешься делать?

— Я подумала, что, может быть, мне стоит попробовать ходить, — Сарита улыбнулась вошедшему Абулу. Она сидела на краешке дивана, задумчиво покачивая ногами и пытаясь решить для себя, смогут ли они сделать хоть два — три шага.

— А Мухаммед Алахма разрешил тебе это?

Он изобразил на лице сердитую мину, в то время как сердце его пело от радости и благодарности за то, что человек, ставший смыслом его жизни, жив.

— Вообще-то нет, — сказала Сарита, — мы об этом не говорили.

— Тогда ложись обратно в постель. Ты не можешь делать ничего без его позволения.

— О, какие глупости, — сказала она, — я уже совершенно здорова, только немного слаба из-за всех этих лекарств, которыми меня пичкали, чтобы вызвать рвоту.

Она взяла его руку и сжала пальцы. Об этом ужасном времени она мало, что помнила, но то, что рядом с ней был Абул, сознавала прекрасно. Когда она дрейфовала на волнах смерти, отказавшись бороться с ней, потому что ей легче было отдаться боли и слабости, нежели сражаться с ними, Абул сумел каким-то образом проникнуть в ее тело. Она так и не поняла, как ему удалось это сделать, но он заставил ее открыть глаза и пока смотрела на него, слился с ней. Он отогнал те пронзительные черные тени, что притягивали ее, вынес на свет, и заставил остаться там, как бы сковав ее невидимыми, но нерушимыми цепями.

Абул пожал ей руку в ответ и взбил подушки, а после лег рядом на диван. Прошла всего неделя с самого длинного дня в его жизни.

Сначала он думал, что пастилки не помогут Сарите. Она долго лежала совершенно неподвижно, и врач сказал, что если ее организм не будет бороться, то антидот не поможет. Объятый отчаянием, Абул стал говорить с ней сердито и решительно, и для еще большей убедительности потряс ее за хрупкие плечи. Он говорил ей, чтобы она открыла и не сводила с него глаза, что у него хватит сил на них обоих. В ее глазах появилась искра понимания и взгляд задержался на нем. Когда же тело ее схватили спазмы, он не дал ей уйти в беспамятство, стараясь наделить собственной силой, и каким-то образом ему это удалось. К вечеру припадки у нее прекратились и пастилки лекаря начали действовать. Он не спал всю ту ночь из боязни, что без его физического присутствия она снова может соскользнуть в беспамятство, к утру она уснула нормальным сном.

Мухаммед Алахма кивнул, ничего не сказав при этом, но продолжал класть на ее язык

пастилки и, также быстро, как ухудшение, у Сариты началось улучшение. Она вернулась к жизни, победив смертельную отраву. Теперь в ее глазах зажглось озорство и она ударила пальцем по его губам.

— Я чувствую, что мне совершенно необходимо посетить бани, мой господин калиф. Уверена, что они окажут на меня весьма укрепляющий эффект.

Абул рассмеялся и поцеловал ее палец, слегка надкусив кончик.

— Если ты желаешь принять ванну, милая, я это устрою, но только тут. Ты еще недостаточно окрепла, чтобы выходить за порог.

— Да, возможно, недостаточно, — согласилась она. — И уж конечно, недостаточно окрепла для того, чтобы принимать ту ледяную ванну и заходить в комнату, где начинаешь плавиться, но мне действительно очень не нравится лежать здесь, Абул. Мои ноги просто ноют от желания ходить. Я пойду на колоннаду. Если хочешь, ты можешь меня поддерживать.

Абул вздохнул и согласился. Он смотрел, как она выскочила из постели, встала и, слегка нахмурясь, попробовала сделать один шаг.

— Видишь, я отлично справилась, — закричала она, не в силах скрыть своего ликования.

Абул пошел за ней, готовый в любую минуту помочь. Но помощь оказалась не нужна. В дверях она прислонилась к колонне и полной грудью вдохнула свежего воздуха.

— Когда я была одной ногой в том, а другой — в этом мире, Абул, я кое-что слышала. — Она не смотрела на него, глаза ее были устремлены на клетку с певчими птичками и на фонтан, что играл посредине двора. — Я слышала разговоры о яде, — она погладила прохладный мрамор. — Ведь это была не инфекция, правда? Кто желал мне смерти?

Абул встал позади нее. Он хотел пощадить ее и не говорить об Айке. Если б она узнала о ней, это принесло бы ей только лишнюю боль.

Теперь она уже не сможет причинить ей вред, об этом он позаботится. Но притворяться теперь, когда Сарита задала ему прямой вопрос, он не мог.

— Айка.

Какое-то время Сарита молчала, прижавшись лбом к колонне, затем пожала плечами.

— Мне следовало догадаться. Она коварная женщина. Я часто ловила себя на ощущении, что каким-то образом стою у нее на пути. Где она?

— Заключена вместе с Бобдилом в башню кади.

Я собираюсь отослать их обоих в Марокко, в ссылку.

— И ты перенесешь грехи матери на сына?

Она повернулась к нему и посмотрела на него с тем выражением негодования, которое он так хорошо знал. Раньше оно раздражало его, но сегодня обрадовало, так как сказало о том, что она опять прежняя.

— Они предпочитают быть вместе. Разделить мать и дитя — жестоко, — объяснил он спокойно.

— А ты думаешь, что я не прав?

Сарита покачала головой.

— Нет… нет… но что его ждет? Он вырастет и больше не будет нуждаться в матери. Ты же не лишишь его…

— Это все в будущем, — прервал ее Абул, — сделаю для него все, что смогу.

Сарита поверила ему и оставила эту тему. Не было никакой нужды снова говорить о женщине, которая пыталась послать ей смерть. Айка определенно видела для себя угрозу в любви мужа к Сарите, угрозу, определить которую Сарита не могла, но инстинктивно поняла с самого первого взгляда на султаншу. Теперь уж не нужно было обсуждать этот спорный вопрос с Абулом. Она подставила лицо солнцу.

— И кто же будет твоей главной женой, если ты отвергнешь Айку? Фара? Маленький Салим будет твоим наследником?

Абул нахмурился. У Сариты была удивительная способность задавать неподходящие вопросы в неподходящее время.

— Я еще не думал об этом, — сказал он, — в последние дни у меня не было времени, чтобы думать о чем-нибудь, кроме тебя, милая.

Сарита прищурилась.

— О, дорогой, я снова наступила тебе на мозоль.

Я, наверное, никогда не перестану задавать вопросы, которые меня интересуют.

Он не мог не рассмеяться.

— По-моему, ты делаешь это нарочно, Сарита.

Но сегодня я не поддамся на твою провокацию. Ты недостаточно окрепла для того, чтобы вынести ее последствия.

— Ты думаешь? — она смотрела на него с озорством. — А кто тебе это сказал?

— Я сказал, — все еще смеясь, он вошел внутрь здания и позвонил в колокольчик, чтобы вызвать Кадигу и Зулему.

— Сарита желает принять ванну, — сказал он им, — Приготовьте ее.

— И кувшины с горячей водой для волос, — сказала Сарита, проведя рукой по потускневшим волосам. — А потом принесите мне одежду, пожалуйста. Я выкупаюсь и оденусь. Я уже и так слишком залежалась.

— Если Мухаммед Алахма разрешит, — мягко сказал Абул, — мы сначала спросим его.

Лекарь не удивился желанию Сариты.

— Женщина молода, — сказал он, — молода и крепка Если она будет слушаться своего тела, это не принесет ей вреда.

— Ну, что я говорила? — пробормотала Сарита, едва врач вышел за порог комнаты. — Я же сказала, что я достаточно крепка для всего, что может за этим последовать, ведь так?

— Посмотрим, — ответил Абул многообещающим тоном, — посмотрим, что последует за ванной.

— О… — она откинулась на диванные подушки, — ты имеешь в виду кроме чистых волос и кожи?

Он кивнул:

— Да, кроме всех этих вещей.

— Ты, возможно, что-то задумал?

— Возможно.

— Конечно, когда дело касается ванн, ты проявляешь поистине чудеса изобретательности.

— Чудеса.

— М-мм-, — она закрыла глаза, — я чувствую, что:..

— Что ты чувствуешь? — он сел возле нее и коснулся ее губ и глаз. — Скажи мне, что ты чувствуешь, Сарита. Скажи мне, что тебя порадует.

— Мне не нужно об этом говорить, — прошептала она, — ты всегда сам это знаешь.

Он положил руки ей на лицо, но в его орлиных глазах появилось серьезное выражение.

— Если уж мы затронули эту тему, Сарита, то есть кое-что, о чем мы должны поговорить.

— Я знаю, — перебила она его, — но я была так напугана, Абул. Так напугана тем, что я чувствовала., вернее тем, что не чувствовала. Я думала, что если притворюсь, то ощущения вернутся ко мне. Я знаю, что не должна была этого делать. — Ее глаза тревожно смотрели на Абула.

— Мы оба виноваты, — сказал он, — я тоже боялся… слишком боялся, чтобы спросить тебя прямо. Мы никогда не должны больше этого делать — выказывать такое недоверие друг к другу.

— Никогда, — пообещала она тихо, — но ведь мы еще узнаем друг друга, милый. И поэтому иногда ошибаемся.

Он кивнул и склонился над ней. , — Я хочу приносить тебе только радость, Сарита, доверь мне это.

Она пропустила свои пальцы сквозь, его, — внезапно почувствовав, что эмоции так и переполняют ее.

— В каком-то смысле я — твоя, — прошептала она. — Как так получилось, что я чувствую это?

— Мы принадлежим друг другу, — подтвердил он, стирая слезы с ее лица, — не плачь, милая.

mir-knigi.org

— Это не от грусти, — сказала она, улыбаясь.

— Я очень счастлива, но ужасно нуждаюсь в ванне.

До тех пор, пока не вымою волосы и тело, я не буду чувствовать себя привлекательной.

— Я понимаю тебя.

— Нет! — твердо сказала она. — Мне помогут Кадига и Зулема. А ты иди и не возвращайся до тех пор, пока я за тобой не пошлю.

У Абула вытянулось лицо.

— Но я думал, что смогу использовать свою изобретательность…

— Нет, — смеясь, прервала его Сарита. — На этот раз нет. Это женская работа, Абул, и ты будешь только мешаться.

— Никто раньше мне не говорил, что я буду мешать.

— Это потому, что никто не осмеливался тебе это сказать, — ответила Сарита с безмятежной улыбкой. — Последствия могли бы быть ужасны.

— Когда я вернусь, — сказал Абул, вставая с дивана, — мы возобновим нашу дискуссию. Мне многое надо с тобой обсудить.

— Звучит очень многообещающе, — сказала она. — Ну, а теперь иди по делам. Уверена, у тебя их накопилось огромное количество после всех этих дней.

И она помахала ему:

— Можешь вернуться через два часа. К тому времени я буду уже готова к твоему приходу.

Она говорила с ним напыщенным тоном, высоко задрав нос. Абул смотрел на нее во все глаза — ощущение человека, которому отказали в немедленной аудиенции, были для него внове. Через минуту он разразился смехом.

— Ну несчастная! Ты выглядишь прямо как нахальный воробушек, изображающий из себя павлина. Тебе не удается разыграть высокомерие, и не надувай губы, это тоже тебе не идет. — Он наклонился, чтобы поцеловать ее.

— Я хотел бы напомнить тебе, что эти апартаменты — мои, и я вернусь в них тогда, когда захочу.

Он щелкнул Сариту по носу.

— А когда я-таки вернусь, мы перейдем к одному делу, которое так и не кончили.

— Ты хочешь сказать, к тому, что ты некогда обещал, — сказала Сарита.

— Да, если тебе угодно, — согласился он и ушел в соседнюю палату.

— Не давай Сарите чересчур напрягаться, — сказал он Кадиге, наполняющей ванну горячей водой.

mir-knigi.org

— Конечно, конечно, мой господин, — заверила его женщина, кладя в воду лаванду и розовые лепестки.

— Мне не нужна нянька, — заявила Сарита, появляясь в дверях, она, очевидно, услышала этот разговор — Я сама могу распределять свои силы.

— Абул поднял руки в успокаивающем жесте, — как пожелаешь, милая, как пожелаешь. Но если я найду тебя по возвращении уставшей, то не сдержу своих обещаний.

С этими словами он покинул свои апартаменты, отметив про себя, как легко приспособился к отсутствию уединения. Так легко, что теперь был вовсе не уверен в том, что хочет, чтобы Сарита снова вернулась в башню. Теперь, когда ее силы и здоровье восстановились.

Возможно, ему надо устроить какой-нибудь компромиссный вариант, чтобы у нее были собственные апартаменты, но по соседству с его.

Постоянные хождения в ее башню были, конечно же, неудобны, хотя часы, проведенные ими там, носили на себе отпечаток чего-то необыкновенного.

В комнате, в которой он обычно занимался каждодневными делами, Абул нашел ожидающих его людей. Они были из тех людей, которые собирали для него вести по всему королевству, и сообщения их были не из приятных.

— Среди рода Мокарабов, мой господин, ходит много разговоров о христианской женщине, — застенчиво сказал один из них. — Ахмед бен Калед рассказал эмиру какую-то небылицу и она вызвала много кривотолков.

— Небылицу о чем? — спросил Абул, садясь за длинный стол, стоящий около окна. Он ожидал нечто в этом роде, так как инцидент с Каледом вряд ли мог не иметь продолжения.

— Небылицу о том, что калиф пренебрегает обязанностями по управлению королевством из-за того, что увлекся женщиной, — сказал другой мужчина, поигрывая рукояткой кинжала и, стараясь не смотреть Абулу в глаза.

Абул был поражен. Подобное не приходило ему в голову, и откуда они это взяли? До приезда Каледа о Сарите знали только в Альгамбре. Или… или это Айка приложила свою руку?

— Что-то еще? — спросил он, ничем не выдавая своих мыслей.

— Мой господин, — сказал первый, — эмир Мокарабов призвал к себе эмира Абенцаррати на совет. Говорят, по той же самой причине.

Абул побарабанил пальцами по столу. Он не мог позволить себе проигнорировать эту информацию и отнестись к ней с презрением, как она того и заслуживала. Слухи было необходимо пресечь, а сплетников разоружить, пока они не посеяли смуту, но как это сделать?

— Вы хорошо сделали, что сообщили мне об этом без задержки, — сказал он, наконец. — Я хочу, чтобы вы вернулись на свои посты и продолжали информировать меня обо всем, что происходит.

Двое низко поклонились и ушли. Абул остался в своем кабинете. Ему было необходимо сделать что-то, чтобы доказать всем, что он по-прежнему не выпускает из рук штурвал управления королевством.

Какая-нибудь военная операция была бы сейчас очень убедительна… но в данный момент, как назло, не было никакой нужды для военных действий. Испанцы вели себя тихо, а банды головорезов, что шныряли по королевству, находились под строгим контролем. Возможно, следует показать свой гнев в связи с возникновением слухов… или ему следует опуститься до уровня тестя и потребовать у него и у его сообщников удовлетворения за клевету. Конечно, его отношения с эмиром не улучшатся оттого, что он отверг и наказал его дочь.

В особенности, если ее прегрешения касаются какой-то сомнительной христианки. Это только подольет масла в огонь. Пока что об этом неизвестно никому, но долго такое положение не продлится, и если он выгонит Айку из Альгамбры, скрывать будет нечего.

Он встал и подошел к окну. Почему он так озабочен тем, чтобы скрыть что-то? Он не выходил за рамки закона, так что нет причин, по которым должен занимать обороняющуюся позицию своим тестем. А вот Айка пыталась совершить убийство, а это преступление каралось смертью, несмотря на личность предполагаемой жертвы. Но доказательство ее вины было получено темным способом.

С другой стороны, мужчина имеет право отвергнуть жену, которая больше его не удовлетворяет.

Эмир не может жаловаться на это. Но ему и не нужны справедливые причины для того, чтобы подстрекать людей к восстанию. Для этого вполне подойдут сфабрикованные. А положение Абула и так было достаточно шатким, где смуты и волнения были обычным делом. Может, ему стоит посетить секретный совет и тем самым спугнуть заговорщиков. Во всяком случае, одно его появление там развеет слухи о его пренебрежении делами, и он сможет выразить свое неудовольствие вмешательством в его внутренние дела. Гарем был несомненно внутренним его делом.

Не то, что Сарита была его членом. Абул не мог удержаться от смеха при мысли о том, как отреагировали бы его соотечественники, если бы узнали, какие отношения в действительности связывают его и испанку. Между ними было полное равенство, при виде которого любой человек со стороны лишился бы дара речи.

Мысль эта несколько развлекла его, но пока что он ее оставил. Подобный визит к тестю был бы, кроме того, отличной возможностью представить свою собственную версию случившегося. Таким образом он сможет предвосхитить критику, публично заявив об обстоятельствах дела и о своем решении. А если он сделает все хорошо, то в заявлении его слушатели непременно услышат намек на критику человека, воспитавшего такую дочь и использовавшего ее для того, чтобы взять власть в Альгамбре в свои руки.

Нет… пожалуй, это стоит сделать, — решил Абул. Приняв решение, он, как обычно, перестал думать на эту тему и позвал визиря и кади. Еще час он будет заниматься неотложными утренними делами, после сего вернется в свои апартаменты к выздоровевшей и обольстительной Сарите.

Но прошло больше часа с того момента, как он смог выйти из кабинета и приблизиться к дверям своей спальни. Несмотря на дневной час, комната была погружена в темноту. Тяжелые зимние шторы закрывали окна и двери, ведущие на колоннаду и мягкое свечение углей в очаге смешивалось с золотистым светом масляных фонарей, продуманно размещенных по углам комнаты.

Абул поморгал, привыкая к темноте, и в следующее мгновение увидел Сариту. Она лежала на

оттоманке, совершенно нагая, а тело ее казалось белым по сравнению с волосами, струящимися по плечам и спадающими на подушки. Она томно сделала приглашающий жест и Абул, улыбаясь, приблизился к ней.

— Я не ожидал, что меня примет одалиска, — тихо сказал он, становясь возле оттоманки на колени. Что ты задумала?

— Что ты? Ничего. Она томно потянулась, как бы предлагая свое тело, совершенные изгибы которого подчеркивало продуманное освещение. — Я просто отдыхаю, мой господин калиф, ведь вы этого от меня хотели?

— Понятно. — он удержался от того, чтобы дотронуться до нее, но вдохнул теплые ароматы ее тела и волос. — Тогда я не буду беспокоить тебя.

Она закусила нижнюю губу и в ее глазах появился смех, идущий вразрез с вызывающе соблазнительной позой.

— Тогда масса приготовлений пойдет прахом, мой господин Абул.

Он молча снял через голову свое расшитое платье. Под низом на нем, как всегда, были сорочка и штаны, и Сарита, нисколько не смущаясь, с вожделением смотрела, как он их снимает. Наконец, он предстал перед нею обнаженным.

— Ты моя, — сказал он с трепетом. — Каждая твоя клеточка, каждая пора, каждый волос с головы, каждый дюйм твоей кожи принадлежат мне.

— Так возьми же то, что тебе принадлежит, — тихо сказала Сарита, — чтобы и я могла взять то, что принадлежит мне.

Он опустился к ее ногам, и медленно пробежал глазами по ее телу, все также не касаясь его.

— Я хочу, чтобы ты сама отдалась мне, Сарита.

Желание росло и обволакивало их, подобно благоухающему эфиру.

Его тело в своем возбуждении было могучим и диким, ее — нежным и бесконечно уязвимым. У Сариты захватило дух, от тела прильнувшего к ее хрупкой плоти, и от осознания того, что только невидимые нити доверия являются той силой, что поистине привязывают женщину к мужчине. И того, что только такое неопределенное чувство, каким является любовь, может расформировать простое использование другого тела в радостное удовольствие двоих.

Сарита медленно провела руками по своему телу. Каждый его сантиметр был ее, даже теперь, когда она отдавала его Абулу. Наконец, ее бедра раздвинулись и она начала медленно сливаться и перетекать в него…

— Давай закроемся здесь от всего мира навсегда?

Сарита прижала губы к впадине на шее Абула, где ощущалось сильное биение пульса.

Абул улыбнулся, поигрывая ее локоном.

Ее голос прозвучал необычайно громко в комнате, насыщенной сладострастной тишиной, хотя говорила она почти шепотом. Но за несколько последних часов в комнате звучали только короткие слова, сопровождающие страсть, и тишина в ней сгустилась и теперь казалась почти

осязаемой.

— Навсегда — это долго, милая.

— Тогда на много дней, — она приподнялась на локте и склонилась над ним, так что оба они оказались в благоухающем шатре из ее пламенных волос.

— Давай останемся здесь и на целую неделю забудем про окружающий мир.

Он провел рукой по ее щеке. Хотел бы я, чтобы это было возможно. Но мы не можем остаться здесь даже на несколько часов, не говоря уже о днях.

— О, — она почувствовала, как он напрягся, — у тебя дела?

Он не хотел говорить ей о том, что скоро ему .придется покинуть ее и поехать в род Мокарабор Этим бы он нарушил очарование настоящего момента.

— Всегда есть какие-то дела, — сказал он, — а разве ты не голодна? Мы ведь не обедали, а сейчас, должно быть, время обеда уже прошло, хотя в этой пещере и трудно сказать наверняка.

— Наверно, немного голодна. А уж если я — немного, то ты, должно быть, очень. Хочешь, я позвоню? — и она потянулась к колокольчику.

Абул поймал ее за руку.

— Если ты позвонишь, то сюда войдет кто-либо из стражей. Ты хочешь, чтобы он смотрел на тебя? — Я слишком расслабилась, чтобы двигаться, — ответила она, — принеси мне покрывало из соседней комнаты.

Абул прищурил глаза:

— По-моему, ты становишься просто невыносимой, милая моя Сарита. Похоже, что у тебя сложилось несколько преувеличенное представление о своей особе.

Она рассмеялась:

— Я тебе как-то это говорила.

— Я помню. И еще я помню, что как раз собирался с тобой об этом поговорить... — и прошел в соседнюю комнату. — После обеда мы поговорим об этом развившемся у тебя пристрастии.

— Перед сиестой или после? — проказливо спросила Сарита.

— Думаю, вместо нее, — и он накинул на нее шелковое покрывало. Прикройся, нескромное создание.

Сарита, довольно улыбнувшись, подоткнула покрывало, и снова улеглась на подушки, в то время как Абул пошел к двери, чтобы отдать находившимся снаружи людям приказы.

— Ведь у тебя на сегодня больше нет дел? — вернулась она к первоначальной теме.

Абул, грустнея, поцеловал пальцы Сарты. Ему было необходимо увидеть кое-кого и кое-что сделать. Он до сих пор не получил дневного отчета от офицера, занятого охраной Айки. Но как он мог сказать ей, что этот день не похож на все остальные? Он посмотрел записи тех дел,

mir-knigi.org

которыми занимался в обычные дни и пожал плечами. Там действительно не было ничего такого, что не могло бы подождать до завтра… ничего такого, что могло бы отвлечь его от уединения с Саритой.

— Нет, у меня нет дел вне стен этой комнаты, — сказал он, — но внутри ее — у меня их много.

— И много Времени до утра, чтобы завершить их, — глаза ее чувственно зажглись.

— Сомневаюсь, что мне хватит его, чтобы улучшить манеры заносчивого воробышка, — сказал он насмешливо, — но я могу попытаться.

Она протянула к нему руки.

— Иди сюда. Я покажу тебе, как это надо делать.

И она снова посмотрела на него так, что он откликнулся на ее зов и в последнее мгновение перед тем, как прийти в ее объятия, с тревогой подумал, что, может быть, в слухах о человеке, потерявшем голову от любви, и есть доля правды.

Глава 18

В следующую безлунную ночь звезды были скрыты тяжелыми облаками и темноту ночи нарушало только мерцание заснеженных пиков. В стенах Альгамбры пламя факелов колебалось от порывов ветра, а окна и двери были плотно закрыты, чтобы отгородиться от недоброй и какой-то пугающей зимней ночи.

Однако она не пугала тех двоих из башни кади. Все огни внутри нее были потушены, и Айка стояла у окна, прислушиваясь и всматриваясь в темноту, чтобы уловить звук, свободный сказать ей о приближении Нафиссы, несущей большой железный ключ, отпирающий дверь тюрьмы.

Одетый в плащ, Бобдил молчал. В его широко открытых глазах был страх. Он знал, что им предстоит длинное и трудное путешествие, в том числе и по темным подземным коридорам, во время которого он не должен произнести ни звука. В противном случае они будут обнаружены и гнев отца обернется для них тяжелейшими последствиями. Его мать не жалела красок для описания этих последствий так, что забившись в угол, мальчик весь дрожал от страха перед возможными лишениями и болью. Он даже закусил язык, чтобы ненароком не издать какой-нибудь звук. За окном мелькнула тень. Айка приложила палец к губам, предвосхищая вопрос Бобдила, и ринулась вниз по лестнице. Ключ повернулся и дверь приоткрылась. Нафисса вошла внутрь и дверь за ней закрылась так быстро, словно никогда и не открывалась — Пора, моя госпожа, — прошептала служанка, — часовой ждет. Он отведет нас к подземному коридору.

— А ему можно доверять? — Айка много раз уже задавала себе этот вопрос, но раньше не имела возможности спросить об этом Нафиссу.»

— Ему хорошо заплатили, госпожа, — сухо сказала Нафисса, — где ребенок?

— Бобдил, — позвала Айка, — спустись, пора уходить.

Мальчик появился на лестнице. У него было белое от страха лицо.

— Я не хочу идти, мама.

— О, ну не будь таким маленьким, — фыркнула Айка, — спускайся сейчас же!

Губы Бобдила задрожали, но он повиновался и медленно спустился с лестницы.

— Но если нас обнаружат… захныкал он.

— Этого не случится, если ты будешь вести себя тихо и делать то, что тебе говорят, — сказала Айка, стараясь говорить поласковей, увидев слезы в его глазах, которые предвещали бесконечные рыдания. — Мы поедем во дворец к твоему дедушке.

Тебе там понравится, Бобдил. Только будь сильным мальчиком и тогда все будет хорошо.

Нафисса была уже у дверей и беспокойно сказала:

— Поторопитесь, госпожа. Мы должны уйти отсюда, пока часовой не вернулся на эту сторону вала.

Айка схватила сына за руку и пошла к двери.

Они открыли дверь лишь настолько, насколько было нужно для того, чтобы протиснуться в нее, и через секунду были уже снаружи.

Там стоял солдат.

Он быстро пошел по тропинке, выводящей в Дженералайф, и вся троица едва за ним поспевала.

Над ними возвышался голый склон горы, являвший собой разительный контраст с пышными садами внизу. Они стали карабкаться наверх, пока он не остановился и что-то сказал Нафиссе. И потом скрылся в темноте ночи.

— Сюда, — прошептала Нафисса, — это был вход в пещеру. — У меня есть с собой трут, а внутри есть лампа. А потом мы выйдем отсюда уже с другого конца горы.

Нафисса скользнула в дыру первой. Бобдил весь трясся от страха, и мать прижала его к себе.

Внутри горы зажегся свет и Айка решительно шагнула к дыре, таща за собой ребенка. В подземелье было сыро и очень холодно.

— Нам лучше поторопиться, — сказала Нафисса. — У лампы короткий фитиль. Часовой заверил меня, что те, кто пользуются подземным ходом, бережно обращаются с лампами, но этой явно пользовались уже давно и небрежно.

Она пошла впереди них, высоко неся лампу, неровный свет которой освещал каменные стены узкого прохода.

Бобдил начал хныкать, путаясь в материнских юбках, но Айка не обращала на него внимания.

Теперь шума уже никто не услышит, а он так боялась остаться без света, что ей было не до ребенка.

Они все шли и шли, проход временами сильно суживался и им приходилось почти ползти. Айка мысленно молила о том, чтобы фонарь не погас. И почему Нафисса не догадалась взять с собой свечи?

mir-knigi.org

Но она не стала говорить этого вслух, слишком хорошо понимая, что от Нафиссы сейчас зависит почти все — это она знает, куда им следует свернуть на развилке подземелья.

Фонарь в конце концов угас и они погрузились в темноту. Бобдил завопил. Айка едва не удержалась от крика и задрожала от страха. Долго ли им еще идти. Вдруг медленно и ровно загорелась свеча. Значит, Нафисса была хорошо подготовлена к их побегу. Почему она об этом не сказала. Но Айка решила, что в данной ситуации лучше не пререкаться с Нафиссой.

Примерно за час до рассвета они вышли наверх.

Их поджидал мужчина в чалме, державший под уздцы двух лошадей.

— Это мой брат, — сказала Нафисса. — Он будет сопровождать нас, но ему нужно заплатить.

— Мой отец ему заплатит, — сказала Айка.

Нафисса отрицательно покачала головой.

— Ему нужно заплатить сейчас, госпожа. Путешествие рискованное, а у него нет никакой уверенности в том, что эмир его наградит.

Айка побелела от гнева, но сделать ничего не могла. Скоро рассветет…

— У меня ничего нет…

— Я позволила себе, госпожа, — Нафисса сунула руку в карман и выудила оттуда самую красивую нить жемчуга из айкиной шкатулки. — Если дать ему три жемчужины, этого будет вполне достаточно.

Мужчина, придерживающий лошадей, молча наблюдал за этим обменом.

Только после того, как он свершился, он встал и подошел к ним. Не говоря ни слова, он подал Айке маленький ножик. Она отрезала от нити три жемчужины и сунула ему в ладонь. Он снова промолчал, ничем не выказав благодарности и Айку охватило возмущение, что простые крестьяне столь непочтительно обращаются с ней. «Ну да ничего», — решила Айка. Она отомстит за оскорбления, когда станет управлять калифатом посредством ноющего ребенка, пускающего сейчас у ее ног слюни.

— Вам заплатили за сопровождение. Сопровождайте же нас!

Этот приказ, произнесенный ледяным тоном, возымел свое действие. Брат Нафиссы подсадил на лошадь Бобдила и помог Айке сесть позади него.

Потом они с сестрой сели на другую лошадь и устремились в предрассветную мглу.

Айка подумала, что если ничего непредвиденного не случится, то к полудню они будут уже под защитой отца.

— Мой господин калиф! — раздалось из соседней комнаты, поскольку страж хорошо знал, что господин Абул находится со своей гурией.

Абул проснулся, услышав настойчивый голос.

mir-knigi.org

— Одну минуту, — и спрыгнул с дивана.

— Что там? — спросила Сарита.

— Кто там?

— Страж, — Абул оделся и пошел в соседнюю комнату.

Сарита села и прислушалась к разговору за стеной. Она мало что расслышала, хотя ей показалось, что в разговоре назвали имя Айки.

Она бесшумно соскользнула с дивана. К ее разочарованию, голоса стихли, так как Абул и страж отошли к дальнему концу залы. Отодвинув край портьеры, она просунула туда голову. Мужчины стояли возле двери, ведущей в приемную. Абул говорил очень быстро, и, хотя она и не могла что-либо расслышать, по его жестам догадалась, что дело касалось действительно чего-то очень важного. Потом мужчины ушли.

Сарита расстроилась. Возможно, ей не следовало ждать от Абула, что он найдет время, чтобы сообщить ей о причине своего беспокойства, но тем не менее она ждала от него этого. Она вернулась к дивану, ища накидку. Подняв ее с пола, она завернулась в нее, отодвинув тяжелые портьеры. Над горными вершинами показались первые лучи солнца. Внезапно загудела труба, и с крепостных валов донесся бой барабанов. Затем с главной сторожевой башни пустили ракету.

Сарита выбежала во двор. В это время с башен, контролирующих горные тропы, пустили ответные залпы. Может, на Альгамбру напали? Сарита распахнула дверь в приемную. Там стоял лишь одинокий страж.

Пошлите ко мне Кадигу! — приказала она на все еще ломаном арабском, забыв о том, что в Альгамбре женщины не отдают приказы мужчинам, забыв также о том, что мужчины здесь не признают женщин с открытым лицом. Но страж-таки признал ее и прошел на дальнюю колоннаду, сказав что-то стоящему там стражнику.

Сарита вернулась в комнату, поджидая Кадигу, которая наверняка располагала какой-то информацией. Она не чувствовала никакой тревоги, а одно только любопытство. Ей и в голову не приходило, что Абул может не суметь даже встретиться с ней, так как ему придется защищать Альгамбру.

— Сарита! — позвала Кадига.

— Кадига, что там происходит?

— Не знаю, — но говорят, что госпожа Айка и Бобдил бежали из башни кади.

— Всего-то?

— Если госпожа Айка попадет под защиту отца, тогда у господина калифа появится много врагов, — сказала Кадига.

— А разве это не неотъемлемое право калифа — решать, что делать с женщинами из его гарема?

— Да, в теории это так, но на практике так бывает не всегда. Жены калифа происходят из

знатных семейств королевства. Поэтому они с трудом выносят оскорбления, а если они узнают, что калиф вел себя по отношению к дочери эмира несправедливо, то в королевстве начнутся беспорядки. И если только госпожа Айка снова попадет под защиту отца, господин Абул окажется в трудном положении.

Кадига нахмурилась.

— Одно дело, если бы калиф с позором послал свою жену к отцу, а другое — если она бежала от несправедливости и жестокости. В последнем случае отцу придется встать на ее защиту, потому что тут затронута его собственная честь.

Понимаете?

Сарита кивнула. Она поняла… В жестокости и несправедливости Айка будет обвинять Абула из-за Сариты.

— Я понимаю, пораньше думала, что женщины у вас не играют никакой роли.

— Как правило, так оно и есть, — сказала Кадига, — но те, кто хочет иметь влияние, используя свои связи, могут его получить. Госпожа Айка как раз из таких. И отец ее так просто не сдаст позиций, который сумел достичь благодаря положению дочери. Бобдил ведь, в конце концов, должен был стать калифом, а, значит, семья его деда получила бы большую власть.

— Да, я понимаю, — Сарита встала, — помоги мне одеться, Кадига.

Кадига подошла к гардеробу.

— Что вы наденете?

— Платье для верховой езды, — Сарита нисколько не колебалась в своем выборе. Она поняла, что должна была быть готова действовать.

— Я сама справлюсь, — сказала Сарита, беря у Кадиги одежду, — а ты принеси еды. Господин Абул еще не завтракал и, когда он вернется, то захочет есть. — А в том, что он скоро вернется, она не сомневалась. Действительно, вскоре появился Абул.

— Ты голоден? — Сарита с тревогой заглядывала в глаза Абула. — Случилось что-то ужасное?

Кадига сказала, что Айка и Бобдил бежали.

— Значит, ты уже все знаешь.

— Но что все это значит?

Абул ответил не сразу. Сарита ничего о том не знала, что Айка провоцировала подданных к непокорству. Она и представления не имела о той роли, которая отводилась во всем этом ей.

Абул же считал, что ей обо всем этом говорить не стоит.

— Это значит, что мне предстоит здорово поработать, чтобы укрепить тылы, — с улыбкой сказал Абул.

Сарита улыбнулась ему в ответ, но это объяснение не показалось ей убедительным. Вокруг его рта пролегли глубокие морщины, а в глазах появилась озабоченность.

mir-knigi.org

— Вы пытаетесь найти ее?

— Сторожевые башни, контролирующие дороги через горы, были предупреждены, но я сомневаюсь, что они воспользуются такой дорогой. Айка определенно бежала к своему отцу.

— И вы догоните ее?

— Вряд ли.

Сарита налила ему жасминового чаю. Она хотела получить от Абула подтверждение словам Кадиги. — И она оклевещет тебя?…

Абул рассмеялся:

— Да, милая, она будет говорить обо мне плохо.

— Но что может ее отец тебе сделать?

— Устроить заварушку в калифате, поставить под сомнение мое правление. Это очень досадно, поскольку испанцы ждут-не дождутся, когда мы дадим слабинку. Я уже как-то говорил тебе об этом.

— Так что ж ты будешь делать?

— Приготовлюсь защитить себя, — отрезал он.

— Сам начну наступление.

— И ты развяжешь войну против своего собственного народа?

— Надеюсь, до этого не дойдет, — он встал. — Мне надо одеться.

Сарита пошла за ним в спальню.

— И почему Айка так ненавидит тебя? Не может быть, чтобы только из-за Бобдила.

Абул бросил платье на диван, почесывая в задумчивости подбородок.

— У Айки всегда были свои собственные планы, — сказал он, — к сожалению, я только недавно это осознал. Она честолюбивая женщина и хочет удовлетворить свое честолюбие через сына.

— Хочет управлять Гранадой через ребенка? — Сарита удивленно уставилась на Абула. Как могла она подумать, что в этом обществе женщины настолько привыкли к второстепенной роли, что не хотят ничего, кроме удовлетворения насущных потребностей?

— Именно так, Сарита. А я стою на ее дороге — вот и все. Если она изловчится убрать меня с нее, то ее отец окажет ей поддержку в том, чтобы поставить Бобдила на мое место, — он надел штаны и потянулся за туникой, — такой исход событий будет очень даже на руку роду Мокарабов.

— Похоже, это тебя не слишком волнует, — заметила Сарита. — Или по крайней мере, не слишком удивляет.

— Гранада испокон веков является неспокойным местом, — сказал Абул. — В мое правление я

mir-knigi.org

пережил уже несколько подобных моментов, так же и отец мой… и отец моего отца.

Он подошел к ней и взял ее за подбородок:

— Не знаю, когда я вернусь, — он поцеловал ее в губы. — Будь хорошей девочкой и не переутомляйся.

— Ты уедешь надолго? Он покачал головой.

— Нет, я не могу оставить Альгамбру надолго.

Мне надо собрать людей в свою поддержку из числа тех, кто симпатизирует мне. Здешний гарнизон необходимо усилить, а для этого надо собрать силы.

— А такие люди есть? — у нее было представление об Абуле, как о несчастном человеке, не имеющем друзей и поддержки, столкнувшемся с оппозицией.

— Конечно, — сказал он, ущипнув ее за нос. — А теперь обещай мне, что позаботишься о себе, пока я буду в отъезде.

— И ты тоже, — парировала она. — В этих стенах я чувствую себя спокойно. Мне здесь нечего делать, кроме как сидеть в серале и практиковаться в арабском.

— Ты что, жалуешься, Сарита?

— Нет, но я с большим бы удовольствием предпочла поехать с тобой и, уверена, ты об этом знаешь.

— Да, но нельзя, несмотря на то, что и я хотел бы этого. Боюсь, что твое присутствие не улучшит моего положения.

— Я всего лишь женщина… — она тяжело вздохнула. — В племени Рафаэля женщины ездят верхом наравне с мужчинами.

— Но ты ведь оставила племя Рафаэля, насколько я помню, по собственной воле.

Она улыбнулась.

— Совершенно верно. И остаюсь тут тоже по своей воле, хотя у вас тут все иначе. Иди же, и скорей возвращайся.

Он ушел, и оба поняли, что затронули вопрос, который рано или поздно снова всплывет, потому что было непонятно, сколько еще времени Сарита сможет жить в мире Абула. Потому что до тех пор пока он оставался с нею, она могла получать удовлетворение, столь необходимое ей в их любви, но когда дела отнимали его, она оставалась в полном одиночестве, которое действовало на нее удушающе.

Сарита вышла погулять по двору, думая об Айке. Вот она-то никогда не страдала от бездействия.

Она получала удовольствие от жизни, плетя интриги и воплощая в жизнь свои дьявольские планы. Она тут же вспомнила о смертельной отраве.

Подобного рода деятельность совершенно не подходила ей, так что она и ума не могла

приложить, что же ей делать, пока Абул будет в отсутствии. И так ли уж он был прав, когда говорил, что привык к подобным заварушкам? Что если его враги преуспеют в своей попытке сместить его с престола? Абул без Альгамбры… Это просто немыслимо. Здесь была его душа, а история дворца была частью его жизни. Здесь, в Альгамбре, Абул был на своем месте. Роль калифа подходила ему также, как хорошо пригнанный ключ к замку.

Неужели, кто-то с легкостью может отнять ее у него?

И все же в глубине души она думала, что Абул, даже оставшись без Альгамбры, решит их проблемы.

Невозможно было и представить себе что-нибудь лучшее, чем бродить рядом с ним по свету, принимая жизнь такой, какая она есть и отвечая на вызов судьбы так, как она сама привыкла это делать. Но Абул не был уроженцем племени Рафаэля, и думать так об этом просто бесполезно.

Абул вернулся на следующий день. Он привел с собой 10 000 человек, и, кроме того, получил от трех эмиров обещание оказать поддержку в случае нападения. Но, несмотря на это, тревога в нем нарастала. Помощь, как он и ожидал, была предложена ему от всего сердца, но от своих друзей и сторонников он узнал многое об оппозиции, и о том, как выросла она за последние несколько месяцев.

Ясно было, что его тесть еще до отравления Сариты предвидел немилость Айки и предпринимал шаги по подготовке нападения. Было похоже на то, что Айка под самым его носом вела тайную переписку с родом Мокарабов.

Он с трудом мог скрыть свою неосведомленность об этом, и чувствовал угрызения совести.

Если бы от рода Мокарабов пришло послание о том, что он по какой-то причине перестал держать события в королевстве под контролем, то вряд ли смог бы сделать что-нибудь, чтобы развеять эти слухи.

Он сделал несколько заявлений относительно своей христианской наложницы, в основном для того, чтобы опровергнуть ту информацию, которую, вероятно, распространил Калед. Он лишь слегка коснулся этой темы, но нисколько не сомневался, что ему не очень-то верят. Мужчины неодобрительно смотрели на того, кто потерял бдительность, охваченный страстью. Женщины в этом мире серьезно не рассматривались — их принимали в расчет только из-за дипломатических соображений, а христианская пленница могла с их точки зрения принести мужчине пользу только в постели. К сожалению, Абул не мог не признать в этой критике доли правды.

Заслышав звон колоколов сторожевой башни, Сарита выбежала во двор, чтобы встретить Абула.

Было еще тепло и она стояла в одном платье, отделанном серебряными кружевами. Ее аккуратно причесанные волосы были схвачены лентой, а глаза перебегали с одного человека на другого, в надежде встретиться с глазами Абула. А он, все еще раздраженный переговорами с соотечественниками, предпочел бы, чтобы она не приходила его встречать, столь явно пренебрегая обычаями обитателей Альгамбры.

Он соскочил с лошади и обратился к визирю, который с встревоженным видом ожидал, когда он обратит на него внимание.

— Вам пришло письмо от эмира рода Мокарабов, мой господин калиф, — поклонился визирь, протягивая ему свернутый пергамент.

— Я не могу его здесь читать, — фыркнул раздраженно Абул, принеси его мне в кабинет через час.

Визирь снова поклонился и повернулся, чтобы уйти, но Абул позвал его.

— Вообще-то можешь отдать его мне и сейчас. Но через час приди ко мне в кабинет. — Он взял пергамент и повернулся к офицеру из охраны, ожидавшему от него приказа относительно того, как расположить вновь прибывших солдат.

Сарита постояла еще немного, а потом повернулась и ушла обратно в апартаменты калифа, стараясь погасить в себе возмущение. Ведь ему ничего не стоило дать ей понять, так страстно ищущую его взгляда, что он видит ее.

«Но, возможно, дела обстояли неважно, — сказала она себе, — и именно этим объяснялось его невнимание. Он придет к ней, как только сможет, и я должна научиться терпению».

Абул понял, что Сарита ушла, хотя и не видел как она это сделала. И почувствовал ее досаду, потому что прекрасно знал, как она должна среагировать на столь явное пренебрежение с его стороны. Абул быстро покончил с делами и пошел к Сарите, которую было необходимо успокоить.

Когда он вошел в главную палату своих апартаментов, то не увидел ее. В спальне он тоже не нашел Сариты. Но двери на колоннаду были открыты и он прошел туда. Она тихо разговаривала с птичками, проталкивая им сквозь прутья решетки зернышки.

— Бедные создания, — сказала она, не оборачиваясь к подошедшему Абулу, — почему ты не освободишь их?

— Они довольны своей жизнью, — сказал он.

— Как твои дела?

— Я получил помощь, на которую рассчитывал, — ответил он. — Союзники не отказали мне в ней.

— Почему ты не признал меня во дворе?

— Было много дел… и людей, требующих моего внимания.

— А женщина не могла этого требовать?

— Нет, Сарита.

В ее глазах появилась грусть.

— Во дворе было много народу. Солдаты не из Альгамбры.

Она не стала углубляться в это, хотя и чувствовала, что он чего-то не договаривает. Похоже, она никогда раньше не видела Абула таким уставшим.

— Пойдем, — она потянула его за руку, — поприветствуем друг друга как следует.

Пергамент жег ему тунику, необходимо было срочно прочитать его, но он не знал, как, не причиняя ей боли, отвергнуть ее мягкую чувственную улыбку и ласку нежных рук, пробегающих по его бедрам. Он поцеловал ее и она прижалась к нему.

— Что у тебя тут? — она вытащила пергамент.

— Абул, ты должен срочно прочитать его до того, как мы будем приветствовать друг друга?

Он облегченно рассмеялся. Она вложила пергамент в его руку.

— Прочитай это, а потом мы займемся нашим делом.

— Нет, это необязательно. Я так соскучился по тебе, — он сел на диван и посадил ее к себе на колени.

— Я хочу тебя, Абул, — прошептала она.

О, как любил он эту дерзкую страсть, этот голод к его телу. Он приподнял бедра, чтобы она могла освободить его от мешающей им обоим одежды.

Сарита глубоко вздохнула такой родной запах и ее язык заходил по той части его тела, которая, наконец, стала доступной для такого рода ласки.

Она полностью погрузилась в реку желания и ее засосал водоворот страсти.

Потом она рассмеялась и опустилась на его древо, оседлав его сверху.

Абул ответил ликующим смехом, задрал ее юбки и с упоением стал наблюдать за ритмичными взлетами и падениями ее бедер. Резким движением Сарита сорвала ленту, сдерживающую ее волосы, и они рассыпались золотым дождем по ее плечам.

В тот же самый момент он коснулся ее сердцевины, и она закричала, падая вперед.

— Приветствую вас, мой господин калиф, пробормотала Сарита. Думаю, теперь я поприветствовала вас как следует, не так ли?

— Несомненно, — выдохнул он, — какое же ты буйное создание, моя Сарита!

— А ты хотел бы, чтобы я была другой?

— Нет, — ни за что!

Минуту они лежали спокойно, потом Абул вспомнил про визиря, который должен был ждать его в кабинете и простонал:

— Дорогая, у меня есть неотложные дела.

— Так делай их, чем скорей ты их сделаешь, тем скорее вернешься. Разве ты не будешь читать пергамент?

— Да, конечно.

Обычная усталость, следующая за подобным неистовым взрывом любви, не приходила. Она умирала от любопытства.

mir-knigi.org

— Что там в пергаменте?

Лицо Абула было чернее тучи, но он попытался улыбнуться.

— Оно от отца Айки, — сказал он, бросая пергамент на диван. В нем говорится, что она потребовала у него защиты… Я должен встретиться с визирем, Сарита.

— Я не стану тебя задерживать, но возвращайся, пожалуйста, скорее.

— Да, дорогая, — он прижал ее к себе. — Как можешь ты сомневаться в этом?

— Я и не сомневаюсь.

В дверь постучали.

— Мой господин калиф? К вам посланник из Абенцаррати, У него к вам сообщение, «Так рано», — пробормотал Абул про себя.

Не прощаясь, он вышел из комнаты и прошел в приемную. На диване остался лежать забытый пергамент.

Глава 19

Пергамент, исписанный по-арабски, был в основе своей непонятен Сарите. Она пыталась извлечь из него хоть какой-то смысл с помощью тех немногих букв, которые знала. Ведь Фадха давала ей, в основном уроки устной речи.

Испанский Сарита знала отлично. Отец ее был грамотным и служил писарем, Эстабан очень гордился своим умением и передал его своему единственному ребенку, как часть семейного наследства, взяв с Сариты обещание, что она сделает то же самое и со своими детьми. Но способность читать и писать по-испански в данном случае мало могла помочь ей. Сейчас она лежала на диване, погруженная в манускрипт. Заслышав в соседней комнате шаги Зулемы, Сарита позвала ее.

— Ты умеешь читать по-арабски, Зулема?

Та отрицательно покачала головой.

— Нет, но Кадига умеет. Послать за ней?

Пошли, пожалуйста, — сказала Сарита.

Одно слово из пергамента ее особенно заинтересовало, которое повторялось много раз и, похоже, было очень важным. Она показала его пришедшей Кадиге, тщательно прикрывая текст, находящийся выше и ниже. Сарита прекрасно понимала, что Абул, возможно, не захочет, чтобы содержание его писем стало известно дворцовой челяди.

— Оно означает «не правоверная», — нисколько не колеблясь, сказала Кадига.

— Гм… А это, по-моему, означает «женщина».

А здесь — имя господина Абула.

— Я и не знал, что ты так преуспела в изучении арабского, Сарита, — раздался голос Абула.

mir-knigi.org

— Боюсь, что все же недостаточно, — сказала она. — Ты можешь мне прочитать его?

— А ты не думаешь, что это послание может иметь частный характер? — добродушно спросил он, взмахом руки отпуская Кадигу.

— Не думаю, — ответила Сарита. — Если бы это было так, ты не стал бы бросать его на диване.

— Да, конечно, — согласился он. — Но я ведь сказал тебе, что в нем написано.

Она покачала головой.

— Какую-то часть, возможно, но не самое важное.

— А почему ты так хочешь узнать?

— Потому что ты обеспокоен им, и я нисколько не сомневаюсь, что пергамент содержит нечто, связанное со мной.

Глаза ее смотрели на него с вызовом. Партнерства на равных — вот чего она от него хотела.

— Возможно, в нем говорится, что мое присутствие способствовало тому, что ты отверг Айку? Что ты заточил ее в крепость и собирался выгнать из-за того, что увлекся мною? Ведь никто не знает о том, что она пыталась отравить меня и вынашивала далеко идущие планы, если Айка об этом не сказала сама, а она явно не сделала этого.

— Похоже, ты все это хорошо обдумала, — он сел на диван рядом с Саритой. — Ну что ж, давай посмотрим, что еще тут есть.

— Почему бы тебе просто не прочитать мне пергамент? — спросила она. — Ведь это гораздо проще.

— Ты меня удивляешь, — сказал он сухо, беря у нее пергамент. — Отец Айки сообщает мне, что его дочь находится под его защитой, что она бежала от варварского обращения и угрозы несправедливого изгнания. Эмир считает, что подобным обращением с его дочерью я нанес оскорбление его семье. То, что я отверг его дочь в пользу рабыни и не правоверной, удваивает это оскорбление. Поэтому эмир считает своим долгом отомстить мне.

Он считает, что я должен отречься от престола в пользу моего сына и регента, которого выберет совет, так как я попрал права своих подданных и, следовательно, не достоин правителя народа Гранады.

Изложив, таким образом, содержание пергамента, Абул снова свернул его в трубку и слегка хлопнул им Сариту по макушке.

— Ну, теперь ты все знаешь, Сарита. И что ты на это скажешь?

Она прищурилась.

— И скажу. Ты должен сказать всю правду о предательстве его дочери, пока ей не поверили и остальные.

— У меня нет доказательств.

— А мое присутствие здесь лишь подтверждает обвинение эмира, — медленно проговорила

она, — а другие поверят ему?

Абул кивнул.

— Эмир Абенпаррати, второй по значимости семьи в халифате, только что потребовал от меня, чтобы я отрекся от престола. Если я не подчинюсь, то против меня начнут военные действия.

— И все из-за меня? — нахмурилась Сарита.

Абул утвердительно кивнул.

— Все это не так просто, Сарита. Ты просто оправдание для того, чтобы совершить то, что они уже давно затевали. Но совсем недавно я сделал несколько промашек, которые могли повлиять на нерешительных и привлечь их на сторону оппозиции.

— В обращении с Айкой?

— Да, я пренебрег кое-чем и тем самым проявил беспечность.

— И что же теперь делать?

— Я должен ответить на вызов, а потом посмотрим, каков будет их дальнейший ход.

— Ты очень обеспокоен?

— Все это гораздо серьезнее, чем я думал вначале, — признался он.

— И если мы будем воевать в нашей собственной стране, хищники-чужестранцы смогут поживиться легкой добычей. Вот что беспокоит меня больше всего.

— И Гранада достанется испанцам?!

— Рано или поздно, да, — сказал он. — Мы не сможем долго удержаться против соединенных сил Арагона и Кастилии, но я бы предпочел, чтобы это произошло не в мое правление.

— Да, я понимаю, — она провела рукой по его щеке. — Не может быть, чтобы я не могла как-нибудь помочь этому.

— Просто будь здесь, — сказал он. — Я должен знать, что ты здесь, если я должен буду уехать от тебя.

Она печально улыбнулась.

— А ты не держи от меня тайн, Абул. Обещай мне это.

— Я обещаю.

Абул принял брошенный ему вызов и начал готовить Альгамбру к осаде. Такую крепость взять будет непросто, но сама по себе попытка сделать это ослабит его в глазах сторонников. У него не было иллюзий относительно того, что многие из них останутся на тонущем корабле. Слишком многое будет поставлено для них на карту в случае победы его врагов.

Он послал войска патрулировать королевские дороги, и теперь ему поступали регулярные сообщения о перестрелках между его людьми и людьми рода Мокарабов и Абенцаррати.

mir-knigi.org

Абул имел своих шпионов во всех лагерях и неустанно работал над тем, чтобы перехитрить врагов, распространяя собственные истории и с болью в сердце следя за тем, как благодаря его же махинациям, на радость врагам раскалывается и слабеет королевство, которое он всегда старался укреплять. И все же иного выхода у него не было.

Однажды к воротам Альгамбры прибыл полк солдат. Он прибыл для того, чтобы передать калифу послание от эмира рода Мокарабов. Послание, содержащееся в деревянной шкатулке, оказалось ничем иным как головой одного из калифских шпионов при дворе Фердинанда и Изабеллы.

Смысл этого послания был ясен. Силы, объединившиеся против калифа, нашли поддержку испанских монархов. «Что же они должны были предложить взамен?» — подумал Абул. Верность нового калифа испанцам? Они были дураками, если поверили в то, что христианские Величества согласятся на что-нибудь меньшее, нежели полный контроль над Гранадой и уничтожение Мавританско-испанского правления.

Сарита постоянно задавала ему вопросы, напоминая о его обещании не держать ее в неведении.

Он, по мере возможностей, терпеливо отвечал на них, но большую часть времени бывал занят и у нее появилась привычка прислушиваться к внутридворцовым слухам. Кадига постоянно поставляла ей кухонные сплетни и Сарита решила, что они не менее надежны, чем что-то еще.

Абул, по крайней мере, внешне был по-прежнему уравновешен, будто суматоха и опасность, висевшая в воздухе, его не трогали. Но Сарита временами была не уверена в том, что так оно и было на самом деле. Он утратил свое чувство юмора, готовность смеяться, мягкость, к которой она так привыкла, и иногда она видела в его глазах пугающее сомнение. Может быть, Абул подвергал теперь сомнению то, что раньше ему казалось неоспоримым?

Это тревожило Сариту, но и наполняло сочувствием и желанием помочь. Но она не знала, как это сделать. Она была рядом с ним, и он часто приходил к ней в середине дня, чтобы забыться в любви, в которой она никогда ему не отказывала, и отогнать гложущие его сомнения, чтобы вновь обрести равновесие.

Иногда ей казалось, что он использует свою страсть для того, чтобы обратить свое расстройство в любовное волнение, чтобы уничтожить себя, а после возродиться из пепла, подобно фениксу. А иногда он хотел от нее тихих любовных ласк, чтобы с помощью ее тела обрести телесный покой. Любовь их была разной, и Сарита, решившая изо всех сил помогать ему, с помощью своего ума и наблюдательности способствовала тому, что он всегда уходил от нее сильнее и спокойнее, чем приходил к ней.

Но всего этого было недостаточно, чтобы унять ее тревогу, и утолить желание действовать в момент, когда, казалось, земля рушилась под ногами.

Эта борьба слишком неблагодарна, пусть они попадут в услужение к испанцам, если им так этого хочется. Но она решительно подавляла в себе это и не имела права ни делать такие заявления, ни права навязывать Абулу тот образ мыслей, который не был ему присущ.

Как-то Кадига предстала перед Саритой, когда та сидела в серале, слушая музыку, окруженная женщинами, которых, казалось, не волновал тот хаос, который царил за стенами их золотой клетки.

— Господин Абул хочет, чтобы вы пришли к нему в бани, — сказала она.

Сарита, не медля, встала. Прошло уже много недель с тех пор, как Абул в последний раз желая разделить с ней это царство покоя и гармонии.

Она вошла в зал омовений, когда Абул находился уже в горячей ванне. Лейла помогла Сарите раздеться и ушла.

Она скользнула в воду. Сарита так привыкла к баням, что даже перспектива окунуться в холодную ванну не мешала ей вкушать блаженство.

— Как ты? — тихо спросила она.

Он улыбнулся.

— Все в порядке.

— Но тебя ведь что-то беспокоит?

Он кивнул:

— Я собираюсь отослать тебя отсюда, Сарита.

— Что ты сказал?

— Это необходимо, нет, послушай… Тебе нельзя здесь оставаться — для твоей же безопасности.

— Но и для тебя! — взорвалась она. — Как ты можешь говорить такое?

— Сарита, если Альгамбра падет, твоя жизнь ничего не будет стоить. Надеюсь, мне не надо объяснять, почему.

— Нет, не надо, но я настаиваю на своем праве рискнуть, — парировала она. — И почему ты говоришь сейчас о падении Альгамбры? Что-нибудь случилось?

— Я должен предусмотреть такой исход. Ты уедешь отсюда в Кордову, воспользовавшись дорогами, которые находятся под контролем моих людей. В своей стране ты будешь в безопасности. А когда все это кончится, я приеду за тобой.

Она с недоверием взглянула на него.

— Ты не приедешь за мной, потому что не думаешь, что сможешь выжить. Ты потерял надежду.

Абул ничего не сказал. Он потерял не надежду, а веру в необходимость борьбы. Сарита, вот кто был теперь его путеводной звездой. Он хотел только одного — провести остаток своих дней с ней, и для него не слишком большое значение имело то, как и где это сделать. Ему было уже 30 лет и он уже, можно сказать, отслужил свое. Не хотелось провести остаток своей жизни в битвах, защищая то, что, как ему теперь казалось, защитить было нельзя — отчасти из-за ошибок и жадности одних, отчасти из-за объединения Арагона и Кастилии. Но он был сыном своего отца и не мог отдать Гранаду испанцам без борьбы. Так что ему придется воевать со своим собственным народом.

— Я никуда не поеду! — заявила Сарита.

— Нет, поедешь!

mir-knigi.org

— Ты не можешь принудить меня к этому.

— Нет, могу.

— Как?

— Я могу связать тебя, сунуть в рот кляп и без труда переправить через границу.

Она поняла, что он шутит, и улыбнулась.

— Да, этого я не стану отрицать Но я вовсе не это имела в виду. Ты не можешь заставить меня захотеть оставить тебя.

— Я могу тебе сказать, что, оставаясь здесь, ты мешаешь мне сделать то, что я должен.

Сарита почувствовала, что он говорит правду.

Она не имеет права препятствовать ему. Но, может быть, она может воспользоваться этим на благо ему?

— И как же я поеду? Если не буду связанной и с кляпом во рту? Дороги опасны, даже если они все еще находятся под контролем твоих людей.

— Ты оденешься мужчиной, — сказал он, — и с тобой поедет Юсуф. Пара крестьян не привлечет к себе внимания.

— Понятно, — она замолчала, обдумывая идею, пришедшую ей в голову.

— Ничего, это время пройдет, — сказал он.

— А какое придет? Если ты не выиграешь, Абул, то умрешь, ты понимаешь это?

Он не противоречил ей, и Сарита почти полностью утвердилась в пришедшей к ней мысли.

— Твои противники умножили свои ряды? Колеблющиеся перешли на их сторону?

Он вздохнул.

— Похоже на то.

Сарита прикрыла глаза, как бы от печали, что слышит это, а на самом деле пряча возбуждение от того, что идея ее начала обретать свою плоть.

Может быть, если один из лидеров оппозиции Абула узнает о том, что ее возникновение с самого начала зиждилось на сфабрикованном обвинении, предъявленном честолюбивой женщиной и ее не менее честолюбивым отцом, то ряды его противников дрогнут.

— И когда я должна уехать?

— На рассвете. Юсуф хорошо умеет проводить такие операции. Он доставит тебя в целости и сохранности.

— Интересно, придется ли ему по вкусу такое поручение? Не думаю, что Юсуф обрадуется, узнав, что ему предстоит стать моей нянькой.

mir-knigi.org

Абул усмехнулся:

— Я не имею привычки спрашивать его мнение по поводу своих приказов.

Они нежно перешучивались и не позволяли себе думать о том, что, возможно, это последний день, который они проводят вместе. В Сариту вселилась надежда на то, что ей удастся осуществить своей план, — наконец-то, она поняла, что кое-что все-таки может сделать. Пусть этим она и подвергнет себя опасности, но все же план может и удастся.

То, что по нему ей придется взаимодействовать с Юсуфом, было уже неважно. Она не уйдет так просто из жизни Абула, не оставит его одного на поле битвы.

Она уступила его настояниям и притворилась будто верит в то, что он приедет за ней в Кордову, когда здесь все успокоится. А если Абул и почувствовал некоторое разочарование из-за того, что она так быстро согласилась с его уверениями в необходимости их расставания, то не подал виду. Ведь она вела себя так, как он желал, но почему-то он ждал от Сариты яростного сопротивления и настойчивости в желании разделить его судьбу…

А в данном случае она вела себя так, будто не видела никакой возможности для себя принимать участие в происходящем. Но Абул не знал, что никакие обстоятельства не принудили бы Сариту покинуть его, если бы она не думала, что вдали от него сможет что-либо сделать, чтобы переломить ход событий.

Следующую ночь они не спали, а разговаривали и любили друг друга, отчаянно и нежно, и вслух мечтали о том времени, когда будут жить в приморском дворце в Мотриле, что будет возможным только тогда, когда весь этот ужас кончится и жизнь вернется в нормальное русло. За час до рассвета пришли Кадига и Зулема. Они были необыкновенно молчалива, когда, под надзором Абула, крепко перевязывали Саритину грудь, чтобы ее фигура обрела очертания мальчика-подростка. Потом Сарита надела рубаху и штаны, скрывшие пленительны? изгиб ее бедер, а после — бурнус с капюшоном и чалму, спрятавшую копну ее волос.

Сарита окинула себя критическим взором. В зеркале она не могла видеть себя полностью, но то, что увидела — от талии и до макушки — было совсем непохоже на нее.

— Я похожа на мальчика? — повернулась Сарита к Абулу.

— Удивительно, сказал он, — и на очень привлекательного. Тебе лучше не отходить от Юсуфа, пока ты снова не наденешь дсенское платье.

— Она посмотрела на него, чтобы убедиться в том, что он говорит серьезно, и увидела, что это так.

— О, сказала она нахмурясь, — опасностей и так предостаточно.

— В бурнусе мало что разглядишь, — сказала Кадига, а если мы размажем по вашему лицу грязь, то никто не будет особенно всматриваться. Все будут видеть только пастуха-замарашку.

— Отличная мысль, Кадига, — сказал Абул, стараясь спрятать свое горе при мысли о том, что расстается с Саритой, и превратить ужасную реальность в увлекательную игру с переодеваниями.

Когда все было готово, Абул и женщины придирчиво осмотрели Сариту. Она чувствовала себя как-то странно — будто находилась в чужом для себя мире, будто они и в самом деле играли в

какую-то игру.

Она поняла, что не может как следует попрощаться с Абулом, потому что сделать это — означало признать, что, возможно, приветствие не последует за прощанием, а этой мысли она не могла вынести. Когда Абул крепко прижал ее к себе, ища губами ее губы, она легонько поцеловала его и оттолкнула, сказав, что через несколько недель вновь увидится с ним.

Боль, мелькнувшая в его глазах, тотчас сменилась пониманием; и он также весело велел ей остерегаться мужчин, которые могли найти такого красивого мальчика чрезвычайно привлекательным, и ущипнул ее за нос.

Она попыталась также легко распрощаться с Кадигой и Зулемой, ставшими за это время настоящими ее подругами. Но в их глазах стояли слезы и она почувствовала, что вот-вот расплачется, и тяжело вздохнула Слезы размазали бы тщательно нанесенный грим на ее лице.

Юсуф ждал их у ворот крепости — уже светало.

Он оглядел Сариту с ног до головы, кивнул и сел на груженого пони Сарита, как младшая по статусу из них двоих, должна была ехать верхом на муле.

У обоих животных под седлом находились тюки. В мешке Сариты была женская одежда, расческа, банты, мыло и трут, — все необходимое для того, чтобы снова стать самой собой. Ей было невдомек, что в нем были и золотые дукаты, зашитые за подкладку бархатной мантии. У Юсуфа было с собой оружие, пища, кастрюли, холщовая палатка, фонарь и свечи, — то есть вещи, призванные сделать их путешествие относительно комфортным.

Сарита в последний раз повернулась к Абулу, увидела его глубоко несчастные глаза, легонько коснулась пальцами его губ и села на широкую спину мула.

Она не обернулась, когда они с Юсуфом выехали из ворот Правосудия. Ее мул отказывался даже попытаться идти наравне с пони, чья поступь была намного быстрее. Увидит ли она когда-либо Альгамбру снова? И захочет ли вернуться в эту золоченую клетку? Но Абул и Альгамбра были неразделимы. И если, чтобы быть с ним, ей придется жить за ее решеткой, то она смирится с этим, как сделала это много недель назад. Именно по этой причине, из желания продолжить жизнь, полную любви, и собиралась она сейчас рискнуть своей собственной жизнью.

Они молча ехали в течение часа по тропинкам, ведущим к испанской границе, к Кордове. Сарита знала, что дворец Абенцаррати лежит близко от этой границы и пока выжидала время. Было раннее апрельское утро, и воздух источал ароматы весны Когда же Сарита уверилась в том, что они уехали так далеко, что о возвращении не может быть и речи, она заговорила.

— Юсуф, близко ли находится отсюда дворец Абенцаррати?

Он удивленно взглянул на нее и пожал плечами.

— Не так уж и далеко, чтобы бояться.

— Я не боюсь, — сказала она, — но хочу, чтобы ты проводил меня к нему. Я люблю твоего господина Абула.

— Я пойду к эмиру Абенцаррати, — сказала Сарита, подбирая слова и жалея о том, что она еще плохо говорит на языке Юсуфа. — Я расскажу ему правду о госпоже Айке, и о себе. Я объясню

ему, что не представляю никакой угрозы заведенному порядку, что никогда не стану женой господина Абула. Я знаю, что это было бы против всех традиций и верований вашего народа и, кроме того, не желаю занять это положение.

Юсуф ничего не сказал, но в глазах его появился интерес. Сарита продолжила.

— Если господина Абула свергнут, это пойдет на пользу только роду Мокарабов. И, может быть, Абенцаррати не будут больше поддерживать род Мокарабов, если поймут, что те используют их для своих целей. Может быть, они пересмотрят свою позицию, если мне удастся убедить их в том, что калиф не собирается нанести обиду своему народу, и что это не более, чем сказка, придуманная теми, кто жаждет его падения. По крайней мере, может быть, они задумаются над этим…

— А почему ты так думаешь, что они поверят тебе? Женщине и не правоверной?

— Именно поэтому они и прислушаются ко мне, — сказала она.

Юсуф подергал свою короткую бородку:

— А почему ты не должна хотеть стать женой калифа? Кто поверит в то, что какая-нибудь женщина способна отвергнуть подобное положение?

— Я не принадлежу к вашему народу, — тихо сказала Сарита, и для меня радости жизни совсем в другом. Я не желаю жить в серале.

— Но пока ты будешь делить с калифом ложе, в твоих руках будет власть, которой обладает фаворитка. Вот в чем они видят угрозу.

Об этом Сарита действительно не подумала.

Близость к Абулу давала власть. Именно эту близость она и отняла у Айки, и именно поэтому она и решила ее отравить.

— Так ты считаешь, что я должна отречься от калифа полностью, и что только мое полное отречение от него может повлиять на ход событий?

Юсуф кивнул.

— Потому что до тех пор пока ты с ним, мокарабы могут утверждать, что все обстоит именно так, как они говорили.

Может ли она от чистого сердца обещать такое?

Она подумала об Абуле без Альгамбры, как об орле без своих воздушных пенатов, как об орле, лишенном земли, над которой он мог парить и которую мог обозревать во время полета. Она думала о том, чтобы подрезать орлу крылья… и знала, что это было немыслимо.

— Если я должна сделать это, что ж, так тому и быть, — она постарается, чтобы ей поверили, хотя и будет знать, что Абул не примет ее отречения. Он приедет и найдет ее, как только все успокоится. Но она должна вести себя так, будто ото и имеет в виду, и если она сумеет их убедить, появится какая-то надежда. А потом, если она не будет больше в центре внимания, то, может быть, в ней и не будут видеть такую угрозу. Она сможет тихо жить во дворце у моря, а он будет, когда сможет, навещать ее. Жизнь, которую ее любимый будет делить с ней хоть

mir-knigi.org

наполовину лучше, чем вообще никакой.

— Я так и сделаю, — сказала она твердо, встретив вопросительный взгляд Юсуфа, и говоря самой себе, что если она смогла убедить этого человека, то сможет убедить любого. Он долго молчал, а затем кивнул.

— Они могут выслушать тебя, а потом убить, — заметил он.

— Я готова и к этому. Ты отведешь меня туда?

— Господин Абул с меня голову снимет за это, — сказал он.

А ты не говори ему.

— Обмануть калифа?

— Ну тогда подведи меня к дворцу.

— Но они убьют тебя, а меня — может быть, и нет.

С этим трудно было спорить.

— Вернись к господину Абулу и скажи ему, что я не разрешила тебе сопровождать себя через границу. Скажи ему, что я поехала в Кордову и буду ждать его там.

Юсуф долго сидел, насупившись.

— Вообще-то, возможно, что ты и сумеешь убедить их. Абенцаррати и Мокарабы всегда имели сложные отношения. Если ты сумеешь уверить эмира в том, что им вертели, как хотели, тогда… — он пожал плечами, — только тогда это возможно.

— Так ты отведешь меня?

— Да, — не говоря ни слова, он пустил пони аллюром. Они поехали по склону горы, пока Юсуф не нашел узкую тропинку, вьющуюся сквозь кустарник и скалы.

В полдень они остановились у ручья. Юсуф разжег костер, потом они молча поели. Сарита вдруг осознала, что Юсуф, пустившись в это предприятие, тоже многим рискует, рискует быть пойманным и казненным, как шпион… навлечет на себя гнев калифа за ослушание и повиновение непокорной женщине. Вряд ли Юсуф, столь мужественный и верный калифу человек, стал бы ее слушать, если бы не думал, что то, что она хочет сделать, пойдет на пользу его господину.

Они встретили на своем пути несколько крестьян и пастухов, никто из которых не проявил особого интереса к обычным путешественникам.

Однажды их окликнул небольшой патрульный отряд, который разрешил им идти дальше, когда Юсуф сказал, что они навещали его отца, живущего в соседней деревне. К ночи они были уже на земле Абенцаррати. Они остановились в оливковой роще.

Юсуф не стал разжигать костер. Поев сыра, оливок и фиников и выпив воды из фляги — когда наступила полная темнота — они вышли из тени деревьев и полезли вверх по холму. С его высоты они увидели внизу свет.

mir-knigi.org

— Там крепость Абенцаррати, — сказал Юсуф, — примерно в двух часах хода от рощи. — Отсюда будет легче добраться до нее, — сказала Сарита.

Юсуф хмыкнул, и они вернулись обратно, Закутавшись в одеяла, они легли возле привязанных животных. Немного погодя она выскользнула из одеяла и встала. Юсуф не пошевелился.

Она вытащила из седельного мешка горсть кураги.

Странно, что почувствовала голод сейчас, когда готовилась идти в логово льва. Она проверила — на месте ли нож. Он был там, где и должен был быть — в складках бурнуса. Маловероятно, что у нее будет время, чтобы использовать его в случае атаки. Важно, что он был у нее — это успокаивало.

Она бесшумно вышла из рощи и пошла по тропинке, по которой проходила уже с Юсуфом. Вдруг она вспомнила то давнее утро, когда ела абрикосы, лежа на диване перед калифом, бросая ему вызов и негодуя, чтобы потом, в банях, испытать, несмотря на это, чувственное наслаждение… О, как же давно это было.

Она спустилась по склону горы босиком и задумалась о том, каким образом ей лучше приблизиться к своей цели. Ведь тут неподалеку должны были быть часовые и караульное помещение. Обратят ли они внимание на какого-то пастуха?

За ее приближением пристально следили. Ведь она была пастухом без коз и овец, и появилась из ночной темноты. В эти смутные времена любого пришельца рассматривали с подозрением, даже если он был всего лишь мальчишкой, — поэтому за нею были посланы трое солдат, которые должны были привести ее в сторожевую башню. Увидев их, Сарита испугалась. Она попыталась ответить им смело, но язык от страха не повиновался ей, и она с трудом выговорила арабские слова:

— У меня дело к эмиру Абенцаррати.

— Ты откуда?

— Из Альгамбры, — выдавила она из себя. — У меня сообщение для эмира.

Один из солдат схватил ее за руку и потащил наверх. Он кинул ее на седло. Она старалась, чтобы он не учуял в ней нечто женское, но солдат и не пытался касаться ее. Они поскакали к воротам крепости — они за ними закрылись и они оказались на площади. Почти такой же, как в Альгамбре.

Крепость была похожа на крепость в Альгамбре, только в ней все было гораздо более скромно и менее величественно. Однако и здесь было много вооруженных солдат и стражников.

Ее отвели в круглую комнату, находившуюся в сторожевой башне, где ее уже ждал офицер охраны.

Он уставился на паренька с грязным лицом и необычайно зелеными глазами — что-то в нем было не так, но что?

— Какое у тебя дело?

— Я прибыл из Альгамбры с сообщением для эмира.

mir-knigi.org

— Так доложи его мне.

— Нет, я должен сделать это лично.

Офицер все смотрел и смотрел. Может, это паренек послан, чтобы убить эмира? Но у него не будет возможности приблизиться к нему на такое расстояние, чтобы нанести удар. А в парне все же есть что-то очень странное, очень… Надо будет сказать о нем эмиру:

— Запри его наверху, — сказал он солдату.

— Но я должен…

Солдат хлопнул ее ладонью по губам, а потом ее то ли поволокли, то ли понесли в маленькое пространство. Дверь за ней захлопнулась, и она оказалась в черном каменном аду, где задрожала от холода и страха. Неужели они оставят ее здесь и так и не отведут к эмиру?

Юсуф слышал, как она ушла. Если он хочет соврать калифу, то должен ждать здесь до завтрашней ночи и только потом пускаться в обратный путь.

Внезапно Юсуф вскочил. Почему он вообще подумал, что это возможно? Он взобрался на пони и поскакал так быстро, словно за ним гналась целая армия Абенцаррати. Он не знал, как объяснить калифу случившееся — не сносить ему головы. Его действия не укладывались в рамки верований и представлений его народа. Он ослушался приказа калифа, пойдя на поводу у женщины, и тем самым подверг риску то, что калиф считал для себя самым дорогим.

Женщина сумела убедить его, что ее попытка будет успешной. А Юсуф любил Мули Абула Хассана не меньше, чем эта женщина.

Но теперь ему необходимо сообщить калифу о том, что он сделал, о плане женщины, об опасности, в которой она теперь находилась. Он знал, что должен это сделать, даже не сознавая, почему.

Его взмыленный пони с пеной у рта вбежал в ворота Правосудия и упал на землю.

Юсуф, не обращая внимания на восклицания по поводу его приезда, помчался в Мексуар, где должен был сейчас, судя по времени дня, находиться калиф.

Мысли Абула были заняты не делом, которое он рассматривал, а чем-то совсем иным. Сейчас он мог думать только о том, в пути ли Юсуф с Саритой, или уже прибыли на место. Визирь говорил о том, что подсудимый совершил кражу, и тот трясся от страха — ему могут отрубить руку, и только калиф мог вынести окончательное решение.

Из приемной раздался какой-то шум. В зал вошел задыхающийся Юсуф.

— Что произошло? — увидев его взволнованное лицо, спросил Абул:

— Где Сарита?

Юсуф помедлил, изо всех сил стараясь подобрать нужные слова, чтобы объяснить происшедшее. Глядя Абулу в глаза, он понял, что любовь к этому человеку заставила его принять неверное решение. Позволив самому дорогому для калифа существу подвергнуть себя опасности, он сделал как раз то единственное, что способно было вывести калифа из равновесия. Господин Абул был готов на все ради спасения своей гурии.

— Говори! — люди, находившиеся в Мексуаре, поразились слепой страсти, исходившей от калифа.

— Мой господин, не здесь, — тихо произнес Юсуф.

Абул с трудом взял себя в руки, осознав, что находится среди людей, что рядом вор и его обвинитель. Что бы ни случилось с Саритой, поддавшись панике, он ничего не достигнет.

Он повернулся к визирю.

— У меня сейчас нет времени, чтобы рассмотреть это дело так, как оно того заслуживает, и я не хочу принимать поспешных решений. Давайте продолжим утром, к тому времени я решу, как поступить.

Он обвел присутствующих глазами и лишь затем обратился к Юсуфу.

— Пойдем, — и Абул в сопровождении Юсуфа направился в свою мечеть.

Придя в помещение, предназначенное для молитв и медитации, Абул подошел к восточной нише, помолчал, собираясь с силами, и только потом сказал.

— Рассказывай, что случилось.

Ни один мускул не дрогнул на лице Абула во время рассказа Юсуфа. Когда же тот закончил его, Абул так на него посмотрел, что Юсуф задрожал.

— По-моему, ты просто сошел с ума, — сказал Абул как-то странно. Не думаю, что это будет справедливо — наказывать тебя за то, что разум твой помутился.

— Казните меня, мой господин, — взмолился Юсуф. — Я сделал это из-за своей любви к вам. Я подумал, что женщине, может удастся…

— Я уже сказал, что ты сошел с ума, — прервал его Абул. — Иного объяснения твоим поступкам я не нахожу.

— Что я должен делать, господин? — произнес Юсуф шепотом.

Абул знал, что если позволит себе думать о том, что могло случиться с Саритой, то сойдет с ума.

— Возвращайся назад, — сказал он. — Не знаю, как, но ты должен узнать, что с ней случилось, и суметь передать мне. Ни ешь, ни пей, пока не вернешься с нужными мне сведениями.

— Именем Аллаха, — сказал Юсуф, падая ниц перед нишей, — именем Аллаха — клянусь, я не буду ни пить, ни есть, пока не исполню волю моего господина.

Оставшись один, Абул успокаивал себя тем, что нет смысла причинять ей боль. Но нужны ли им для этого причины? Нет, не живой она может оказаться им более полезной. Они могут найти способ, чтобы Сарита рассказала то, что им нужно. А будучи мертвой, она будет лишь добычей стервятников.

Рассудив так, он сможет сохранить разум до возвращения Юсуфа. А он обязательно вернется. И тогда он узнает, что произошло, и, следовательно, поймет, что ему делать дальше.

mir-knigi.org

И почему он не подумал о том, что ей может прийти в голову это безумие? Женщина, способная спускаться по шелковым веревкам в ущелье, чтобы избежать бархатных пут мужчины, которого любит только потому, что он не принимает ее точку зрения, была способна на все. Но она, кроме того, умела бороться с жизненными трудностями. Он может рассчитывать на это — она умеет бороться.

Но она не понимает его народа, не понимает истинную природу этого конфликта, видит его в черно-белых красках и думает, что речь идет только о том, что останется ли Абул калифом? Но все не так просто. Если бы это было так, то Абул уже давно бы отдал бразды правления испанцам. Только семейная гордость заставляет его участвовать в сражениях, которых он больше не хотел. И Сарита не понимало одного — того, что то, что она сделала, возымеет эффект, противоположный желаемому.

Своим поступком она подбросила его противникам козырь, который он не может и не станет крыть.

Он не пожертвует Саритой, ради верховенства в Гранаде.

Глава 20

Звук отодвигаемой задвижки вывел Сариту из оцепенения. Отойдя от стены и увидев, как распахнулась дверь, она приготовилась к самому худшему.

Снаружи стояли четверо солдат. Ей махнули рукой, чтобы она выходила. Сарита непроизвольно вжалась в бурнус.

Один из солдат взял ее за руки и она поняла, что ее собираются обыскать.

— У меня есть нож, — сказала она поспешно.

Они взяли его и довольно небрежно обыскали ее, но, к счастью, не обнаружили ничего, что сказало бы им о том, что она не тот, за кого себя выдает.

— Иди! — скомандовал ей старший, ткнув в спину.

— Куда вы меня ведете? — она постаралась придать своему голосу решительность, чтобы у окружающих создалось впечатление, что ей есть что предложить, и что она так просто не согласится на роль пленницы.

— Я должен поговорить с эмиром.

— Ты и поговоришь с ним, — сказал старший, — другое дело, что я не уверен, что это тебе так уж понравится, — и рассмеялся.

Они повели ее через коридоры, дворы, вдоль колоннад Архитектура замка была ей знакома, но была более бедной, чем в Альгамбре. Тут не было воды: не было фонтанов, ручьев и вследствие этого здешняя природа была крайне скудна. Все было каким-то спартанским — не было элегантности и приятности. Наконец, они вошли в приемную.

При мысли о том, что ждет ее за этой дверью сердце ее снова забилось. Смерть! Смерть ждет ее в том случае, если эмир не пожелает выслушать ее.

Дверь открылась и ее втолкнули пред очи эмира, четверо охранников по-прежнему стояли

mir-knigi.org

рядом. Сарита подняла голову и смело посмотрела эмиру в глаза, чувствуя, что именно так — с гордо поднятой головой — должна она предстать перед ним. Глаза ее натолкнулись на холодный взгляд.

Эмир Абенцаррати был высоким мужчиной и старше Абула Он был бородат и производил впечатление волевого человека, но глаза его были бесцветны и в них не было ни тепла, ни искры любопытства. При виде его у Сариты не возникло ощущения, что этому человеку она может довериться, и по спине ее поползли мурашки, так как она осознала, что, по всей вероятности, поставив на карту свою жизнь, проиграла. Победить этого человека с помощью правды и обещаний было, очевидно, невозможно, если только он сам не захочет этого. А может, и захочет. Она вызывающе смотрела на эмира.

— Кто ты? — голос эмира был жестким.

Она вскинула голову, сбросив капюшон, и сняла тюрбан — Сарита из племени Рафаэля, — ее волосы заструились по плечам, казалось, осветив мрачную залу.

Наступила полная тишина.

Сарита спокойно стояла, не сводя с эмира глаз.

Эмир перевел дух.

— Ну, — сказал он на испанском, — Сарита из племени Рафаэля, какое же у тебя ко мне дело?

— Я хотела бы сказать об этом наедине, мой господин эмир.

Перед тем, как ответить, он снова помолчал.

— Я выслушаю тебя наедине, но не в одежде пастуха, и хочу посмотреть на то, что далеко увело моего брата Мули Абула Хассана.

Поняв свою уязвимость, Сариту вновь охватил страх. Ей надо было бояться не только смерти.

— Мой наряд не имеет никакого отношения к тому, что я хочу рассказать.

— Может быть… может быть. Тем не менее видеть женщину, одетую таким образом? Это оскорбляет мои чувства, — он обратился к старшему охраннику:

— Оденьте ее подобающим образом, а затем снова приведите ко мне.

Ее эскорт, пораженный происшедшей с ней метаморфозой, испепелял ее похотливыми взглядами.

Эмир встал, чтобы покинуть залу.

К горлу Сариты подступила тошнота, когда она осознала, что, по сути, он отдал ее на откуп этим солдафонам, которые видят в ней справедливую добычу, — ведь она была женщиной не правоверной и, вследствие этого, не заслуживала с их точки зрения обращения, подобающего женщине из их собственного рода.

Уже в дверях эмир остановился и в тот момент, когда стражник заломил ее руку за спину, бросил через плечо:

mir-knigi.org

— Найдите женщин для переодевания. Теперь наша гостья находится под моей охраной.

Стражник не освободил Сариту, но выразил свое разочарование тем, что чуть не вывихнул ей руку, так что на ее глазах появились слезы. Но облегчение, испытанное ею после того, что сказал эмир, было так велико, что она не придала значения боли.

Через несколько минут ее уже снова заперли в той же темной камере в сторожевой башне. Пока что ее не тронули, но сумели внушить недюжинный страх, которым была теперь пронизана каждая клеточка ее тела.

Дверь в камеру открылась и в нее вошли две женщины, одна из которых несла несколько свечей, а другая — длинный кусок материи. Они ничего не сказали ей, едва окинув взором, и поставили свечи в угол. Свечи залили светом камеру. Она предвосхитила их попытку раздеть ее и сделала это сама. Женщины чуть не охнули, увидев ленту, перевязывавшую ей грудь, и одна из них помогла Сарите развязать узел, который сделала на ее спине Кадига. Когда она полностью разделась, они протянули ей платье из какого-то прозрачного белого материала, который почти не защищал от холода или от любопытных глаз. Сарита с ужасом осознала, что это платье не было платьем уважаемой женщины из сераля, это была одежда гурии.

Хотел ли эмир оскорбить ее этим? Или намеревался таким образом свести ее сообщение до бормотаний любимой рабыни? Наверно, то и другое, и подумала, уж не отказаться ли ей от переодевания и не настаивать ли на том, чтобы снова надеть одежду пастуха. Но скорее всего, этим она не достигла бы ничего. Единственным ее шансом был разговор с эмиром, и если он согласен даровать ей аудиенцию только при условии, что она наденет это платье, то должна сделать так, чтобы речь ее своим спокойствием и достоинством произвела на него впечатление большее, чем навязанная им одежда.

Она отказалась надеть предложенные ей туфли, но взяла чадру, чувствуя, что все, что способствует сокрытию ее тела, сейчас ей на руку. Чадра закрыла ее волосы, погасив их жар, однако, лица она закрывать не стала, желая тем самым провозгласить свою независимость.

Дверь хлопнула как раз в тот самый момент, когда Сарита кончила возиться с чадрой; обе женщины отскочили к стене. Стражник уставился на Сариту похотливым взглядом и кивком головы велел ей выходить. Когда она проходила мимо него, он коснулся ее бедра, и по спине ее снова пробежали мурашки. Но она сделала вид, что не обратила на это внимания. На этот раз ее привели в маленькую комнатку, на стенах которой висели шелковые экраны, а мозаичный пол покрывали шелковые ковры.

Эмир лежал на диване, потягивая что-то из бокала. Когда она появилась в дверях, он не поприветствовал ее, а невозмутимо оглядел с ног до головы. Она же продолжала смотреть на стену чуть повыше его головы.

Лень сквозила во всех движениях эмира, когда он поставил бокал на низенький столик и встал. Он пересек комнату и сдернул с ее головы вуаль.

— Похоже, я более сладострастен, чем он — заметил эмир, щупая сквозь прозрачную ткань ее высокую грудь.

Сарита попыталась быть неподвижной, как будто он касался не живой плоти, а глиняной статуи.

— Но у Мули Абула Хассана всегда были несколько странные вкусы, — эмир коснулся кончиком пальца ее соска. — Ты и в самом деле такая холодная, как кажешься? —

поинтересовался он. — Наверно, нет. — Он отвернулся от нее, и Сарита облегченно вздохнула.

— Ну, — сказал он, — ты хотела мне что-то рассказать, рассказывай.

Когда она начала, голос ее задрожал. Тогда она остановилась, перевела дух и начала снова. Эмир опять лег на диван и стал слушать ее, прикрыв глаза.

— Да, ну и ну, — отреагировал на конец ее рассказа. — Ссора в гареме моего друга — оправдание войны. Целое королевство Гранады поставлено на дыбы из-за женской ревности.

Внезапно он рассмеялся.

— Так ты, Сарита, из племени Рафаэля, отказываешься от своих притязаний на господина Абула, в чем бы они не состояли, и хочешь вернуться туда откуда пришла, оставив все так, как было до твоего появления.

— Да, именно так, — подтвердила она, внутренне похолодев от отчаяния. Похоже, эмир не принял сказанного всерьез. — Я поеду отсюда в Кордову. Если вы не верите моему рассказу, то пусть меня сопровождают до границы.

— О, я не подвергаю сомнению твои слова, — сказал он, все еще смеясь. — Так ты говоришь, что Мокарабы принимали меня за дурака.

— Я только сказала, что в случае отречения господина Абула они выигрывают больше всех.

— Да, это правда, — согласился он.

— И причина, по которой они требуют отречения господина Абула, совершенно неосновательна и в любом случае больше не существует.

— М-м-м. У тебя определенно есть мужество, Сарита из племени Рафаэля. Я мало знаю о женщинах твоей расы — вы все там такие? Похоже было на то, что ему действительно было любопытно то, о чем он спрашивал, и его вопрос застал ее врасплох.

— Не знаю, — так вы позволите мне ехать в Кордову, мой господин эмир?

Он задумался. «

— Возможно, но я надеюсь, ты не будешь возражать против того, чтобы еще немного побыть моей гостьей.

Холод пронзил Сариту насквозь, и ее затрясло.

— Но почему вы хотите задержать меня? Я ведь уже сделала то, что должна была сделать.

— Ну послушай, это же наивно, — мягко сказал он.

— Я должен обдумать то, что ты мне сказала, должен созвать Совет и, возможно, мне понадобится задать тебе кое-какие вопросы, для того чтобы принять решение, — сказал он, приветливо улыбаясь Сарите.

— Но вы подумаете над тем, чтобы не противостоять калифу? — Она попыталась обрести хоть какую-то надежду на то, что ее безрассудство не было напрасным.

mir-knigi.org

— Я подумаю и соберу Совет, — повторил эмир, — а ты тем временем воспользуешься моим гостеприимством. Боюсь, не столь необычным, как в Альгамбре, но мы постараемся сделать все, что в наших силах.

Сарита ничего не сказала на это, а что ей было говорить? Она вошла в логово льва, и если он решил разорвать ее на куски, то как она могла защищаться?

Он позвонил в колокольчик — в дверях появился стражник.

— Помести женщину в крепость, — сказал он, — над землей, и без особых ограничений. Достаточно замка и охраны. — Он улыбнулся. — Она не представляет для нас угрозы.

Он увел ее и эмир тотчас, забыв про лень и усталость, энергично поднялся с дивана. Он нисколько не сомневался в том, что женщина говорила правду. Мокарабы были вполне способны на то, чтобы использовать ссору между женщинами и достичь своих целей. Если Айка действительно пыталась убить свою соперницу, калиф действовал справедливо и у Мокарабов не было причин для возмущения. А если христианка покинула Альгамбру, то больше нет законных оснований для действий против калифа., и нет законных оправданий обращению к испанским монархам. Эмир слишком хорошо понимал рискованность подобной коалиции. Но женщина видела это только в черно-белых красках — она думала, что если Абенцаррати узнают правду, то опять станут лояльными подданными калифа, но все было далеко не так просто. В недалеком будущем Абенцаррати, конечно же, не извлекут из восхождения Бобдила на престол такой пользы, как Мокарабы, но через несколько лет…

Через несколько лет их семья может выиграть от этого события очень много. Даже, несмотря на поддержку Мокарабов, женщина и ребенок не смогут править Гранадой так, как это делает мудрый и сильный Мули Абул Хассан, так что в царстве, объятом хаосом, будет много возможностей для тех, кто захочет проявить себя и укрепить свое положение, в особенности, если они способствовали возникновению нового режима правления. Конечно, испанцам придется заплатить за их участие, но эмир не сомневался, что их вполне удовлетворит восхождение на престол мальчика и какое-либо вознаграждение.

А чего он достигнет, если перейдет на сторону калифа, разорвав союз с Мокарабами? Конечно, в этом случае, он заслужит его благодарность и, может быть, добьется продвижения некоторых членов своей семьи, но реального доступа к власти у него не будет. Слишком сильно держит ее в своих руках Мули Абул Хассан.

Нет, он уже сделал свой выбор. Пора уже династии Насридов прерваться, и он сделает все, чтобы сделать себе на этом политический капитал.

Но что сделать с этой женщиной… с гурией калифа? Он мог сгноить ее в крепости, и никто бы не упрекнул его в этом. Но, возможно, ее можно как-то использовать как средство нажима на Мули Абула Хассана? С другой стороны, как госпожа Айка среагирует на пленение соперницы? Возможно, она тоже проявит благодарность, и не только сейчас, но и в будущем.

Эмир улыбнулся сам себе и снова позвонил в колокольчик, вызывая визиря.

— Пошли немедленно послание к эмиру Мокарабов, я надеюсь получить ответ в течение двух дней.

Через два часа из ворот крепости выехал всадник и галопом помчался по дороге в Монтилью.

Вскоре после окончания сиесты Айку вызвал отец, желающий, чтобы она посетила его в палате, где проходил Совет. В ходе мятежа эмир часто советовался с дочерью, сознавая что она хорошо разбирается в политике Альгамбры.

Она вошла и он пригласил ее сесть рядом.

— От эмира Абенцаррати прибыл посланник, дочь. Я думаю, тебе будет интересно сообщение, которое он привез.

И он, улыбаясь, подал ей скрученный в трубку пергамент. Айка прочитала его.

— Наивная дурочка, — сказала она. — Вообразила, что таким способом сможет вмешаться в ход событий.

Отец предостерегающе погрозил пальцем.

— Не будь такой насмешливой, дочь. То, что она рассказала, вполне правдоподобно. А то, что она по наивности подвергла себя огромной опасности и пришла в стан врага, только подтверждает, что эта история достоверна. При других обстоятельствах она могла действительно переломить своим поступком ход событий.

Айка снесла упрек молча.

— Но в послании говорится, что ей не удалось это сделать, и что он просит нас решить ее судьбу.

Эмир пишет, что она находится у него в целости и сохранности, и что он поступит с ней так, как мы или, скорее, ты скажешь.

— Медленная смерть, — сказала Айка.

— Ну что ты, давай не будем так грубы. Давай подумаем, как мы можем использовать ее, чтобы достичь своей цели? Чем готов пожертвовать твой муж, чтобы гарантировать ее безопасность?

Айка вспомнила лицо Абула за мгновение до того, как он распорядился о том, чтобы ее поместили для пыток. У него было лицо отчаявшегося человека.

— Королевством. Думаю, он готов отдать в обмен за жизнь не правоверной Альгамбру.

— Смелое утверждение, дочь.

— Его можно проверить, — ответила Айка, — и я знаю, как лучше это сделать.

Отец улыбнулся:

— Ну и как, дитя мое?

— Использовать ее собственный народ, — сказала Айка. — Она поклялась Абенцаррати, что готова покинуть Гранаду, отказаться от Абула и вернуться в свою страну. Почему бы нам не помочь ей в этом? Их католические величества страшно любят спасать заблудшие души своих подданных. Об этой душе им известно и они знают о той смуте, что поднялась на нашей земле, благодаря ей. Мы можем просто передать им ее заблудшую душу, которая отвергла свою собственную религию, чтобы броситься в объятия к еретику?

mir-knigi.org

Эмир рассмеялся.

— Ну и изощренный же у тебя ум, дочь. А что Абул?

— Если велеть посланнику, которого мы пошлем с этими инструкциями, быть не очень осторожным во время путешествия, и если язык его развяжется, новость достигнет ушей Мули Абула Хассана также быстро, как обычно распространяются подобные новости. У него повсюду есть свои шпионы.

— Да, он узнает об этом.

— И попытается добиться ее освобождения из Кордовы, но не думаю, что преуспеет в этом, — заявила Айка. — Когда дело касается наказания грешницы, карающая рука религии оказывается необыкновенно цепкой, но в то же время Абул потеряет интерес ко всему остальному.

— И женщина все равно умрет медленной смертью, — сказал эмир, — от руки собственного народа.

— И будет сожжена на костре в Кордове, — сказала Айка с удовлетворением, — после пыток.

Тюрьма Сариты была грязной, холодной и темной — в ней не было окон. Узкая доска должна была служить ей кроватью. Каждое утро ей приносили кувшин с водой, и она вскоре поняла, что вода в нем предназначалась и для мытья и для питья. Ее кормили финиками, оливками, сухим хлебом, то есть не давали ей ни умереть с голоду, ни наесться.

Когда, доведенная до отчаяния холодом, она попросила, чтобы ей дали одеяло, ей принесли изъеденный молью плащ, но это было все же лучше, чем ничего.

Большую часть времени она спала, завернувшись в плащ — только таким образом ей удавалось уйти от одиночества, тоски и холода, и увидеть в снах Альгамбру — ее ароматы, звуки и, конечно же, Абула. Губы ее улыбались, в черных ярких глазах отражался ум и мудрость , или же губы его чувственно изгибались, а глаза горели страстью. Иногда, когда сны ее были особенно яркими, ей удавалось почувствовать его прикосновение, ее кожу начинало покалывать и, вертясь от возбуждения, она чуть не сваливалась с узкой доски. А после просыпалась в холодной и одинокой тюрьме, чтобы еще больше почувствовать безвыходность ситуации.

На седьмой день дверь отворилась и ей приказали выйти в коридор. Она сощурилась, потому что после темной камеры ее глаза заболели от яркого света.

Эмир сидел на высоком троне в зале, который напоминал один из залов в Альгамбре. Он был один и знаком показал ее эскорту отступить назад.

— Итак, Сарита из племени Рафаэля, надеюсь, тебе было у нас не очень неприятно, — сказал он, глядя на нее с насмешкой.

Сарита ничего не ответила на это, сконцентрировав все свои усилия на том, чтобы выглядеть смелой и спокойной, когда на самом деле ее охватила волна ужаса, так как она теперь точно знала, что от этого человека не жди добра. С ней сделают что-то ужасное. И Абул… Очевидно, она потерпела фиаско. Ему придется сражаться без нее, и она никогда больше его не увидит…

— Я должен извиниться за задержку, — продолжал эмир. — Пришлось со многими

советоваться.

Сарита сглотнула слезы. Плакать из-за потери Абула было глупо, когда она поняла, что скоро лишится жизни, но она не умрет, как трусиха и, подняв голову, посмотрела ему в глаза.

— Похоже, мы сможем помочь тебе покинуть королевство Гранады, — продолжал эмир, шаря глазами по ее мертвенно-бледному лицу и видя ее насквозь. Он повернул голову к занавешенному проходу позади себя и словно по волшебству занавеска раздвинулась и в палату скользнули три фигуры в серых капюшонах с веревками на поясах, и с фанатично горящими глазами. Сарита закричала.

— Твой народ требует тебя, Сарита из племени Рафаэля, — сказал эмир. — Таким образом ты добьешься того, чего и хотела — ты освободишь Мули Абул Хассана, чтобы он мог удержать трон.

Если бы она даже поверила в то, что он говорит правду, она все равно не смогла бы сохранить мужество от этого ужаса. Она умрет — это было совершенно очевидно, — но только после самых изощренных пыток.

— Дочь моя, твоя бессмертная душа подвергается серьезной опасности, — голос монаха был почти добрым, когда он подошел к ней. — В наших силах спасти твою душу, и вернуть тебя в истинную веру. Тебя охватила ересь, дочь, но мы укажем тебе на твои ошибки.

И его руки приблизились к Сарите. Костлявые пальцы были подобны когтям, белая плоть их была усыпана коричневыми пятнами.

По мере приближения они казались все огромнее. Она открыла рот, чтобы снова закричать, но не смогла — ее захлестнула волна непереносимого ужаса.

Юсуф вернулся в Альгамбру в середине ночи, но время теперь для него ничего не значило и, стараясь ступать бесшумно, он вошел в апартаменты калифа. Абул не спал. Во сне его мучили кошмары и он предпочитал сну бодрствование.

— Ну? — потребовал он у Юсуфа отчета, не чувствуя к нему ни малейшего сочувствия.

— Мой господин калиф, эмир Абенцаррати послал в Кордову сведения о Сарите. Инквизиция схватит женщину, как еретичку.

Услышав об этом, Абул оцепенел.

— Откуда ты это узнал?

— От посланника Мокарабов. Он был послан к эмиру Абенцаррати. Через несколько часов другой посланник выехал из ворот Абенцаррати и направился по дороге, ведущей в Кордову. Я подумал, что он поехал к тамошним религиозным властям, господин, и со всех ног помчался к вам.

— А как ты узнал об инструкциях, данных Мокарабами, Юсуф?

— На дороге я увидел человека в ливрее Мокарабов, мой господин. Я остановил его и предложил ему свою флягу, поскольку он выглядел очень усталым. Мы выпили, и он разболтался.

Абул кивнул. Подобные придорожные встречи случались часто. Юсуф стоял перед ним с опущенной головой, как усталая лошадь, и Абул вспомнил о том, какой он отдал ему приказ.

— Иди отдохни, — сказал он, — и поешь.

Юсуф вышел из комнаты, и калиф вышел во двор. Брызги фонтана искрились при свете луны.

Канарейки в клетке молчали. Значит, прежде чем начать ее пытать, они отвезут ее в Кордову.

Достаточно ли будет его отречения, для того чтобы выкупить ее у них? С его отречением у испанцев появится реальная возможность на овладение Гранадой. Испанские монархи вряд ли легко упустят подобную возможность! Мокарабы сколько угодно могут тешиться, но если на троне окажется ребенок, то испанцы смогут сместить его в любой, удобный для них, момент. Если же Абул будет по-прежнему оставаться твердым, то борьба просто-напросто затянется и, в конце концов, после большой крови все равно скорее всего закончится поражением Гранады. Однако поражение это случится, очевидно, не в годы его царствования; он верил в то, что сможет удерживать Гранаду так долго, если, конечно, останется в живых. Именно из-за боязни оказаться убитым, он отослал Сариту.

Королевство, безусловно, ослабеет из-за внутренних распрей в Альгамбре, но испанцам придется иметь дело с могущественным Мули Абулом Хассаном, а не с податливыми новичками, какими были его сын, жена и семья его отца.

В каком же виде лучше всего будет предстать перед ними? Скрытно, в одиночку, как проситель?

Или во всем блеске и великолепии, свойственными продолжателю династии Настридов? Человеком, который знает, что является ровней испанским монархам, и которому есть, что предложить и не остаться отвергнутым.

До рассвета Абул мерил шагами двор, обдумывая все так и этак, пока, наконец, не пришел к выводу о том, что принял правильное решение.

На следующее утро Альгамбру покинула торжественная процессия. Она устремилась по дороге к Кордове, ко двору их христианских величеств — Фердинанда и Изабеллы.

Человек, едущий во главе этой пышной процессии, даже не оглянулся на темно-розовые стены дворца, который был ему не просто домом… а символом долгого правления Настридов в этом мавро-испанском уголке полуострова. Никогда больше он уже не увидит его.

Никто из сопровождающих калифа лиц — ни придворные, ни солдаты, не знали, что для него это последняя миссия в халифате. Никто из них не спрашивал себя, почему позади процессии едет серая лошадка без всадника. Никто не допытывался о том, что лежит в огромных тюках, которые везут мулы. Никто не знал, что в них золото, серебро и драгоценные камни — все состояние Мули Абула Хассана, все то, что он смог взять из дома своих предков в надежде с его помощью построить другое — новое будущее.

Глава 21

Сарита ехала в Кордову на лошади, которую вел под уздцы вооруженный человек в кастильской ливрее. Руки ее были привязаны к седлу, поэтому ей было трудно приспособиться к неровному шагу лошади, и она чувствовала себя ужасно, но Сарита едва обращала на это внимание, поскольку была погружена в мысли о страшном ближайшем будущем.

Выйдя из камеры, ей показалось, что она выбралась из цепких объятий ночного кошмара, но услужливая память скоро расставила все по местам. Она вспомнила о трех монахах, стоящих возле ее убогой кровати и рассуждающих о ее грехе и его искуплении, в котором не может быть отказано истинно раскаивающимся. Они требовали от нее, чтобы она призналась в своей ереси и тем самым заслужила бы своей бессмертной душе покой.

Она не сказала им ничего, слишком хорошо зная о расставленном ими капкане. На земле не могло быть прощения для признавшегося еретика.

Она будет сожжена, а ее раскаявшаяся душа вознесется к Богу на небеса. Но если она не признается в ереси, они все равно рано или поздно заставят ее сделать это. Ни один смертный не мог вынести пыток, которые они применяли для того, чтобы вырвать подобное признание. Но здесь, в крепости Абенцаррати, они не стали пытать, а напротив, говорили с ней мягко, убеждая ее спасти свою душу.

Наконец, убаюканная их мягкостью, она попыталась объяснить им, что вовсе не потеряла веру во время пребывания во дворце у неверующего. И их мягкость тут же испарилась. Они обвинили ее в безнравственности, в совершении нравственного греха, в отвращении от истинной веры. Они орали, низведя ее до состояния дрожащей твари. После этого они не сделали больше никаких попыток убедить ее, а покинули дворец — большая группа солдат и три монаха со своей заключенной. Несмотря на свое отчаяние, Сарита подивилась тому, что сопровождающие ее люди были одеты в кастильские ливреи. Похоже было на то, что в ее судьбе сыграли какую-то роль их королевские величества.

Но почему они должны были интересоваться судьбой женщины из цыганского племени? Или они были заинтересованы Гранадой, и она служила неким орудием в их руках?

Они попыталась найти в этом интересе августейших особ хоть какой-то лучик надежды для себя.

Может быть, она не исчезнет в коридорах инквизиции только затем, чтобы появиться в день своего сожжения? Может быть, их величества собираются использовать ее по-другому? Но ее надежда так же быстро погасла. Их королевские величества были известны своим интересом к спасению заблудших душ. Просто в данном случае их внимание привлекла, очевидно, связь этой души с мавританским халифатом и они направили к спасению все имеющиеся в их распоряжении средства.

Она попыталась думать об Абуле, чтобы создать внутри себя другой мир и перенестись туда, но думала только о своей ошибке — а если он даже и поедет в Кордову, чтобы спасти ее, то никогда не сумеет ее отыскать… Узнает ли он когда-либо, что с ней случилось? Возможно, эмир Абенцаррати, ослепленный своей победой, расскажет ему об этом…

Они доехали до Кордовы на исходе второго дня.

Сарита огляделась по сторонам — здесь она была дома и могла слышать знакомые звуки и вдыхать знакомые запахи, но они ничего не значили для нее сейчас. Чувства ее были притуплены, и она заботилась только о том, чтобы не упасть со спотыкающейся лошади. Если б она могла рассчитывать хоть на какое-то чудо, может быть, это придало бы ей сил, но никогда еще она не чувствовала себя более одинокой… никогда не сознавала, что находится в таком полном одиночестве, без защиты и без друзей.

Даже осознание того, что они въезжают в ворота королевского дворца не навело ее ни на какую счастливую мысль. Она едва приметила суету и спешку, царящие вокруг. Ее наполовину

стащили, наполовину подняли с лошади, и она оказалась стоящей на мостовой, заляпанной грязью и соломой, где находилась до тех пор пока один из монахов что-то приказал и схватил ее за руку. Двое других монахов стали подталкивать Сариту в сторону серого здания, стоящего позади дворца. Один из сопровождавших ее людей постучал — дверь открылась. Они втолкнули ее в темный и холодный коридор. Дверь за ней захлопнулась и, вместе с ней ушли все звуки, запахи и свет дня.

Калиф Гранады въехал во дворец их католических величеств со всей церемонностью монарха, наносящего визит. Абул тщательно распланировал свое появление. Одежда его свиты была роскошной, лошади богато убраны, а процессию сопровождали музыканты, играющие на флейтах и барабанах. На обозрение были выставлены все обширные богатства его королевства, точно также как и власть и престиж монарха. Если хозяева дворца и подозревали о том, что он прибыл к ним в качестве просителя, то внешних доказательств этому не было никаких. Абул знал, что чем могущественнее он предстанет перед ними, тем более привлекательным покажется им его предложение.

Ему немедленно была дарована аудиенция их величеств, но то была аудиенция приветственная, во время которой был произведен только обмен любезностями и не затрагивались какие-либо серьезные деловые вопросы. Они должны были, конечно же, проявить хоть малейшее удивление по поводу приезда Абула, — он был убежден, что они ждали его, поскольку в их реакции на его приезд была не только вежливость гостеприимных хозяев, но и что-то еще.

Господин Абул и его свита были размещены в гостевом крыле дворца. Юсуф испарился, затерявшись в дворцовых коридорах и в узких улочках города — ему предстояло узнать, когда и как была привезена в Кордову Сарита и где ее держали.

Абул, охваченный лихорадочным нетерпением, едва дождался конца церемонии приветствия, но хранил самообладание, и по его улыбающемуся лицу невозможно было определить его состояние.

Он говорил только одни любезности, танцевал с изумительной грацией, спел свою любимую песню и с неизменной галантностью отвечал на кокетство попадающихся девушек.

Он удалился на покой рано, тогда же, когда и их величества, к превеликому разочарованию нескольких девичьих сердец. Такую экзотическую личность можно было встретить при Дворе их католических величеств не так уж часто, несмотря на всю его блистательность.

Юсуф ожидал Абула в спальне.

— Женщину привезли сегодня утром, мой господин Абул. В сопровождении двух монахов и Фра Тимотео, исповедника их величеств.

Абул отвернулся от Юсуфа и подошел к окну.

В воздухе витал аромат апельсинового цвета. Они обращаются с Саритой явно как с непростой еретичкой, раз в ее деле задействован сам личный исповедник монархов. Может, это означает, что какое-то время у него есть, что пройдет какое-то время, прежде чем они начнут ее пытать.

Они ждали его. Может быть, они использовали ее как приманку? Но кто решил, что на такую приманку он отреагирует? Но, задавая себе этот вопрос, он уже знал на него ответ, — Айка. Его заставили покинуть Альгамбру, применив способ, который, как знала Айка, не мог не подействовать.

Но осознание того, что он сделал в точности то, что от него и ожидали, почему-то не беспокоило его. Да, он сделал то, что хотели они, но, кроме того, он сделал и то, что сам пожелал. Это был его выбор, и Айка может сколько угодно наслаждаться перспективой мучений и смерти своей соперницы, но…

Ей не удастся одним выстрелом убить двух зайцев. Айка не была столь же искусным дипломатом, сколь ее муж. Она действовала, повинуясь порывам своего мстительного сердца. А Абул мог подчинить свои сердечные порывы трезвому и холодном рассудку. Даже тогда, когда дело касалось Сариты.

— Где же они ее держат? — спросил он Юсуфа, который стоял, не двигаясь, пока его господин обдумывал сложившуюся ситуацию.

— В дворцовой тюрьме, — спокойно ответил Юсуф. — Насколько я понимаю, религиозная и светская власть делят между собой это помещение.

Перед глазами Абула пронеслись страшные картины. Он постарался отогнать их. Ему стоило больших усилий, чтобы добиться этого. Однако сегодня он для нее ничего не мог сделать, хотя и был рядом. Он мог только попытаться сквозь разъединяющую их темноту послать ей частичку своей души, чтобы придать сил, необходимых для борьбы со страданиями, как сделал это уже раньше, когда вернул ее к жизни, вырвав из когтей смерти.

Она, несомненно, страдает. В этом месте невозможно не страдать. Испытывает ли она такие же невыносимые муки, как и тогда? Из груди его вырвался стон, исполненный такой невыразимой муки, что Юсуф задрожал от чувства вины и поспешил выскользнуть из комнаты.

Сарита закачалась, жмуря глаза от света факела. Они произносили все те же слова, все те же фразы, не давая ей прислониться спиной к стене. Когда же колени у нее подгибались, и она сползала на холодный пол, ее снова тащили наверх и при этом орали, чтобы она стояла у стены, держа носки на линии, которая была начерчена на полу.

Утро было по-весеннему свежим. Воздух наполняло голубиное курлыканье — их вокруг было много, — они гнездились среди дворцовых башен. Абул оделся в черную, расшитую золотом одежду — именно такого платья требовал придворный церемониал. Накануне вечером он обратился с просьбой к их величествам даровать ему частную аудиенцию, и теперь старался сосредоточиться и обрести покой. Он позавтракал и вышел в город, сопровождаемый людьми из своей свиты якобы для того, чтобы понаблюдать за торговлей и поговорить с продавцами кожи, шелка, атласа, венецианского стекла и тонкого восточного фарфора. Он не должен был предстать перед их величествами человеком, нервно ожидающим, пока его позовут, и потому провел около часа в темной мастерской торговца, продающего раскрашенные рукописи, которые калиф Гранады вполне мог купить, для того чтобы украсить библиотеку Альгамбры. Он рассмотрел рукописи, велел людям своей свиты поторговаться и купить те вещи, которые его интересовали и, немного погодя, спокойным шагом возвратился во дворец с видом человека, находившегося в полнейшей гармонии с самим собой.

Его возвращения дожидался лакей в ливрее. Он сообщил ему, что их величества с удовольствием примут его в Большом зале.

Фердинанд и Изабелла церемонно приветствовали своего гостя. Их советники находились здесь же, Абул же вошел один. Он сразу же перешел к делу — его отречение в обмен на женщину, которую инквизиция держит в дворцовой тюрьме.

— Вы говорите без обиняков, мой господин калиф, — сказал Фердинанд.

— Я не вижу в них смысла, Ваше Величество, — в его позе или на его лице не отразилось ни намека на то, что сейчас творилось в его душе. Он спокойно уселся в резное кресло, положив руки на его подлокотники.

— Женщина — еретичка, она предала свою веру, — сказала Изабелла, — Мы очень тревожимся о ее бессмертной душе, мой господин калиф. В обязанности всех христиан входит забота о душах их братьев и сестер.

— Я уважаю ваши намерения, Ваше величество. Даже будучи человеком, принадлежащим к другой вере, я не могу не воздать вам должное.

Однако за эту душу я хотел бы поторговаться с вами, — и он позволил себе слегка улыбнуться, как если бы вопрос, обсуждаемый ими, был не столь уж важен.

— Если мы освободим женщину, то какие у нас будут гарантии, что вы откажетесь от престола в пользу своего сына? — спросил Фердинанд.

На свой вопрос он не получил ответа, а только лишь пристальный взгляд господина Абула.

— Мы рассмотрим ваше предложение, мой господин калиф, но вы должны понимать, что там, где дело касается спасения души, мирские дела не имеют значения. Мы должны выполнять свои обязанности. Заблудшую душу необходимо вернуть к свету. Мы за это в ответе перед Богом.

— Так же, как и я перед моим, госпожа, — тихо сказал Абул, тоже вставая. — Эта женщина принадлежит мне. — Ну что ж, морковку он им сунул, а теперь займется тем, что помашет ее хвостиком.

— Я уеду отсюда с женщиной, а мои солдаты и свита направятся к Мокарабам, где провозгласят моего сына калифом. Или же вам достанется женщина и ее бессмертная душа, а я приведу в Гранаду войска, которые сейчас находятся в Марокко, и вместе с ними мы уничтожим и Мокарабов, и Абенцаррати, и испанцам не удастся выгнать мавров из Гранады во время вашего царствования.

Голос его был спокойным и холодным, а глаза черными и пронзительными, как у орла.

Фердинанд поднялся, давая тем самым понять своим придворным, что им следует удалиться.

— Мы рассмотрим ваше предложение, мой господин калиф.

— Женщина принадлежит мне, — снова повторил Абул, после чего поклонился и вышел из комнаты.

— Похоже, Мокарабы были не так уж не правы в своих оценках, — тихо сказала Изабелла после ухода Абула. — Не хотела бы я играть против такого человека.

— Да, — сказал Фердинанд — одна душа за королевство.

— Мы выгоним мавров после восьмисотлетнего владычества, — пробормотала Изабелла. — И если мы одержим такую победу — это действительно увековечит нас в памяти наших потомков.

— Но Мули Абул Хассан предложил нам эту победу. Мальчик и его мать не смогут управлять

королевством, раздираемом внутренними противоречиями. Мужчина мог бы это сделать, если бы захотел…

— Еще чуть-чуть и оно будет нашим. И даже без кровопролития.

— Они уже работают над женщиной?

— Да, но я попросил Фра Тимотео, чтобы они не очень пока усердствовали, — сказала Изабелла.

— Истинного раскаяния невозможно добиться так быстро. — И она набожно поджала губы.

— И то правда, — согласился Фердинанд. — Возможно, следует сказать им, чтобы они проявили еще больше осторожности пока мы не соберем Совет и не примем решения.

О, если б они только позволили ей лечь на холодный пол и заснуть. Она умоляла их, но стенания ее оставляли их безразличными — для них она была абсолютно чужой. Горло у нее пересохло, так что она все равно не смогла бы им ответить, даже если б знала, что говорить. Они хотели, чтобы она призналась в том, что перешла в религию не правоверного, а она знала, что не должна этого делать. Тогда они сказали ей, что она сможет уснуть только после того, как признается в своем грехе. Она было открыла рот, но увидела в их глазах волчий блеск, блеск в предвкушении триумфа, и отрицательно покачала головой. Ей ужасно хотелось пить… ужасно. Голод приходил и уходил снова, но жажда мучила ее беспрестанно.

Ноги ее болели, ступням было безумно холодно.

Люди, допрашивающие ее, сменяли друг друга, а она все стояла и удивлялась тому, что они все еще не начали ее пытать. Теперь она уже была готова на все.

Абул в этот день не раз посещал Двор. Он обедал в Большом зале, во второй половине дня присоединился к охотничьим забавам, всем своим видом давая понять, что наслаждается гостеприимством хозяев и отлично проводит время. Ни разу взгляд его не устремился в сторону угрюмого серого тюремного здания, хотя сердцем и душой он был в нем, а тот калиф, которого видели окружающие его люди, был не более, чем пустой оболочкой человека.

В полночь его призвали на Совет. Кроме Фердинанда и Изабеллы в зале находились их старшие советники.

— Так вы пошлете свою свиту назад, в Гранаду, снабдив ее бумагой о своем отречении? — спросил Фердинанд. — И назовете в ней калифом вашего сына?

— Я сделаю это, — сказал Абул, — и мои люди послушаются меня и присягнут на верность Бобдилу.

— А куда вы поедете?

Абул рассмеялся, и смех его был груб и неприятен.

— Простите, но я не думаю, что вас это волнует.

Я даю вам слово, что не буду вмешиваться в дела Гранады. С собой я возьму только караван мулов, серую в яблоках лошадку и Сариту из племени Рафаэля. Все остальное я завещаю своему сыну.

— Женщина будет освобождена в предрассветный час, — произнес Фердинанд.

Вдруг допрос прекратился, и ее вывели из комнаты, в которой держали почти два дня стоя, разрешая посидеть всего лишь по несколько минут. Но она заметила, что после этих минут ей было особенно трудно стоять, так что и не знала, как ей воспринимать подобную милость.

Однако сейчас ее вывели из этой комнаты и заперли в очень темной келье. Она споткнулась и присела на колени, ожидая, что сейчас раздастся крик и чужие руки поставят ее на ноги, но этого не случилось. Вокруг царила абсолютная тишина.

Тогда он сползла еще немного и оказалась на полу.

Он был шершавым и холодным, а воздух — влажным и холодным. Она потеряла сознание. Но скоро дверь широко распахнулась и чьи-то руки подняли ее на ноги. Из коридора проник яркий свет факела и ослепил ее усталые глаза.

Когда Сарита вышла в коридор, ее охватило отчаяние. Куда же ее поведут теперь? Вниз, в подземелье? В подвалы, в которых столько людей мучилось, и в которых и сейчас слышны были их крики? Она споткнулась, почти не сознавая присутствия этих фигур в серых одеждах. Они остановились. В темноте заскрежетал ключ, заскрипела дверь. Рука толкнула ее в спину. Она с трудом перешагнула через высокий порог, и оказалась по другую сторону двери, где стала жадно глотать свежий ночной воздух.

Из тени пустынного двора вышел Абул. Он остановился перед ней, почувствовав ее боль. Волосы ее убрали с лица и стянули на макушке так сильно, что лоб сморщился. Вместо платья на ней была одежда кающейся грешницы из грубой мешковины. Лицо ее было смертельно бледным, и глаза, казалось, ничего не видели.

— Сарита, — произнес он ее имя, как будто только таким способом мог удостовериться в том, что она была не духом, обреченным на вечное странствование по коридорам Инквизиции.

Она медленно подняла голову…

— Абул?

Он прижал ее к себе и, когда она очутилась в его объятиях, почувствовал прилив ярости… удивительной, непонятной, очищающей. Он приподнял ее:

— Как ты могла быть такой дурой? Пытаться так глупо, так нелепо вмешаться в ход событий?

Как ты могла подумать, что понимаешь что-нибудь в моем народе? После всего того, что произошло раньше! Он почувствовал, как она задрожала от его слов. Абул понес ее со двора туда, где ждал его Юсуф с караваном мулов, с серой лошадкой, и с его вороным конем. Он сел на него, все так же прижимая ее к себе, и они выехали со двора, и помчались по дороге, ведущей к границе с Гранадой.

Глава 22

Абул забирался все выше и выше, подальше от наезженных троп и людей — пока, наконец, не достиг намеченной цели.

Речной поток быстро струился по горному склону, образовывая на своем пути крошечные

водопады и заводи. Здешняя земля не испытывала недостатка во влаге, а потому трава и мох росли на ней в изобилии, а оливковые деревья были особенно стройными и более серебристо-зелеными, чем обычно. Выше по склону виднелся вход в пещеру.

В детстве Абул много раз приезжал сюда со своим отцом, а когда ему исполнилось 13, отец оставил здесь его на целую неделю одного, чтобы, живя самостоятельно, он смог лучше узнать самого себя и, таким образом, лучше подготовиться к правлению. Все это Абул намеревался передать и Бобдилу…

Сзади Абула тащился и Юсуф. Он привязал к дереву мулов и лошадку, а затем повернулся к Абулу.

— Вернись сюда через неделю, но только в том случае, если решишь остаться со мной, — сказал ему Абул, — если нет, то я не стану тебя удерживать.

— Я вернусь, — с этими словами Юсуф повернулся и поехал обратно по горному склону.

Абул, все еще державший Сариту на руках, поставил ее на ноги. Он почувствовал, что злость его куда-то улетучилась, и ее сменила усталость после пережитого отчаяния. Сарита застонала и закачалась, и он выхватил нож и вспорол мешковину, окутывающую ее с ног до головы, так и предстала она перед ним нагой.

Он исследовал ее кожу, сначала — глазами, а потом — руками, поворачивая ее и так и этак, поднимая ее руки, не в силах поверить своим глазам, не видящим истерзанной и опаленной плоти.

Но нет, так и есть! Ее кожный покров был абсолютно цел Что бы они с ней ни делали, по крайней мере, они не терзали ее своими дьявольскими орудиями пытки Сарита, похоже, вышла из транса, охватившего ее с момента появления Абула. Наконец, она осознала, что он — не плод ее больного воображения, а реальность, осознала свою наготу, его пристальный взгляд и поежилась.

— Я такая грязная, — голос у нее был сиплым. Почему-то то, что она была грязной, показалось ей необыкновенно важным и она страшно смутилась.

— Не смотри на меня.

— Тебе надо поспать, — произнес Абул каким-то бестелесным голосом, голосом, принадлежащим скорее не человеку, а духу.

Она покачала головой.

— Нет, сначала я помоюсь, — она и в самом деле чувствовала себя так, словно была отравлена испарениями боли и ужаса. Она взялась руками за виски.

— У меня голова болит.

Абул снова взглянул на ее стянутые назад волосы, на роскошные кудри, которые попытались укротить эти ужасные люди.

Он перерезал веревку, стягивающую ее волосы, и освободил их из плена.

В ее глазах блеснули слезы облегчения.

— А теперь поспи, — попытался он убедить ее, но она отрицательно покачала головой.

— Я не могу спать такой грязной.

Абул не понял, почему она чувствует такую настоятельную нужду в омовении, но понял, что должен ей в этом помочь. Он принес мыло, полотенце, масло и стригиль и отвел ее на берег реки.

— Вода, должно быть, холоднющая, — сказал он. Раннее весеннее солнышко и вправду не успело еще, наверно, согреть воду, бегущую с пиков Сьерры-Незады.

— Неважно, — она ступила в воду и мгновенно почувствовала, что ледяной холод принес облегчение ее распухшим ногам. Окунувшись, она почти не ощутила холода как такового, так как он смягчил ее головную боль. И она принялась жадно пить воду и пила ее до тех пор, пока желудок не наполнился ею до отказа, а горло не онемело от холода.

— Выходи сейчас же, Сарита, — взволнованно скомандовал Абул, раздумывая, уж не пойти ли ему за ней в воду.

Но она сама послушно вылезла на берег.

Он намылил ей руки, волосы и все тело, а потом снова подтолкнул к воде.

— Смой это быстрее!

Почуяв в его голосе тревогу, она тут же повиновалась ему.

— Сарита! — закричал Абул, потерявший ее из виду из-за того, что она полностью погрузилась в воду. И она снова поспешила на берег. Там он растер ее досуха полотенцем, вытер ей волосы, и только потом начал смазывать ее маслом и орудовать стригилем, очищая ее кожу от грязи, и чувствуя, что в тело возвращается жизнь, Сарита послушно поднимала руки, раздвигала ноги, словом, делала все, что он просил. А когда он закончил, она глубоко вздохнула, как бы вбирая в себя вновь обретенную свежесть.

— А теперь я буду спать, — и она свернулась калачиком на мягком травяном бережке.

Абул хотел было отнести ее в пещеру, но потом решил, что на свежем воздухе даже лучше. И он накрыл ее одеялом, которое она откинула жестом капризного ребенка, и жест этот, несмотря ни на что, заставил его улыбнуться.

Он сел спиной к скале, вытянул ноги и стал смотреть на Сариту. Горный воздух был абсолютно неподвижен. В эти дни, наполненные ужасом, Абул чувствовал себя очень слабым, однако он знал, что то была слабость, которая предшествовала обновлению духа.

Солнце поднималось все выше и выше. Сарита спала спокойно — она постепенно оживала.

В середине дня он разжег костер, принес все нужное из мешков, и начал священнодействовать возле огня, но ни на секунду не упускал Сариту из поля зрения, желая увидеть первые признаки ее пробуждения.

Солнце уже падало за скалу, когда Сарита проснулась и в тот же момент села. Она огляделась вокруг — глаза ее были совершенно ясными.

— Абул?

— Я здесь, — он подошел к ней.

— А я и не думала, что снова увижу тебя во сне, — она протянула к нему руки и он поднял ее на ноги, — но, похоже, я не понимаю ничего, кроме того, что я ужасно голодна… голодна, как никогда в жизни.

Абул поднял ее и перенес к костру.

— Становится прохладно. Тебе надо что-нибудь надеть, — он достал из одного из мешков шерстяной плащ и накинул ей на плечи.

— Посиди на скале.

Сарита послушно уселась на камень, с любопытством наблюдая за тем, как он зачерпнул из горшка, висящего над костром, каскас и наполнил им деревянную миску.

— Ты что — сам это приготовил?

Он огляделся по сторонам:

— Я что-то никого другого здесь не вижу.

Она только улыбнулась и сунула деревянную ложку в миску. Содержимое ее было подслащено медом, сдобрено миндалем и изюмом. Блюдо было невероятно нежное на вкус. Наконец, наевшись, она отставила миску.

— Откуда ты знаешь, как готовить каскас?

Он пожал плечами.

— Я как-то раз провел здесь неделю совершенно один. Я научился тогда многим вещам: как ловить животных в капкан, как свежевать их и готовить.

Но я подумал, что тебе следует сначала съесть что-то менее экзотическое, а уж потом…

Она снова улыбнулась и потянулась, а потом притянула колени к подбородку и обняла их.

Улыбка сошла с ее лица.

Хотя он и нежно заботился о ней, между ними что-то стояло. Несмотря на то что все эти ужасы кончились, а она знала, что и Абул тоже много выстрадал, она почувствовала это, когда он прижал ее к себе после освобождения из подвалов Инквизиции и, несмотря на все это, на них явно не снизошла благодать обновления. Теперь она вспомнила ту вспышку гнева, которую увидела на его лице во дворе тюрьмы.

— Ты очень злишься на меня?

Абул подумал немного и понял, что за день гнев его прошел.

— Да, я был очень, очень зол на тебя, но то был гнев беспомощного, загнанного в угол человека. Я был охвачен ужасом — ведь я не знал ни где ты, ни что тебе приходится выносить, а быстро помочь тебе не мог. Когда же я, наконец, тебя увидел и осознал, что ты жива, то я, несмотря на понимание того, что тебе пришлось выстрадать… меня охватила ярость, — он дотронулся до ее руки. — Но она прошла, милая. — Сарита приблизилась к нему.

Теперь ей нужна была только его нежность, только она могла успокоить ее.

— Если б ты злился на меня, я бы не смогла вынести твоего гнева, — прошептала она, вдыхая его теплоту, зная, что в данный момент именно это для нее важнее всего на свете. Она больше не хотела никаких слов, его ласка говорила сама за себя.

Абул распахнул полы ее плаща и она легла рядом с ним на мягкую траву. Тело ее было освещено мягким светом костра, и Абул наклонился над ней, немного погодя освободил ее разум от того ужаса, который все еще витал в нем.

— Сарита!

— Ш-ш-ш.

Абул улыбнулся и покачал головой:

— Сарита!

— Ш-ш-ш. Ты напугаешь его, и мы останемся без обеда, — прошептала она, глаза ее горели от возбуждения.

Абул улыбнулся еще шире. Сарита лежала на животе, наполовину нависнув над водой. Она была поглощена сражением с пятнистой форелью, отдыхающей под плоским камнем. Менее удачливый товарищ ее уже лежал на траве, доказывая тем самым поразительное умение Сариты ловить рыбу таким странным способом.

— Слушай, брось это занятие и иди сюда. Я хочу с тобой поговорить, — что-то в его голосе заставило ее на этот раз повернуться к нему.

— Что может быть важнее обеда?

Но Сарита чувствовала, о чем он собирается с ней поговорить, и боялась этого разговора с тех самых пор, как проснулась этим утром в его объятиях. Она помнила, что вчера они говорили только о его злости, но им надо было поговорить еще о многом, например, о том, как ему удалось добиться ее освобождения и, что более важно, когда они вернутся в Альгамбру.

Она не имела намерений не возвращаться с ним. Если она не смогла помочь ему, то останется с ним. Но ей безумно не хотелось возвращаться в душную атмосферу Альгамбры, туда, где Абул постоянно был охвачен тревогой, а она чувствовала себя абсолютно неспособной хоть чем-то ему помочь.

— Мне надо сказать тебе нечто важное, — сказал Абул, — так ты придешь сюда, или мне придется за тобой идти?

Сарита склонила голову на бок и взглянула на него как-то странно, рассчитывая избежать разговора.

Сарита нехотя уступила ему и встала, спуская рукава простого льняного платья, оказавшегося среди вещей, заботливо собранных для нее Калигой и Зулемой.

Ну так? — она встала перед ним на колени, прогнувшись, так что лицо ее оказалось подставленным сияющему солнцу.

Что ты хочешь теперь делать? — спросил ее Абул, прищурившись.

mir-knigi.org

— Ловить форель, что же еще, — она выпрямилась и засмеялась. — Я думала, что ясно дала тебе понять.

Он поймал ее за руки и усадил на траву. Она подчинилась ему, все еще насмешливо на него глядя, и села, скрестив ноги.

— Вопрос слишком серьезный, моя Сарита. Что ты желаешь теперь делать? — она нахмурилась, почувствовав его серьезность.

— Я иду с тобой. Ты должен вернуться в Альгамбру, и я иду с тобой. — Ее глаза были полны решимости. — Ты ведь не отошлешь меня снова, Абул?

— Я не отважусь больше на это, — сказал он. — Теперь, когда я знаю, что происходит, когда дело попадает в твои руки, моя милая, я не собираюсь тебя отпускать.

— Вчера ты сердился из-за этого, а теперь смеешься, — сказала Сарита в полной растерянности.

— Ты был прав, когда говорил, что я не понимаю твоего народа и не должна пытаться вмешиваться в события. Урок был горьким, но он многому меня научил, и я могу понять твой гнев, но прошу тебя надо мной не смеяться.

— Ах, дорогая, я и не собираюсь, — Абул почувствовал угрызения совести и притянул ее к себе.

— И не думай, что я не понимаю того, что тебе пришлось вынести.

— Но теперь все это в прошлом, — сказала она.

— Давай покончим с этим и обсудим наше будущее.

— Давай, — согласился он, — и я хочу знать, как ты хотела бы устроить это будущее.

— Ты должен вернуться в Альгамбру, Абул. Мы должны смириться с этим. Ты и так надолго уехал оттуда… и за это я должна винить саму себя.

— Мы не вернемся в Альгамбру, — тихо сказал Абул. Он долго думал над тем, как лучше сообщить ей о том, какую цену пришлось заплатить ему за ее освобождение, и, не придумав ничего, решил пустить разговор на самотек.

— Почему? — по тому, как она задала этот вопрос, Абул понял, что она уже угадала его ответ.

Он легонько шлепнул ее по губам.

— В жизни человека есть много дорог, Сарита. И я не желаю до конца своей жизни идти по одной и той же, так что я решил изменить направление.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Так ты выменял меня на Гранаду.

Он рассмеялся и ущипнул ее за нос, стараясь показать ей, что достаточно легко относится к этому.

— Как оказалось, Гранада стоит души человека.

Много ли вещей, созданных руками человека, могут похвастаться тем же самым?

— Нет, Абул, я не верю в это… я не могу… я не могла бы жить, если бы думала…

— Тише, глупышка! Или ты думаешь, что без халифата я — ничто? Это было бы серьезным оскорблением, Сарита.

Она снова посмотрела вверх, туда, где высились пики гор и подумала об орле, которому подрезали крылья. Мука переполняла ее.

— Не притворяйся, Абул. Ты знаешь, что ты — это Гранада, а Гранада — это ты. Вы неразрывны друг с другом.

— Ты говоришь глупости, которые еще и оскорбительны, — прервал ее Абул, — ты отнимаешь у меня право на мои собственные приоритеты, право на выбор пути, по которому мне следует идти дальше, однако я сделаю его сам и этот выбор не будет иметь ничего общего с выбором, который сделали бы люди, не видящие дальше своего носа.

Сарита вздрогнула; она почувствовала в нем нешуточный гнев. Абул был самым независимым мужчиной из тех, кого она когда-либо встречала. Он редко действовал не обдумав как следует последствий и, сделав что-либо, не тратил времени на пустые сожаления о содеянном. Так что, если он решил променять халифат на нее, то ей следует с радостью и благодарностью принять это.

Мысли сменяли одна другую, и она лихорадочно пыталась найти нужные слова, чтобы исправить свою ошибку. В конце концов, она решила, что будет лучше, если она воздержится от извинений и вообще от каких-либо объяснений, поскольку они могут увести ее туда, откуда ей будет еще труднее выбираться.

— И что ты хочешь теперь делать, Абул?

— Есть несколько возможностей, — сказал он легко, как будто до этого они не ссорились. — Если хочешь, мы можем построить здесь хижину и наслаждаться жизнью вдали от света.

— Держать коз, — захлопала в ладоши Сарита, — коз и цыплят. У нас тут достаточно воды, а вокруг растут оливковые деревья и, возможно, мы могли бы выращивать…

— Зимой тут будет довольно холодно, — серьезно сказал Абул.

— Да, наверно. На зимние месяцы племя всегда спускалось в низины.

— Мы можем жить и жизнью бродяг, если тебе этого хочется, — сказал Абул.

— Мне кажется, что двоим будет трудно жить жизнью такого рода. Она требует какого-то сообщества.

— Ну, может быть, тебе захочется поехать в…

Почему-то подобная мысль не приходила в голову Сарите. Оставить полуостров… порвать все ниточки, связывающие ее с Испанией… с родиной, в людьми ее расы… Она вздохнула.

— Да, но что ждет нас там?

— Поместье моей матери, оно находится у моря.

Оливковые и апельсиновые рощи, сосны, дом из белого мрамора с террасами, выходящими на море, сады с хибискусом и олеандрами.

— И все это твое?

— Я унаследовал его, — улыбнулся он. — Моя мать умерла десять лет назад, и я постоянно приезжал туда, но я никогда не жил там, хотя, будучи мальчишкой, проводил там много времени.

— Никогда не жил там? — Это казалось ей необычайно важным.

Неужели они могут найти место, не населенное призраками прошлого?

Абул покачал головой:

— Никогда.

— Но там есть гарем?

— Гарем, моя милая, не может существовать без женщин, живущих в нем.

— Но ведь это то место, в котором они содержатся отдельно от мужчин.

Он покачал головой:

— Необязательно. Он не может существовать без женщин.

— Но ведь там, в… у тебя будут жены?

— Только одна, или ты разрешишь мне иметь еще? — он уже открыто смеялся над ней, и, заразившись его смехом, она рассмеялась сама.

— Нет, дорогая, никаких женщин. Ты будешь только моей, а я — только твоим.

Хотя они и смеялись, но никто из них не сомневался в серьезности сказанного.

— Мы будем жить на моей земле по твоим законам, и у нас будут дети, которые смогут понять законы и твоего, и моего народа, — он взял ее за подбородок. — Ты родишь мне детей, Сарита?

Она сжала кисти его рук:

— Я рожу тебе детей.

Абул прислонился к скале:

— Ну что ж, в таком случае, у меня есть только одна проблема.

— Какая же? — она уловила его озорство.

— Я должен как-то искоренить в тебе любовь к опасностям, милая.

Она отступила назад, готовая, если понадобиться тут же вскочить.

— Ты хочешь подавить ее, мой господин Абул?

mir-knigi.org

И она просунула руку между его ног, но как только он начал поддаваться ласке, отпрыгнула от него и запрыгала вокруг него.

Абул вскочил и побежал за ней. И так они мчались вверх по холму — волосы ее развевались и мелькали голые пятки. Наконец, он поймал ее за Щиколотку, и они, смеясь, упали на землю.

— Ты действительно находишь в этих провокациях какую-то особую прелесть? — заявил Абул и закрыл ее уста своими, и задрал ей юбку.

— Я люблю тебя, — прошептала она, внезапно уступив ему и обмякнув. Все ее игривое сопротивление куда-то делось.

Яркое эмалевое небо накрыло ее — и ничего, кроме любви, не имело больше для нее значения.

И он слился с ней, наполнив ее до краев своей любовью. Великолепное будущее открывалось перед ними — будущее, которое они построят для себя сами.

mir-knigi.org